

ISSN 0130 1640

www.znanie-sila.ru

ЗНАНИЕ-СИЛА

«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

10/2004

Что мы есть?

Человек принадлежит животному миру — и противостоит ему. Это особенно ярко видно во всем, что связано с едой.

*Справила 35-летие
сеть Интернет,
без которой
человечество уже не
мыслит своего
существования.
И хотя дата условна,
тридцать пять лет —
срок немалый, чтобы
«остановиться,
оглянуться».*

Психологи только в 1976 году начали понимать, что самого себя, оказывается, человек помнит совершенно иначе, чем все остальное. Как устроен этот особый вид памяти и что он значит для человека?

*Смерть в Маньчжурии —
станция наша,/Логово
наше последнее./Как пу-
тешествие это ужасно! —
О Великой Китайской
стене читайте в номере.*

ЗНАНИЕ – СИЛА 10/2004

**Ежемесячный научно-популярный
и научно-художественный журнал**

**№10 (928)
Издается с 1926 года**

**Зарегистрирован 20.04.2000 года
Регистрационный номер ПИ № 77 3228**

**Учредитель Т. А. Алексеева
Генеральный директор
АНО «Редакция журнала «Знание – сила»
И. Келина**

**Главный редактор
Г. Зеленко
Редакция:
О. Балла
И. Бейненсон
Г. Бельская
В. Брель
И. Вирко
(зам. главного редактора)
А. Волков
А. Леонович
И. Прусс
Н. Федотова
Г. Шевелева
(ответственный секретарь)**

**Художественный редактор
Л. Розанова**

**Корректор
И. Любавина**

**Компьютерная верстка
О. Савенкова**

**Интернет-версия
Н. Максимов, Н. Алексеева**

**Оформление
А. Игитханяна**

Подписано к печати 25.08.2004 Формат 70х100 1/16
Офсетная печать. Печ. п. 8,25. Усл. печ. л. 10,4
Уч.-изд. л. 11,93. Усл. кр.-отт. 31,95. Тираж 7100 экз. З 1026
Адрес редакции:
115114, Москва, Кожевническая ул., 19, строение 6;
тел. 235-89-35, факс 235-02-52
тел. коммерческой службы 235-07-74
e-mail: zn-sila@ropnet.ru
znanie-sila1926@yandex.ru

Отпечатано в ОАО «Орден Трудового Красного Знамени
«Чеховский полиграфический комбинат»
142300 г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336. Факс (272) 62-536

**Рукописи не рецензируются и не возвращаются
Цена свободная**

**Подписка с любого номера.
Подписные индексы:
70332 (индивидуальные подписчики)
73010 (предприятия и организации)
PressCafe (<http://presscafe.ru>)**

© «Знание – сила», 2004 г.

«ЗНАНИЕ — СИЛА»

**ЖУРНАЛ, КОТОРЫЙ УМНЫЕ ЛЮДИ
ЧИТАЮТ УЖЕ 79 ЛЕТ!**

**Сегодня подписка, а завтра
– научные сенсации и открытия;
– лица современной науки;
– человек и его возможности;
– прошлое в зеркале современности;
– будущее стремительно
меняющегося мира.**

**Интернет-версия —
[www. znanie-sila.ru](http://www.znание-sila.ru)**

На сайте:

- новости науки;**
 - свежие публикации – статьи
из очередного номера;**
 - полная версия журнала
(начиная с 1998 года);**
 - золотые страницы – лучшие
публикации из архива;**
 - обложки «ЗС» – коллекция обложек
за 75 лет;**
 - коллекция лучших работ
оформителей, 1964 – 1968 гг.;**
 - коллекция Виктора Бреля;**
 - общение – раздел для обмена
мнениями и споров;**
 - гостевая книга;**
 - викторина – вопросы и задания с призами.**
- Редакция регулярно пополняет свой сайт
публикациями прежних лет.
В последнее время на сайте
выставлен раздел
«Происхождение человека».**

«НЕ ТАК!»

**Совместная передача журнала «Знание —
сила» и радиостанции «Эхо Москвы».
Слушайте передачу «НЕ ТАК!..»
каждую субботу в 18.00**

*Вузы, школы и библиотеки городов Белгород,
Ст. Оскол и Губкин Белгородской обл. получают
журнал бесплатно благодаря финансовой
поддержке дирекций Лебединского
горнообогатительного и Оскольского
электрометаллургического комбинатов*

10/2004 В НОМЕРЕ

4 ЗАМЕТКИ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

А. Волков
Под знаком стали

9 *М. Ахметова.* От Бога и от беса

Мышление современного человека
формировано наукой.
Но сама наука
вызывает глубокие подозрения
у широких религиозных масс.

16 РЕПОРТАЖ ИЗ ПРОШЛОГО

Ю. Шкроб
Кровь за нефть

Детектив, но из реальной жизни:
инженер и его жена
погибают насильственной смертью,
сгорают его дом и лаборатория,
погибают или исчезают без следа
ближайшие родственники
и сотрудники.
Почему? Потому что инженер
сконструировал
необычайный двигатель? —
ответ в статье «Кровь и нефть».

21 ГЛАВНАЯ ТЕМА

Когда мы едим...

22 *Б. Жуков* Диетические сказки

29 Идеология еды по Похлебкину

31 *И. Лалаянц* Натура или нуртура?

38 *А. Голяндин* Не кормите призраков кашей

44 *О. Балла* Вкус бытия

Самовоспроизводящие молекулы
захватывают необходимые им
для роста и размножения
вещества из окружающего
пространства.

Самовоспроизводящиеся ритуалы
ясно указывают твоё место
в семье и в обществе.

Сознательная и полусознанная
«организация

самого процесса» еды

скрепляет малые и большие

человеческие коллективы,

связывает прошлое и будущее,

высокое и низкое,

мир дольный и горний...

Ну, много ещё мы делаем,

когда едим...

Например, нарушаем чужие обычаи,
рискуя при этом жизнью.

Европейский антрополог
путешествует в перуанских Андах.

Застигнутый ливнем, он спускается
в долину, находит приют

в индейской хижине,

а ночью его убивают.

Оказывается, индейцы приняли его

за колдуна: «вышел из дождя»

(первый признак колдуна),

отказался пить чай хозяев

и есть их еду (антрополог боялся

заразы в неизвестной пище,

а для индейцев отказ незнакомца

от их — «людской» еды

был важнейшей приметой колдуна).

Эта история — часть большой

подборки «Что мы делаем,

когда едим?»

В ней рассказывается

о современных и древних

обычаях питания у разных народов,

о застольных ритуалах

у древних греков, русских бояр

и французских королей,

о ген-модифицированных

продуктах и опасностях

некоторых современных

способов питания.

10/2004 В НОМЕРЕ

52 ВО ВСЕМ МИРЕ

54 *С. Лем* Технологическая западня

60 *М. Вартбург* Большой обезьяний проект

64 *В. Гаков* Мир в сети

В этом году справила 35-летие сеть Интернет, без которой человечество XXI столетия уже не мыслит своего существования. И хотя дата условна (в 1969 году заработал всего лишь прообраз глобальной компьютерной сети), тридцать пять лет — срок немалый, чтобы «остановиться, оглянуться».

72 *Р. Нудельман* Откуда пришли индоевропейцы

77 ВСЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

Искусство памяти: личная версия

Психологи только в 1976 году начали понимать, что самого себя, оказывается, человек помнит совершенно иначе, чем все остальное. Как устроен этот особый вид памяти и что он значит для человека?

84 КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ?

А. Грудинкин
Красные тарелки
кратера Аристарха

87 ПОРТРЕТЫ УЧЕНЫХ

А. Никулин «Белый воротничок» ищет товарища

Американский социолог Миллс не слишком любил Америку. И очень хотел подружиться с советским Товарищем, но не смог его найти.

92 САМЫЙ, САМАЯ, САМОЕ

94 *В. Шубина* Русско-американское воплощение денди

Говорят, между русскими и американцами много общего. Может, правда?

102 ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

104 *Е. Парнов* В Индию — марш!

112 ВГЛУБЬ ВРЕМЕН

А. Волков Проклятая Китайская стена

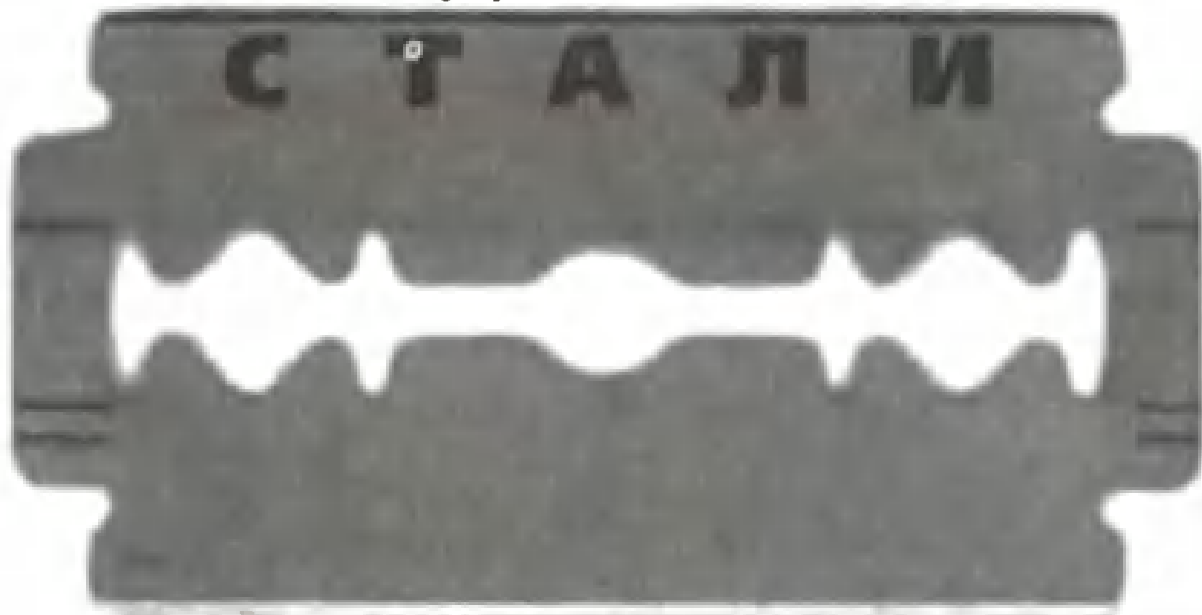
123 ВОКРУГ ИДЕИ

Ян Шенкман Запрещенные люди

125 КАЛЕНДАРЬ 3-С: ОКТАБРЬ

III МОЗАИКА

Под знаком

Последние лет сорок, с тех пор как бурный XX век успокоился, вошел в свои берега, ему принялись подбирать имена: его называли «веком космонавтики», «химизации», «мирного атома» и «атомной угрозы», «радио и телевидения». Вот кто бы назвал его веком стального литья? Конвертеры, мартены и блюминги все так же несли свою службу, но уже их названия стали забытыми словами, превратились в архаизмы далеких тридцатых. В самой фразе «сталелитейное производство» слышится что-то консервативное. Кажется, что так и будет огненная лава металла литься, как во времена первых пятилеток. Фигуры литейщиков в металлургических цехах будут двигаться все по тем же траекториям так энергично, что за давностью лет протрут до дыр и пелену воздуха.

В любых других производственных сферах — ослепительный блеск сверхновых открытий, скопление патентов, рассчитанные ходы рекламы. Только здесь, в литейке, мерно течет металл, как Волга впадает в Каспийское море. Люди, далекие от этой отрасли, будут

крайне удивлены, что в ней за привычным огненным снопом искр происходят бурные изменения. Из двух тысяч сортов стали, используемых в современной промышленности, около тысячи разработано... за минувшие пять лет. Никаких рапортов, никаких строк в выпусках новостей — тут металлургам, людям приземленным, далеко до громких реляций астрономов, а вот глядите-ка: патент регистрируется за патентом. Сталь оказалась удивительно современным материалом — «непререкаемой царицей» промышленности. Новейшие виды пластмассы и керамики, необычные сплавы цветных металлов не могли поколебать ее трон, не подорвали позиции черной металлургии.

Технологии производства стали настолько усовершенствовались, что сейчас почти для любой цели, для любого проекта можно подобрать специальный ее сорт, будь то необычайно твердая сталь с антибактериальным покрытием (она нужна для хирургических инструментов) или коррозионно-стойкая сталь для новых элект-

ростанций, или прочнейшая сталь для авиационных шасси. Металлургия — самая обширная отрасль промышленности — взяла на вооружение «точечные» методы производства. Это ведет к громадной экономии материала.

Так, если в XIX веке на строительство Эйфелевой башни ушло 7000

В процессе обработки одна фаза железа может перейти в другую. Железо — как набор букв в игре «Эрудит»: что только ни сложишь из этой россыпи значков у тебя в руках, что только ни родится из этой отливки, остывающей у тебя перед глазами!

Фазовые превращения — результат

Из двух тысяч сортов стали, используемых в современной промышленности, около тысячи разработано... за минувшие пять лет.

Если бы «Титаник» построили из современной корабельной стали — а она втрое прочнее тогдашней, — то пароход, врезавшись в айсберг, поплыл бы дальше. И никакой трагедии в стиле рок!

Жизнь и в XXI веке будет идти под знаком стали, под ее нестареющей маркой.

тонн стали, то теперь из этого металла можно было бы возвести сразу три башни. А если бы «Титаник» построили из современной корабельной стали — а она втрое прочнее тогдашней, — то пароход, врезавшись в айсберг, поплыл бы дальше. И никакой трагедии в стиле рок!

Почему же сорта стали множатся, как на ином стальном листе пятна ржавчины после дождя? В сталь можно добавлять большинство элементов Периодической системы Д. И. Менделеева (вот они, «точечные» методы!) Варьируя число примесей и их вес, создают новые сорта стали. Высоколегированные стали почти наполовину состоят из примесей.

Другая причина в том, что у железа (точнее, у железоуглеродистых сплавов) имеется несколько фазовых состояний, различающихся своей кристаллической структурой: феррит, аустенит, мартенсит, бейнит... Это обуславливает резкую разницу свойств. Так, железо-феррит — это магнитный материал, а железо-аустенит — нет.

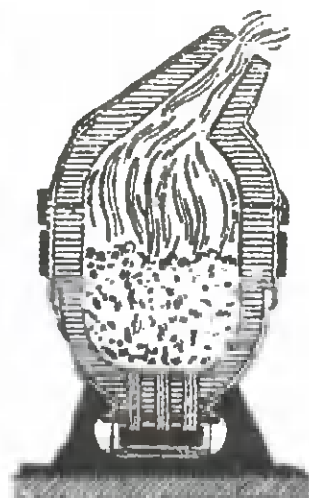
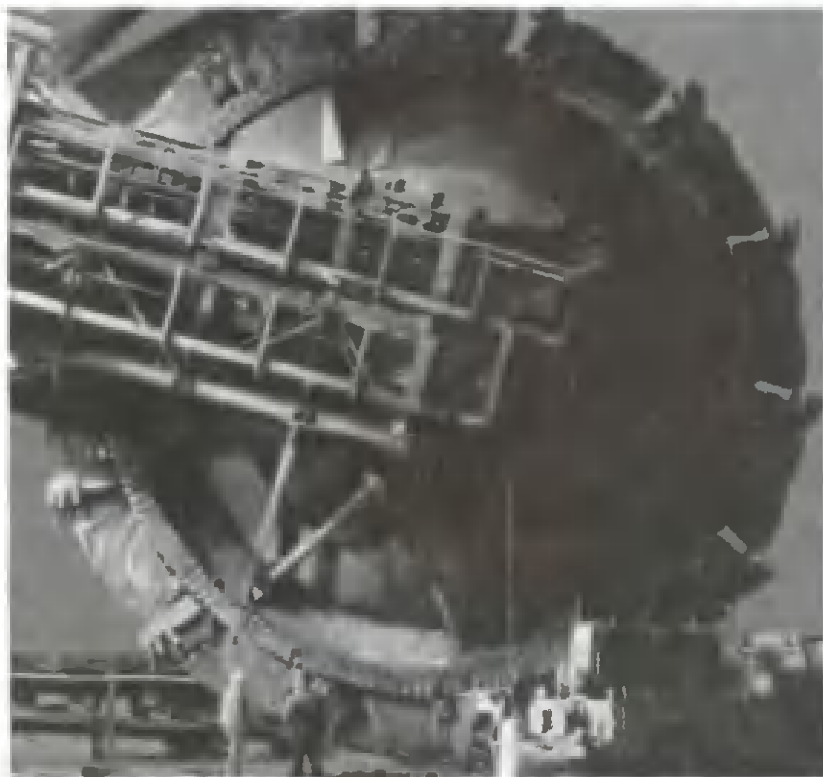
наложения целого ряда условий. Надо учитывать и химический состав материала, и его температуру, и давление... В моей институтской молодости мы, отлученные от литейных цехов, месяцами чертили в тетрадях диаграммы «железо — углерод» — прогнозы чудесных превращений металла. В последнее время эти процессы, как и свойства искомого сорта стали, моделируют с помощью компьютера, чем и обусловлен технологический прорыв — невиданная прежде разноросортица стали. По отзывам экспертов, профессия сталеведа, прогнозирующего на экране компьютера состав будущей стали, становится такой же важной и нужной, как полвека назад профессия сталсвара.

Если прежде график превращений железа вычерчивался в координатных осях «температура — процентное содержание углерода», то теперь — в осях «время — температура». Подобная диаграмма точно указывает, сколько именно должна длиться термообработка стали, чтобы материал приобрел нужные свойства.

Методы обработки становятся все более изощренными. Их, действительно, можно рассчитать только на компьютере. Вот один из выданных в последнее время патентов — ЕР0484960В9. Согласно ему, сталь данной марки получают, прокатывая материал между валками при температуре 900°C , затем в течение полутора секунд охлаждая его до 850°C , после этого в течение нескольких минут выдерживая сталь при 750°C , вновь прокатывая его между валками и

ализовать, свершат революцию в мире доменных печей.

Американский ученый Цзянь-Ян Хван из Мичиганского технологического университета разработал метод, который может существенно упростить производство стали. В своих лабораторных экспериментах он соединял шесть обычных микроволновых печей, увеличивая мощность их магнетронов — сверхвысокочастотных устройств, генерирую-

*Вращающийся
конвертер Бессемера*

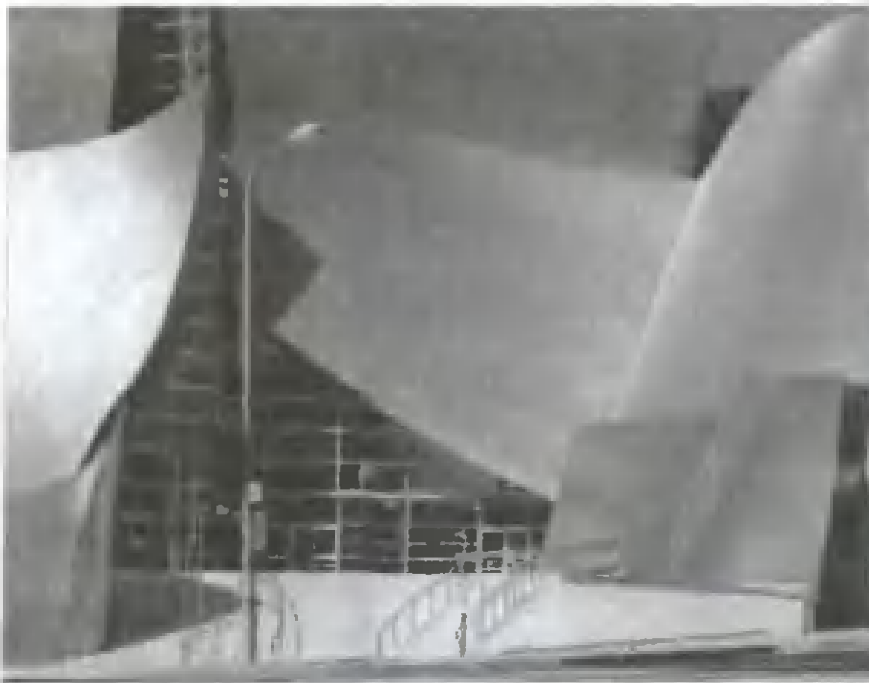
*Современная установка
для выплавки
и разлива стали*

спрессовывая, толщина заготовки уменьшается в три раза, после этого нагревая до 800°C и, наконец, окончательно охлаждая материал. Получается отменно пластичная сталь. В этой череде случайных превращений любые секунды и градусы могут оказаться роковыми — отнять у стали ожидаемые свойства. Многие патенты являются секретами той или иной фирмы; за обтекаемыми фразами «несколько минут», «до некоторой температуры» скрываются загадки технологии, вызов, брошенный конкурентам.

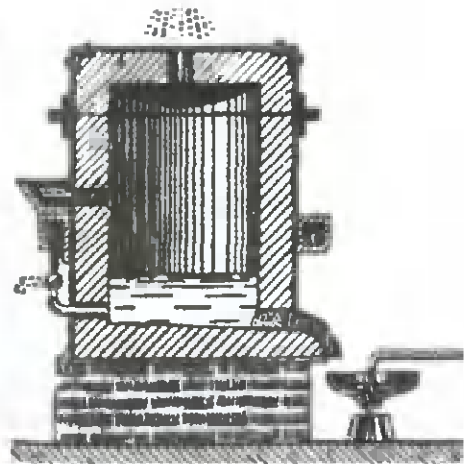
Меняются не только сталь и температурные режимы ее плавки, но и сам процесс производства. Вот лишь две идеи, которые, если удастся их ре-

щих импульсные и непрерывные электромагнитные колебания. Затем подключал каскад микроволновок к электрической дуговой печи, в которой переплавляют скрап — опилки, стружки, металлолом. В эту печь Хван засыпал оксид железа и уголь. Через несколько минут за счет энергии микроволновых импульсов образовалась расплавленная масса стали, поскольку железо в присутствии угля восстановилось из своего оксида и превратилось в сталь.

Этот метод значительно дешевле традиционных способов получения стали, поскольку число производственных операций уменьшилось вдвое. «Кроме того, оксид железа в доменной печи разогревается до

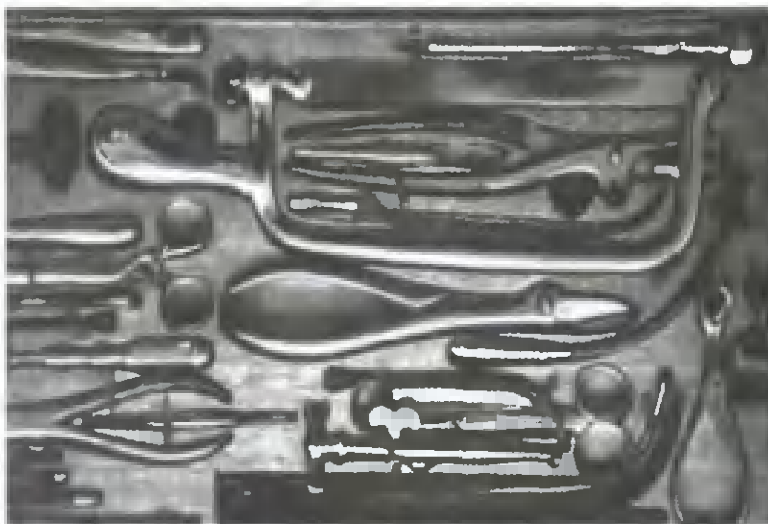

Конструкции из тонких
стальных листов
и стержней

Одна
из опытных
установок
Бессемера

Набор инструментов
из стали

Современный способ
разливки стали

Четыре образа стали

Если сталь содержит от 1,5 до 0,7 % углерода, то она тверда и хрупка. Из такой стали изготавливают лезвия бритв, хирургические инструменты.

При содержании углерода 0,7 – 0,25 % сталь становится более вязкой; твердость ее снижается. Эта сталь идет на изготовление рельсов, деталей машин и каркасов домов.

Когда концентрация углерода в стали опускается ниже 0,25 %, пластичность ее заметно возрастает. Теперь из стали можно штамповать консервные банки, тянуть проволоку или плющить тонкие листы.

В некоторых случаях применяется сталь, вообще не содержащая углерода. Она очень мягка и быстро ржавеет. Ее используют в магнитных устройствах.

температуры 1000°C в течение нескольких часов. В микроволновой печи все происходит за минуту» — отмечает Хван. Другие преимущества метода в том, что для восстановления железа используется обычный уголь вместо дорогого кокса, а выброс в атмосферу парниковых газов и диоксида серы сокращается. Американские сталелитейные предприятия уже заинтересовались необычной технологией.

Другое направление поиска родилось еще лет сто назад — именно тогда впервые задумались о том, чтобы изготавливать листовую сталь непосредственно из расплавленной массы, минуя промежуточные операции. В то время эта идея была технически неосуществима. Раскаленную сталь по-прежнему разливали, получали из нее отливки, а затем раскатывали их в листы.

К забытой идее вернулись лишь в последние годы. Сейчас в Германии ведутся промышленные испытания технологии «литья в ленту». Выглядит это так: тигель с кипящим железом осторожно переворачивают. Расплавленная масса течет между двумя вращающимися валками и застывает в виде длинной тонкой ленты. Метод требует чрезвычайной точности. Если расплав выливается из тигля слишком быстро, то струя железа не попадает в зазор между валками и проливается на прокатный стан, повреждая его. Если валки вращаются медленно, возникает затор и раскаленный металл переливается в сторону. Если они вращаются быстро, жидкая масса проскальзывает между ними, не успевая затвердеть, и опять же растекается по установке. Точность исчисляется долями секунд и сантиметров, экономия — миллионами долларов и рублей.

Возможности применения стали и теперь, несмотря на обилие новых искусственных материалов, кажутся неограниченными. По признанию ведущих специалистов, на исследование потенциала стали уйдет еще не одно

столетие. И слава Богу! Недостатка в сырье не будет. Железо — один из самых распространенных элементов на нашей планете. Земное ядро состоит в основном из него.

Вдобавок сталь, в отличие от многих других материалов, хорошо поддается переработке. Сейчас объем ежегодного мирового производства стали составляет около 900 миллионов тонн; почти половину получают путем переработки металлолома. Сталь, как облако у меня за окном, готова принимать все новые формы. Из старых вагонов рождаются каркасы мостов, из рельсов — ножи и скальпели. Качество стали из скрапа ничуть не хуже, чем из руды, зато цена вдвое ниже.

Главный недостаток стали — ржавчина. Литейный чугун, насыщенный углеродом, практически не ржавеет. Когда же содержание углерода падает, возникают проблемы. Убытки от коррозии астрономически велики. В странах Центральной Европы ржа съедает порядка четырех процентов валового национального продукта, в странах с более влажным климатом — и того больше. Приходится наносить на сталь лакокрасочные покрытия, оцинковывать ее, изготавливать специальные нержавеющие сорта стали. Некоторые из них противостоят даже чрезвычайно агрессивной среде, например, соленой морской воде.

А новшеств становится все больше. Черная металлургия опять переживает подъем, но о ее достижениях мы узнаем, скорее, по косвенным фактам — ведь мы невнимательны к этой ведущей отрасли хозяйства. Лишь мимоходом мы узнаем, что на такой-то электростанции снизился выброс вредных веществ, поскольку турбину изготовили из специальной стали, что повысили ее КПД, или что автомобиль данной марки стал потреблять меньше топлива, так как его кузов сделан из облегченного сорта стали. Наше незнание не умаляет достижений изобретателей. Жизнь и в XXI веке будет идти под знаком стали, под ее нестареющей маркой.

Рациональное и иррациональное не просто соседствуют
в современном массовом сознании,
но тесно переплетены в нем.

Литература о «непознанном» находит чудесам
«научные» объяснения, персонажи традиционной
мифологии — лешие, домовые, черти — предстают
в облики инопланетян или полтергейста;
за словом «энергия» зачастую читается «колдовство».

Круг реинкарнаций и духовное
освобождение. Картина
кришнаитского художника

Интерес позднесоветского и постсоветского общества к религии, прежде всего к православию, породил феномен «православного ученого», цель которого — не только (и не столько) решение некой научной проблемы, сколько подтверждение религиозной идеи, хотя он относит себя к академической, а не к религиозной среде. Среди религиозных деятелей сегодня довольно много ученых, объясняющих религиозные концепты с помощью научных терминов, и наоборот (например, руководитель Душепопечительского центра во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского доктор медицинских наук иеромонах Анатолий (Берестов) рассматривает измененные состояния сознания как «заблуждение, прелесть»; один из основателей Белого Братства — автор ряда статей по микрорелектронике и т.д.)

Совмещение научного и мифологического дискурса характерно уже для сознания человека индустриальной эпохи: образованное общество XIX века увлекалось месмеризмом и спиритизмом, крестьяне зачитывались популярными брошюрами последней трети XIX века, в которых светопредставление описывалось как столкновение Земли с другой планетой или катастрофа, вызванная кометой. Теософия и схожие с ней учения претендовали на определенную «научность».

Мы — свидетели еще более тесного взаимопроникновения двух семантических полей. Противопоставление науки и религии, характерное для советской эпохи, кануло в прошлое (в этом смысле показательна судьба одноименного журнала, в середине 1990-х превратившегося из средства атеистической пропаганды в свою полную противоположность). Рубеж XX и XXI веков в России — время жизни многочисленных религиозных субкультур. Для части их научная лексика — своего рода язык общения (собрании называются лекциями и семинарами) — опять-таки происходит «по-научному». Среди них есть и новые религиозные движения, и субкультуры с определенной историей

(православная прихрамовая среда). Как идеологи, так и адепты этих субкультур — преимущественно горожане, часто с образованием выше среднего (на 1998 год высшее и неоконченное высшее образование имели, например, 65,22% последователей Виссариона и 46,4% представителей московской общины Богородичного центра).

Мировоззрение этих групп представляет собой синтез традиционного мифологического и научного. Для

Диаграмма иллюстрирует представление тибетских медиков об эфирном теле человека, его тонких центрах (чакрах) и танках каналах (надах)

объяснения моральных норм и духовных основ мироздания аргументаций веры оказывается явно недостаточно: необходимо рациональное подтверждение. Так, «церковные люди» находят «научное» объяснение запрету блуда, ссылаясь на эффект телегонии (влияния на потомство первого самца), давно признанный лженаучным:

«Почему Господь говорит, храни верность и чистоту. А это наукой доказано (sic!) <...> Вот кинологи, это люди, которые занимаются разведением собак, знают, что, если <...> самый лучший кобель просто один раз покрыл непородную самку <...>, его выбраковывают. Потому что от этого кобеля <...> пойдут непороди-

стые щенки. <...> Точно так же и у людей. <...> А вдруг это случайные отношения какие-то, случайно, романтические там, а вдруг он вообще какой-нибудь негодяй? И вот потом замуж за замечательного парня, а у тебя ребенок наследует черты вот того негодяя». (Из интервью с женщиной около 45 лет, прихрамовая среда).

Образование, совмещенное с верой, равносильно праведности, и на-

вот. Ну, складывать. Понимаешь? Вот так Господь открывается. (Из интервью с женщиной около 65 лет, прихрамовая среда).

Но представители религиозных субкультур всячески подчеркивают свое неприятие светского знания. Паломница в Дивеевском монастыре советовала автору этих строк перевестись из светского вуза в богословский институт, поскольку, обучаясь «мирской истории», человек служит

Бесы, увлекающие душу грешника в преисподнюю (католическая листовка XIX века)

оборот: праведность может описываться как наука. Последователи Церкви Последнего Завета (воссарионовцы) говорят о своем учении как о «школе жизни», а в прихрамовой среде богопознание могут сравнивать с обучением грамоте:

И, скажем, вот, побыла [в святом месте], походила, узнала — <...> это равносильно то, что ты открыла букварь. Ты открыла букварь, но тебе надо сказать — «а», вот это буква «а», а вот это буква «б», а вот слога,

нечистой силе. «Мирское» знание таит в себе вред, а ученые, хранители этого знания, зачастую представляются колдунами (такие выражения, как «электронная противомангическая оборона» или «информационно-окультурные удары», нередки в прихрамовой литературе).

Лидер Богородичного центра осуждает светскую культуру и науку как таковую, говоря, например, о возникновении письменности как об утрате «непосредственного речевого общения с Богом». В то же время он широко использует психоаналитическую лексику и соответствующие идеи (например, когда говорит о комплексах и страхах, которые формирует в ребенке

нечестивая атеистка-мать, — отзвук распространенной в популярной психологии темы вреда материнской гиперопеки).

Ранние тексты Белого Братства содержат выпады в адрес «ученых безбожников — демонов», а один из основателей Братства, Ю. Кривоногов, жалеет, что в свое время писал диссертацию, вместо того чтобы посвятить это время «духовным вопросам». Но, как явствует из названия первого священного писания Братства, его учение — это «наука о Свете и Его трансформации», миссия Марии Дэви Христос называется программой и т.д.

В религиозных субкультурах циркулируют представления о самых различных областях знания как естественнонаучного, так и гуманитарного. Техника, особенно телевизор и компьютер, испускают, как здесь считается, «кодирующее» или «зомбирующее» излучение. Их воздействие напоминает порчу или беснование: «закодированный», как и одержимый, лишен своей воли и является проводником дьявольской силы.

Эти разговоры записаны автором в прихрамовой среде паломников Серафима-Дивеевского монастыря и в общении с сектантами разных толков

Город этот, Иерихон, там был, Ярхон — чисто русский город был. И река Иордан была — Ярдон, «дон» по-русски была «река», а «яр» — ну это, светлая река. Огненная река. <...> Этруски — язык чисто русский, слова вот, как читаешь — понимаешь все. <...> Но во всем мире говорится, что это старый, древний, не поддающийся расшифровке язык. Что угодно городят, лишь бы русского чело-

Физический дискурс активно используется представителями НРД для обозначения наполняющих мироздание тонких энергий:

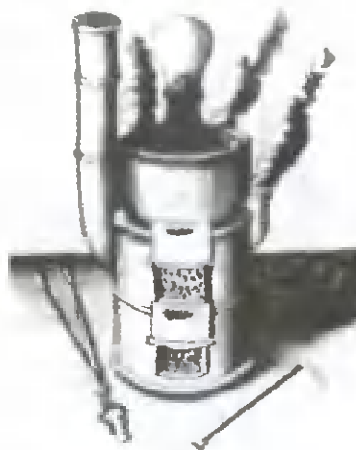
«Фохат — это такая намагниченная Божья энергия, которая выходит из единого источника, единого материнского сердца, и растекается по всему мирозданию» (из интервью с мужчиной 35 лет, Белое Братство).

В «естественнонаучных» представлениях верующих важное место занимает биология. Обыденное сознание вообще склонно мифологизировать микроорганизмы (например, воспринимая микробы как что-то вроде демонологических персонажей). Представители религиозных субкультур склонны наделять клетку, ДНК, вирус сознанием и потусторонней, иногда бесовской природой:

«[Вирус] законченный лжец: он обманывает и мембрану, и рибосому. Он законченный человекоубийца, даже шире, убийца всего живого <...> Вирус есть взбесившийся кристалл».

Националистически настроенные «церковные люди» придают духовное значение генам, в которых заложена информация о «корнях». Библейская идея, согласно которой человек несет наказание за грехи предков до четвертого колена, воспринимается ими почти медицински: грехи рода передаются, подобно наследственным болезням, причем не только по наследству, но и половым путем. По мнению лидера Богородичного центра, «родовые грехи» — это запечатанный в подсознании «генетический код», передающийся исключительно по женской линии и несущий преимущественно грехи родственниц — женщин.

В религиозных субкультурах интересуются историей. Соответственно, «церковные люди» переосмысливают исторические фигуры, прежде бывшие одиозными, — сначала Николая I, затем Иоанна Грозного (бо-

века унижить. <...> Русский человек дал культуру всем. И всегда давал ее. Просто последнее время как бы время безбожия, попрания всех идеалов. (Г., муж., ок. 35 лет, Белое Братство).

Все начавшиеся энергийные уплотнения в Первооснове носили единое условно плюсовое качество. И только лишь на определенной стадии самоформирования активного Начала во Сути Единого Целого стала образовываться и формироваться энергийная среда, которую также условно можно именовать как среда минусового качества (Виссарион. «Время поворота»).

Ведь есть родословность, ведь если мужчина переспал с женщиной, он взял ее грехи, ее родословности. Она переспала с мужчиной, она взяла, это, его грехи и родословности. <...> Грехи-то родственников, родословности, ложатся друг на дружку (В., жен., ок. 65 лет).

Потом, со времен Коперника, темные делають один большой прорыв <...> Они разрушили это, сказали, что Земля находится, ну, Бог знает где, на пределах галактики. Система наша, и Земля вращается вокруг Солнца. Умалил, унизил практически вот эту, самую святую планету во вселенной, которая в центре мироздания. Куда все зрелые души со всей вселенной стекаются для получения духовного опыта. <...> Они, действительно, само солнечное ядро, если не считать ореола свечения, очень мощного, оно такое же, как сам лунный диск. По размерам. А Земля в два раза больше каждого из них, отдельно взятого. Она выступает по отношению к ним и как

ролся с евреями), Григория Распутина (друг царской семьи), Павла I. Русских царей оклеветали, разумеется, враги. Впрочем, идея умышленного искажения истории свойственна не только религиозным субкультурам, но и сугубо светским построениям (ср. с концепцией «заговора против истории» А. Т. Фоменко).

Виссарионовцы считают необходимым изменить преподавание истории в школе. Чтобы молодое поколение не могло «попасться на удочку царства силы, которое идет через учебники истории, — пишет один из авторов их журнала «Земля обетованная», — учителя должны выбрасывать из своего повествования войны, больше внимания уделять истории искусств».

В религиозных группах много «специалистов» в филологии. Открыть смысл явления им помогает этимология знаковых понятий, которые окрашены резко положительно или отрицательно. При этом русские слова в основном наделяются положительными коннотациями, тогда как доля русской этимологии в словах с отрицательными коннотациями мизигнальна.

В прихрамовой среде распространены «переводы» таких слов, как «демократия», «демократ», «демонстрация» (их возводят к слову «демон»), «революция» и т.д. Этимология может быть и вымышленной: слово «пролетарий» в Белом Братстве возводят к придуманному слову «летарий», означающему «астрального мутанта», чье сознание не развивается.

мать, и как дочь. Они ее оберегают, как отец и мать. Землю. И питают. Луна питает воды, Солнце — огни. Но по рождению Земля старше. Она первая появилась в материальном мире. А Солнце и Луна — они появились вслед за ней. А потом — все остальные кометы и планеты. (Г., муж., ок. 35 лет, Белое Братство).

Сегодня дни несутся с бешеной скоростью. <...> На земле может пройти семь лет, когда в очах Божьих лишь год. Недавно состоявшаяся конференция математиков официально установила, что с некоторых пор время движется быстрее. Спрессованное, сконцентрированное, оно такое плотное, что может ранить. («Православные чудеса в XX веке». Б.м., б.г. С. 191).

Диалог представителей прихрамовой среды, рассуждающих, как сделать, чтобы антихрист не мог «зомбировать» через новый паспорт:

— Я знаю, как другим образом выйдет из строя, более надежным. Электромагнитом.

— Другие способы есть. Она опасность в том, что радиосигнал-то дает, и как бы такая слежка, местонахождение. А проще простого — в леденцовое монпансье коробочку, просто он перекрывается, он будет уже экранирован — никакой сигнал не пройдет. Или в фольгу обернуть. Ну, это проще. Леденцовое монпансье коробочку — и пожалуйста, и у них просто как исчезнешь. <...> Заэкранировано будет от электромагнитных волн. Все равно, что приемник.

Наделяются этимологией и слова — символы современной эпохи. Слово «президент» в прихрамовой среде переводят «с латыни» как «посвященный» (в масонство) или «с церковного языка» — как «самозванец, политический вор», а в «модном» слове «пацан», по мнению одного из информантов, таится еврейское ругательство «поц». Эти слова специально зашифрованы врагами для поругания православных святынь и русского народа (ср. традиционное представление о еврейском, татарском или бесовском происхождении матерной брани). Произнося их, человек бессознательно хулит Бога, унижает себя как русского и православного.

Реже обсуждается этимология положительно окрашенных понятий; тут главное — найти доказательства их русского или славянского происхождения. Поиски славянских корней в локусах Святой земли распространены в большей степени среди неоязычников; несомненно сходство этой практики с реконструкциями А. Т. Фоменко.

Наконец, есть представление об особых духовных языках. Прихрамовая среда воспринимает русский, в особенности церковнославянский язык, как сакральный. «Церковными людьми» реформа правописания расценивается как поругание православия: з на с в приставке бес- заменена для призывания беса, твердый знак в конце слова упразднен для «лишения твердости» и т. д. С другой стороны, существует язык сатанинский. Для Белого Братства это «международный цифровой язык». В прихрамовом восприятии ИНН, состоящий из абстрактных, хаотических чисел, заменяет имя — слово.

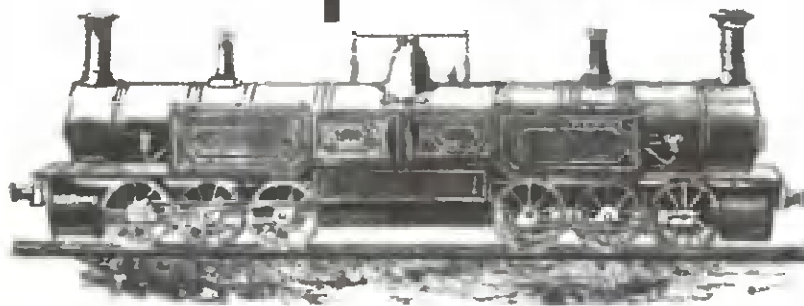
Лингвистические нелогичности не смущают толкователей. Показательна попытка перевести знаковое для православных апокалиптиков слово «компьютер»:

А «потом я стал искать, и оказывается, «компыю» с английского — «счет». «Тер» с древнегреческого — «пожирающий зверь». Так вот, полу-

чается «счет зверя». Еще по-другому раскладывается это слово. «Ком» — «комиссар», «коммунист», «комсомолец», «компьютер», то есть все они имеют корень «ком». А все они — лжепророчество. <...> Дальше, «пью» с японского — «дракон». <...> Причем, по откровению, я еще не нашел, но, по откровению, «ком», «пью» и «тер» — это «счет» на древних языках. (Из интервью с мужчиной около 40 лет, прихрамовая среда.)

В современной культуре мифологические представления не исчезают, а адаптируются к новым культурным условиям. Кроме того, кризис советской символической системы вынуждает наше общество к поиску новых ценностей, черпаемых из мифа. Распространенное в религиозных субкультурах современной России представление о науке и знании обусловлено его двояким происхождением. Из традиционной культуры, где «знать» означает обладать магическим даром, а ученый (врач) сродни колдуну, происходит настороженное отношение к науке, из секулярной — восприятие познания как способа постижения истины. В любом случае представители этих субкультур не проходят мимо этого явления и претендуют на описание мира наукообразным языком. Им необходимо рациональное подтверждение иррациональных идей. Так, религиозным и мифологическим концептам находитс я научное подтверждение, а научные понятия мифологизируются.

Кровь

за нефть

*Воспоминания авиаконструктора
о попытке практического применения лучшего
во всей Вселенной топлива*

Первое мое знакомство с водородом — в романе Ж. Верна «Таинственный остров»: инженер С. Смит рассказал о грядущем мировом энергетическом кризисе и о вероятном пути его преодоления — когда все дрова, уголь, нефть сожгут, основой жизни станет водород. Как большинству пятиклассников, мне эта проблема показалась элементарно простой.

— Давайте, — сказал я руководителю автомобильной секции Дома пионеров, — переоборудуем наш учебный «газик» с бензина на водород.

— А водород где возьмем?

— Из воды электролизом, — блеснул я познаниями в физике*.

— А не рванет? — усомнился педагог. — Он ведь взрывоопасен в любой концентрации.

Но важно ему было не это, а мое мальчишеское самолюбие: отличный педагог не мог подавить инициативу, но и не хотел потакать невежественному авантюризму. Он понимал грандиозность задачи, а его цель была сов-

сем иная — подготовить будущих допризывников к дефицитной тогда профессии шоферов.

Я забыл о водороде ненадолго: в «Пионерской правде» из номера в номер печатался роман — к стыду своему, не помню ни названия, ни фамилии автора — о двух молодых американцах, журналисте и изобретателе. Гениальный инженер в обычной аптеке нашел жидкость, разлагающую воду на кислород и водород. Флакона хватало на превращение целого бака воды в отличное топливо! Друзья проехали на своем «фордике» через всю Америку без капли бензина. Твердолобый адмирал изобретение для ВМФ не купил...

Много лет спустя я узнал: молекула воды необычайно прочна. Разорвать межатомные связи в реакции замещения могут только непомерно дорогие опасные в обращении остродефицитные щелочные металлы и — теоретически — алюминий. Это никогда не происходит практически из-за мгновенного образования на поверхности металла оксидной пленки, исключающей контакт с водой.

Прошли года, я кое-чему выучился, в частности, конструировать само-

* Лет через тридцать эту идею всерьез разрабатывал международный консорциум — проектировалась ГЭС в Баб-эль-Мандебском проливе, часть энергии которой предполагалось разводить по всему миру в сжиженном виде вместо нефти.

леты и искусственные спутники Земли (ИСЗ). О водородном топливе пришлось вспомнить при драматических обстоятельствах.

Проект века, дело национального престижа и большой политики — орбитальная научно-исследовательская лаборатория, — застрял из-за ерунды: бортового источника электропитания. Все известные оказались слишком тяжелыми, ненадежными, малоемкими. Десятки невиданно сложных научных и инженерных проблем решены или почти решены. «Задышали» аппараты и целые системы, совсем недавно казавшиеся фантазией. Вложены невообразимые средства. И все насмарку из-за паршивого источника тока!

Неужели придется уступить заокеанским конкурентам первенство в мирном космическом соперничестве?! Было отчего волноваться академику В. Н. Челомею и кремлевским начальникам.

Лично меня эта паника залевала мало, работы по теме, за которую отвечал я, постоянно отодвигались в интересах самой главной. Но напрасно я дремал второй час на пятиминутке у зама генерального конструктора А. И. Эйдиса. Его гневный взгляд вдруг упал на мои сонные глаза:

— Вы напрасно улыбаетесь.

— Но это не моя тема...

— Эта тема — всех, понимаете, всего соцлагеря, а не только тех, кто назначен ее выполнять. Немедленно отправляйтесь в свою любимую патентную библиотеку. Не может быть, чтобы там не нашлось что-нибудь ценное!

— Но, — наперебой заговорили электрики, — мы не можем...

— Найдите принципиальное решение — это вы обязаны уметь — и покажите смежникам его реализацию. Возможно, еще не время надеяться на солнечные преобразователи, слишком низок их КПД. Вероятно, лучше паровая машина с миниатюрным электрогенератором. Если бы вы читали иностранные журналы, на которые мы тратим бешеные деньги, знали бы: «Боинг», «Норт Америкен», «Рокуэл» разрабатывают для ИСЗ та-

кие энергоузлы. На солнечной стороне корпуса — котел, на теневой — холодильник. Перепад температур больше, чем на ТЭЦ, КПД раз в пять выше, чем у ваших солнечных систем, а масса и габариты раз в десять меньше.

— Вряд ли, — вмешался начальник бригады двигателей С. В. Ефимов, — что-нибудь у них получится: где они возьмут рабочее тело, жидкое при абсолютном нуле? Гелий в таких условиях замерзает. Потому наши умные смежники и не предлагают ничего подобного.

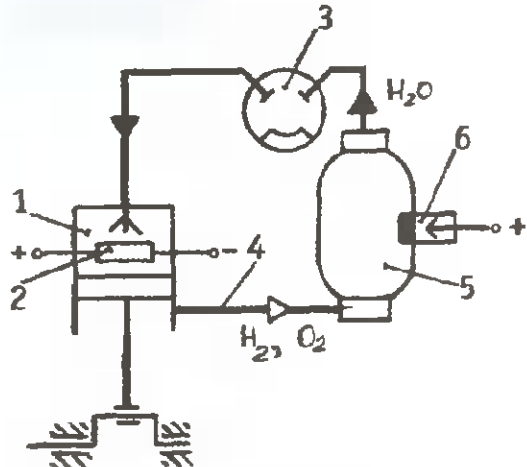
— А может, — возразил А. И., — не предлагают оттого, что вы не спрашиваете?

— Но купить можно только то, что выложено на прилавок.

— Или заказано, например, в ателье по своему вкусу или капризу! Вот вы, — снова накинудся на меня А. И. — чем забивать своей дребеденью (первый в мире маневрирующий ИСЗ «Полет») производство и КБ, лучше поищите бы в патентных и рекламных фондах реальное решение.

В рубрики международной классификации изобретений «...двигатели. не отнесенные к другим рубрикам», в переводе с русского на русский, «Технические курьезы» я заглядывал нередко, как в юмористический журнал, там было немало более или менее хитро замаскированных вечных двигателей, смешных графоманских выдумок, но встречались и дельные предложения в разных областях. В особенности в использовании естественно возобновляемых источников энергии. О многих решениях невозможно судить без подробного анализа. Например, «Молекулярный двигатель» Ж. Марсоля.

Следующая пятиминутка началась с обсуждения этого изобретения, изображенного на плакате (см. рисунок). В рабочую полость 1 на раскаленное электрическое сопротивление 2, покрытое катализатором — смесью сурьмы и цинка, насосом 3, когда поршень находится в верхнем положении, впрыскивается вода. Минуту паровую фазу, она разлагается на кислород и водород. Эти газы занимают примерно в тысячу раз больший объ-

1 — рабочая полость цилиндра; 2 — каталитическое (цинк с сурьмой) сопротивление-нагреватель; 3 — насос-дозатор; 4 — газопровод; 5 — реактор; 6 — электрозапол

ем, чем породившая их вода. По закону Ван-дер-Ваальса, температура и давление возрастают. Газы расширяются и производят работу.

— Супервечный двигатель, — единодушно заявили участники обсуждения, — почти ничего не потребляет, а выдает уйму энергии!

— А может, — усомнился физик Г. А. Болтянский, — прав Марсоль? Возможно, внутренняя энергия газов, высвобождаемая при разрушении межатомных связей в молекулах воды, контактирующих с катализатором, затрачивается на разрушение других молекул. Возникает разветвляющийся, самоподдерживаемый процесс диссоциации. Теоретически возможно, раз не противоречит консервативным законам, а практически — обычный ДВС, только топливо — металл, — во много раз более концентрированное, чем привычное органическое. А вода — рабочее тело, как в паровой машине.

— Мастерски перевел стрелку, — усмехнулся мой сосед справа, — теперь не он крайний, машину поручат Ефимову.

(Болтянский курировал от фирмы работы ВНИИТа, значит, был лично ответственным за энергетический скандал и его последствия.)

— Хватит, — подытожил А.И., — высокоумных дискуссий. Без эксперимента не обойтись. Открывайте НИР.

У нас всякого «железа» — испытанных прежде узлов, приборов, агрегатов — масса. Еще больше на свалке

во дворе. Из этого утиля и лучших в мире измерительных средств следовало как можно быстрее собрать целый ряд экспериментальных устройств. Разных: и примитивных — немедленно, без проекта, и довольно сложных, на что потребуется немало времени. Первый шаг — приказ об аккордной раз в десять более высокой оплате работ. Дело закипело. Об обычных объективных причинах задержек — ни слова. Теоретики, конструкторы, механики, обычно уклоняющиеся от срочных работ, сами находили работу.

Тем временем теоретики проанализировали рабочий процесс в предположении, что воду удастся расщепить. Оказалось, что он осуществим при условии очень быстрого отвода тепла из реактора. Но процесс теплопередачи сравнительно медленный. Это, видимо, учитывал Марсоль, говоря об отсутствии пара.

— Вы, — спросил, понаблюдав наши работы, А. И., — видели в рекламе двигателя Марсоля?

— Нет, возможно. они просто засекречены.

— Тогда обратитесь в ГРУ. Я договорюсь с полковником Треховым.

Полковник — образец рафинированного интеллигента — начал с грубой правды жизни:

— Давайте гарантийное письмо об оплате. За хорошие деньги получите исчерпывающую, надежно проверенную информацию. Возможно, организуем спецоперацию. За среднюю плату получите то, что у довольно безалаберных французов плохо лежит. Можете получить даром то, что есть случайно в наших архивах. Пошарю из уважения к Эйдису. Но не взыщите: за достоверность не ручаюсь.

— Как, — возмутился я, — национальная задача...

— Национальная, конечно, но ни в одном постановлении ЦК и СМ нас нет. А у нас финансирование целевое. Минфина боимся больше, чем ФБР и прочих мастеров тайных дел.

— Не берите в голову, — не дослушав доклад, сказал Эйдис. — Трехов просто цену себе набивает, а за душой, небось, нет ничего. Сами решайте.

Предложения валились на нас, как из рога изобилия. Кое-что проверили. Вдруг, как гром среди ясного неба, сообщение ТВ: профессор И.Л. Варшавский (ФНИКТИД) ездит по Москве на своем «Москвиче», заправляемом водой и алюминиевыми кубиками! Ясно: как-то победил проклятую пленку. Надо немедленно привлечь его к нашим работам. Но со мной он разговаривать не захотел. Так же и с моим начальством.

— Сами решайте, — ответил на мою просьбу силой заставить (такая возможность тогда была) строптивного ученого нам помочь.

Сначала все кажется просто: налили в алюминиевую кружку воду, накрыли ее газосборной воронкой, внутреннюю поверхность поцарапали напильником. Какие-то пузырьки всплывали, но поджечь газ у выхода воронки не удалось.

— Нет там никакого водорода, — утверждали скептики.

— Есть, — возражали оптимисты, — но мало, потому и не видно пламя.

Насверлили под водой килограмм стружки. Она нагрелась, из воронки валит пар. В его облаке искрили четыре автомобильные свечи, но желанный взрыв или хоть маленький оранжевый огонек не наблюдался.

— Стружка — ерунда, давайте вольем в воду расплавленный алюминий.

— Нет, лучше смоем пленку с проволоки кислотой.

Предложения множились, многие проверены в опытах. Наконец, привезли давно заказанную алюминиевую пудру, один из ингредиентов гитлеровских зажигалок. На упаковке красная надпись: «Взрывоопасно!» Этот порошок сыпали в холодную, горячую, подкисленную, щелочную воду — водород не обнаружили.

— Только из-за несовершенства измерений, — заявили прибористы.

К реактору приладили целую систему газоанализаторов. После долгих хлопот систему наладили. Если водород будет, его обнаружим, как бы ни прятался в клубах пара. Всыпали в воду горячую пудру. Негромкий хлопок — из лопнувшей трубки струя пара

ударила в лицо механику. Душераздирающий крик, толкотня товарищей, пытающихся помочь, свист пара, наконец вздох облегчения: ожог щеки, а глаз, к счастью, не задет. Повезло. Именно в этот миг — звонок городского телефона:

— Полковник Трехов. Приезжайте, есть кое-что. Можно пока без гарантийного письма.

Мне показали канцелярскую папку, набитую вырезками из газет и журналов, телеграммами, машинописными и даже рукописными бумагами, хорошими и плохими фотографиями, обрывками фото- и кинопленок, рисунками. Но никаких теоретических конструктивных или технологических рекомендаций. Ни одной цифры или формулы. Не оказалось и информации о проведенных экспериментах, даже самой общей типа «предположения подтвердилось».

— Коротко, — сказал Трехов, — Ж. Марсоль, видимо, дельный работник: его постоянно переманивали солидные фирмы всякий раз с большим повышением. Нигде после окончания Высшей политехнической школы не задержался более года. Последние три года руководил особо засекреченной лабораторией военного министерства. У него 11 патентов, 26 опубликованных научных трудов. Все засекречены. Официально женат четыре раза. Все жены, их родители и новые мужья — преподаватели или научные сотрудники вузов. Последняя жена — доцент Высшей политической школы и зам. мужа в лаборатории. Все четверо детей (только младший — сын последней жены), а также теща, еще какие-то родственники жили вместе с изобретателем в приличном особняке в аристократическом предместье Парижа. В первый уикенд после опубликования патента на ваш любимый двигатель изобретатель, его жена, тесть (профессор Сорбонны), все дети, гувернантка, шофер-охранник погибли в автомобильной катастрофе по пути на пляж. Следующей ночью сгорели дотла лаборатория и вилла «Марсоль». Погибли дежурный экспериментатор, семеро охранников и

трое пожарных. Вскоре по разным причинам умерли бывшие жены, их мужья и некоторые родственники, а также студенты, выполнявшие проекты под их руководством. Последняя жертва — куратор лаборатории от военного министерства. Уцелевшие сотрудники эмигрировали неизвестно куда. Рукописи всех связанных с Марсолем людей изъяты из издательств следователями.

Я был потрясен: это же не американский детектив, а официальная информация, вероятно, близкая к истине! Такова она, «спокойная» жизнь изобретателя, если он ненароком задевает интересы транснациональных корпораций.

— Похоже, — приуныл я, — ничего толком уже не узнать.

— Наоборот, — возразил Трехов, — сам факт такого массированного террора — неопровержимое доказательство наличия важнейшей, возможно, глобального значения информации.

— Но она — за пазухой военного министерства. Оттуда ее не достать?

— Хорошо заплатите, достанем.

На этом наше знакомство кончилось: примерно в те же дни В. Н. Челомей утвердил технический отчет ВНИИТа об успешном окончании испытаний солнечных батарей невиданной мощности. Энергетическая проблема разрешилась без тепловых машин, кажется, навсегда для всех космических систем мира. Наша драматическая НИР потеряла интерес. Последовала команда «немедленно бросить все». Так я и не узнал, осуществим ли молекулярный двигатель Ж. Марсоля, почему не применяются технология И. Л. Варшавского и еще полсотни технических решений, пылящихся в патентных фондах. Возможно, некоторые из них могли бы избавить человечество от нефтяного смога, нефтяных кризисов, угрозы локальных войн, тайно инспирируемой нефтяными монополиями. Разорили бы вконец тех, кто содержит моджахедов, сепаратистов, ваххабитов и прочих террористов.

Но у медали две стороны: замена нефти, газа, угля, урана новым топли-

вом — сурьмой и цинком или водородом, или еще чем-нибудь, более выгодным экономически и чистым экологически, — это настоящая техническая революция. А за технической неизбежно следует социальная. Не обязательно, но довольно часто с гражданской, а иногда и мировой войной. Не слишком привлекательная перспектива, в ядерную эпоху особенно.

Может показаться, что человечество — перед альтернативой: или глотать и дальше в нарастающих количествах канцерогены и прочие прелести сжигания традиционных топлив, или гореть в ядерном пожаре. Но на деле такой неотвратимой альтернативы нет: известно множество технических решений, обеспечивающих «бархатную революцию», в ходе которой и волки — нефтяные, газовые, ядерные корпорации — сыты, и овцы — остальное человечество, а заодно и вся флора и фауна Земли, — целы. Это компромиссные технологии сжигания традиционных органических топлив с химическим связыванием — а не дожиганием! — продуктов сгорания.

В атмосферу не выбрасывается ничего. Конечные продукты — инертные материалы для топливной, химической и других отраслей промышленности. Почти весь парк эксплуатируемых транспортных машин (миллиард автомобилей, тепловозов, теплоходов, тракторов) надо не выбросить, а дооборудовать в ходе технической эксплуатации. Воздушный бассейн автострад и мегаполисов очистится до неузнаваемости. Расходы автовладельцев снизятся: доработанные машины будут несколько экономичнее, а доходы нефтяных и газовых корпораций — в безопасности, значит, не увеличится угроза войн, и за изобретателями в этой области охотиться не потребуется. Остается только эти технологии, частью экспериментально апробированные, частью применяемые в постоянной эксплуатации, довести до массового применения.

Это иная тема, о ней — в следующий раз.

Когда **мы едим...**

Самовоспроизводящие молекулы захватывают
необходимые им для роста и размножения вещества
из окружающего пространства.

Самовоспроизводящиеся ритуалы ясно указывают
твое место в семье и в обществе

Сознательная и полусознанная «организация самого
процесса» еды скрепляет малые и большие
человеческие коллективы, связывает прошлое и будущее,
высокое и низкое, мир дольний и горний...

Ну, много еще мы делаем, когда едим...

Диетические сказки

Не так давно на одном интернетовском форуме участников попросили рассказать, что они знают и думают о генно-модифицированных (ГМ) продуктах. Ответы были очень разными по размеру, глубине знания проблемы и серьезности отношения к ней, но в большинстве своем вполне разумными, в отличие от того, что обычно пишут об этих продуктах в прессе. Станным показался только один, автор которого приводил мнение своего американского знакомого: дескать, в Штатах вся капуста трансгенная. Сколько ни пытался ее заквасить, стоит, зараза, неделями и не киснет...

Для справки: сегодня ни в США, ни где-либо еще нет ни одной грядки ГМ-капусты. Ларчик открывался просто: незадачливый любитель капустки наверняка живет в квартире со стеклопакетами и кондиционером, причем последний, небось, еще и снабжен системой обеззараживания. Откуда же в ее воздухе возьмутся дрожжи, чтобы сквасить капусту? А сам гурман хоть в школе и учился, конечно, ни о каких микроорганизмах не думает и рассуждает, как Винни-Пух: раз капуста не киснет, значит, это неправильная капуста.

Это был редкий случай, когда можно было наблюдать рождение очередного мифа о еде. Обычно они появляются готовыми словно бы ниоткуда: вчера еще слыхом не слыхали,

а сегодня — кто же этого не знает? И потом еще долго маячит где-то на периферии сознания: мода на бессолевые и бессахарные диеты давно миновала, а словосочетание «белая смерть» до сих пор в ходу. Строго говоря, такому мифу вообще не обязательно быть связанным с чем-то реальным. Кто не слыхал, скажем, о «шлаках», накапливающихся в организме при «неправильном» (чересчур обильном, с большой долей мяса и т. п.) питании и выводимых из него с помощью лечебного голодания или специальных диет? Между тем за десятилетия существования этой концепции пресловутые «шлаки» так и не удалось идентифицировать ни с какими конкретными веществами, привязать к конкретным

органам, тканям или внутриклеточным структурам, да и вообще получить хоть какие-то объективные подтверждения их существования. Хотя физиология и биохимия человеческого метаболизма изучены довольно хорошо. На жизнеспособность мифа это, впрочем, несколько не влияет: немногие помнят, что такое трипсин или гликоген, но о «выведении шлаков» знают решительно все.

Впрочем, абсолютные фикции вроде «шлаков» — все-таки скорее исключение в кулинарной мифологии. Подавляющее большинство гастрономических мифов посвящено вполне реальным продуктам, блюдам и способам приготовления. И очень часто в них можно выделить некое рациональное зерно — утверждение исходно содержательное и относительно верное, но гипертрофированное до неузнаваемости. В самом деле, популярии, 55 процентов которой страдают избыточным весом, наверное, в самом деле было бы полезно несколько умерить потребление сахара. Однако от этого благого пожелания до хлесткой клички «белая смерть» — дистанция огромного размера.

Доходит до анекдота: многие российские дамы полагают, что можно похудеть, если есть побольше фруктов. Рациональное зерно очевидно: калорийность фруктов куда ниже, чем большинства традиционных продуктов нашего стола, за исключением разве что части овощей, безнадежно проигрывающих фруктам в престижности и привлекательности. (Правда, и их не рекомендуется есть, сколько влезет: свиньи, которых кормят одними яблоками, но вволю, успешно набирают жирок.) Однако широкие женские массы поняли так, что фрукты можно есть не вместо опасной для фигуры снеди, а в дополнение к ней — они, мол, нейтрализуют ее действие.

Особенно легко рождаются такие мифы, когда в широкую печать проникают результаты какого-нибудь исследования, анализирующего связь между уровнем потребления продукта А и риском заболевания Б. Худая слава еще одной «белой смерти» — соли

— началась как раз с обнаружения положительной корреляции между ее потреблением и уровнем артериального давления. Подобную связь можно трактовать как угодно: возможно, высокое давление вызывает тягу к соленому или то и другое — следствия некой более общей причины. Однако массовое сознание принципиально несовместимо с вероятностными концепциями: раз гипертоники едят больше соли — значит, соль вызывает гипертонию!

В другом случае не понадобилось даже исследований. Достаточно было простого рассуждения: атеросклероз — это образование бляшек на внутренних стенках сосудов, бляшки состоят из холестерина, холестерина много в яйцах. Следовательно, омлет — причина атеросклероза. Несмотря на ученые слова «атеросклероз» и «холестерин», данная логическая конструкция, по сути, не отличается от тех, что были в ходу у каннибалов Новой Гвиней: чтобы быстро бегать, надо обглодать коленную чашечку хорошего бегуна.

Самый, пожалуй, забавный миф такого рода (проживший, правда, совсем недолго) родился где-то в начале 70-х, когда в медицинские исследования пришли методы математической статистики — в частности, корреляционный анализ. При рассмотрении влияния разных заболеваний друг на друга внезапно обнаружилось, что среди хронических алкоголиков смертность от рака чуть ли не вдвое ниже, чем для всего населения в целом. Работа наделала много шума, были предложены теоретические модели, рассматривавшие взаимодействие этилового спирта со свободными радикалами, ароматическими углеводородами и прочими канцерогенами. А потом кто-то привлек дополнительную статистическую информацию — данные о продолжительности жизни, распределении онкологических заболеваний по возрастам и т. п. И стало ясно, что до рака пьяницы просто не доживают.

Начав перечислять мифы о еде, очень трудно остановиться. Но в нашу

задачу не входит написать кулинарный раздел «Энциклопедии заблуждений». Интереснее — да и продуктивнее — проанализировать «факторы риска», способствующие рождению мифа.

Как уже говорилось, в миф легко превращаются медицинские гипотезы или даже данные конкретных исследований — «спрямленные», упрощенные, абсолютизированные в многократных пересказах, а главное — оторванные от процедуры объективной проверки. Уточним: именно объективной. Любой вегетарианец непременно расскажет вам, что он стал чувствовать себя намного лучше после отказа от мяса и что то же самое произошло со всеми его единомышленниками. Однако пробы на случайно выбранных добровольцах (даже при том, что в данном случае невозможен «слепой» тест) не показывают никакого улучшения самочувствия при переходе на вегетарианскую диету. Но адепты не врут — просто опыт тех, у кого попытка отказа от мяса вызвала сильнейший дискомфорт, остается вне их рассмотрения либо трактуется как «наркотическая ломка».

Однако при желании «компромат» такого рода можно добыть на любой продукт и любую кулинарную процедуру — всегда найдется какой-нибудь синдром или индивидуальная особенность, при котором именно этот продукт противопоказан. И если героем мифа становится все же не каждый продукт, можно предположить, что тревожные данные исследований — условие недостаточное. Впрочем, необходимым его тоже не назовешь. Научных данных, хотя бы наводящих на мысль о пользе «раздельного питания» или, скажем, вреде употребления натурального, несквашенного молока, нет и не было. А соответствующие мифы есть.

Не претендуя на полноту анализа, можно назвать несколько характерных черт продуктов и способов их приготовления, провоцирующих мифотворчество.

Прежде всего героями (точнее, антигероями) легенд чаще других оказываются продукты, становящиеся массовыми. И именно в тот момент, когда уже все знают об их существовании, но для многих они еще непривычны. В книге знаменитого историка и тео-

ретика кулинарии Вильяма Похлебкина «Кушать подано!» можно найти целую коллекцию аргументов, выдвинутых в свое время против распространения в России чая, — от «строго научных» сведений о его «вредности для здоровья» до совсем уж диких утверждений типа «чай — зелье, змеиным жиром крапленное» и его «грешно пить, потому как из некрещеной земли идет». Причем очень важно, что весь этот фольклор имел хождение в строго определенную историческую

эпоху. Не в XVII веке, когда чай впервые пришел в Россию экзотическим напитком азиатских купцов. И не в XVIII, когда его стали подавать в домах вельмож-англоманов. А именно в середине — второй половине XIX, когда чай на глазах превращался в массовый напиток русских горожан. И как только этот процесс завершился, античайные мифы тихо и бесславно умерли. Точно так же в XVII веке, когда в Англии начал входить в моду кофе, англиканское духовенство объявило его «сиропом из сажи, черной крови турок, отвара из старых сапог и башмаков».

Наоборот, блюда традиционные, а пуще того — с высоким социальным статусом (праздничные, имеющие ри-

туальное значение и т. д.) массовое сознание категорически отказывается признать вредными, что бы ни говорила на сей счет наука. Известно, какую изощренную, глубоко эшелонированную оборону выстраивают вокруг своей привычки курить курильщики. Автору этих строк случилось как-то выслушать от знакомой экологической активистки страстный монолог о непредсказуемых последствиях промышленного применения трансгенных технологий. На протяжении всей филиппики моя собеседница попыхиwała сигареткой, чреватой не туманными «непредсказуемыми последствиями», а вполне конкретными смертельными болезнями. Причем не только для нее самой.

О выпивке и говорить нечего — сообщения о пользе употребления того или иного спиртного напитка появляются в прессе с завидной регулярностью. Причем внимание и доверие к ним со стороны публики куда выше, чем к прописным истинам о вреде алкоголя. Даже если в той же заметке указывается, что исследование финансировалось какой-нибудь «национальной ассоциацией виноделов», что начисто лишало бы сообщаемые сведения всякой достоверности, если бы

Проще всего наглухо отгородить свое сознание от раздражающей информации. Если наука считает шашлык вредным — тем хуже для науки.

речь шла, скажем, о соевой пасте. Если же никаких фактических данных в пользу любимого напитка нет, общество легко обходится и без них — с легкой руки Николая Фоменко вся страна не первый год повторяет, что «пить водку не только вредно, но и полезно».

Ну ладно, алкоголь и табак — наркотики, а психиатрам давно известна стойкая невосприимчивость наркоманов к любой негативной информации об их зелье. Но столь же упорное сопротивление встречают в обществе неоднократно публиковавшиеся данные о целом букете канцерогенов, обнаруженном в древесном дыме и приготовленных с его помощью блюдах. В самом деле, многие ли из нас согласятся считать опасным, скажем, шашлык, собственноручно замаринованный и поджаренный? Между тем как бы мы ни любили это блюдо, вряд ли тут можно говорить о физиологической зависимости от него. Зато в нашей бытовой культуре шашлык сопряжен с праздником и хорошей погодой, красотой природы и радо-

стями дружбы, романтикой лесного костра и материальным достатком. (В американской культуре ту же роль играет барбекю.) Признать его вредным — значит, отказаться от всего этого или как минимум изрядно отравить себе удовольствие. Проще наглухо отгородить свое сознание от раздражающей информации. Если наука считает шашлык вредным — тем хуже для науки.

Впрочем, и сама наука не всегда может избежать влияния подобных стереотипов. Года два назад все мировые агентства облетела сенсационная новость: биохимики из Стокгольмского университета обнаружили в самых популярных продуктах фаст-фуда — гамбургерах, картофельных чипсах и картофеле фри — условно канцерогенное вещество акриламид, образующееся при сильном (до сотен градусов) нагревании крахмала на воздухе. Не дожидаясь публикации в специальных изданиях, исследователи обнародовали этот результат на специально созванной пресс-конференции, где им задали вопрос: содер-

жат ли акриламид обычная жареная картошка и домашний хлеб? Вопрос остался без ответа — оказалось, что встревоженным ученым просто не пришло в голову проверять «простую и здоровую» домашнюю еду. Впрочем, можно не сомневаться — если бы они начали с нее, реакция общества на их открытие была бы совершенно иной: «Этих ученых послушать, так вообще все вредно!», «Деды-прадеды ели и

были здоровее нас!» и т.п. А вот сообщения о неимоверной вредности фаст-фуда (относительно новой, но уже всем известной ипостаси еды!) воспринимаются чуть ли не с удовольствием. Не верят в нее только дети, не помнящие мира без «Макдональдсов».

Кстати, в нашей стране сюжет о вредных новинках и здоровой традиционной кухне спроецировался еще и на пространственно-политическую ось: «Наша еда — натуральная, а импортная — вся на химии». Увы, это не просто неверно — есть целые классы продуктов, где все обстоит с точностью до наоборот. Например, все газированные безалкогольные напитки мировых брендов — «Кока-кола», «Пепси-кола» и т. д. — делаются на натуральном сахаре. Исключение составляют специальные диетические

разновидности, обязательно маркированные этикеткой другого цвета и надписью light. Подавляющее же большинство российских производителей газировок используют только синтетические подсластители аспартамовой группы (даже при производстве кваса, хотя бродить такой раствор не может по определению), указывая это лишь мелким шрифтом в составе ингредиентов.

Но вернемся к фаст-фуду с его ужасающей репутацией. Он заслужил ее не только тем, что вот именно сейчас, на наших глазах становится массовым модусом питания. Другое его страшное преступление против общественных стереотипов — промышленная технология изготовления еды. Не видя ни исходного сырья, ни производимых над ним операций, потребитель всегда склонен подозревать, что «туда что-то добавляют». И если ресторан, имитируя «домашность», более-менее приглушает эту тревогу, то обнаженно-конвейерный стиль заведений фаст-фуда прямо провоцирует ее. В этих страхах, в сущности, нет ничего специфически кулинарного — они возникают всякий раз, когда человек попадает в зависимость от неизвестных ему решений незнакомых лиц. Многие люди панически боятся операций под общим наркозом, полетов на самолете или соседства с атомной электростанцией, сколько бы им ни приводили разумных аргументов. Впрочем, и применительно к еде такие легенды не новы: «Это было так же общеизвестно, как то, что конфетами фабрики «Бр. Крахмальниковы» можно отравиться или что мороженщики делают мороженое из молока, в котором купали больных». Конечно, даже сто лет назад поверить в эту чушь мог только совсем маленький ребенок — такой, как Павлик Бачей, персонаж знаменитой повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий». Но внушили-то ему ее взрослые. Конечно, не папа-доктор, а какая-нибудь малограмотная прислуга, для которой именно в конфетах и мороженом воплотилась противоестественная идея фабрично сделанной еды.

Боязнь неконтролируемых манипуляций лежит и в основе массовых страхов перед ГМ-продуктами. Однако здесь она соединяется с более общим феноменом — недоверия общества к науке и созданным ею технологиям. Почему для сегодняшнего обывателя научные лаборатории превратились из пещеры Али-Бабы в логово дракона — вопрос интересный, но явно выходящий за рамки данной статьи. Как и сама по себе проблема безопасности генно-инженерной деятельно-

никак не вредит репутации грибов и блюд из них. Если кто-то думает, что рисковать жизнью ради лакомого кусочка могут только русские, пусть вспомнит, что рассудительная Япония платит примерно такую же дань за приверженность к блюдам из рыбы фугу. Потому что грибы и сасими — продукт традиционный, а всякие там трансгены сделаны искусственно. А значит, жди от них беды.

Итак, миф порождается не собственными свойствами того или иного

продукта, а некоторыми культурно-психологическими стереотипами. И скорее отражает и обосновывает реальное потребительское поведение, чем в самом деле влияет на него. Во всяком случае, титул «белая смерть» никак не отразился на показателях потребления соли и сахара на душу населения.

сти, выявившая системный конфликт между двумя почтенными презумпциями — «бритвой Оккама» и принципом предосторожности. Пока же отметим удивительный факт: дискуссия вокруг трансгенных культур длится вот уже второе десятилетие, за все это время их противники не сумели найти ни одного случая вредного воздействия ГМ-продуктов на человека, но общественное мнение явно склоняется на их сторону. В то же время в России ежегодно не менее десятка человек умирает от отравления грибами, и это

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Идеология еды по Похлебкину

Вильям Похлебкин, историк международных отношений, основатель отечественного скандинавоведения, прославился своими кулинарными изысканиями и прекрасно написанными кулинарными книгами, содержащими не только — возможно, не столько — рецепты, но целостную и своеобразную идеологию Еды. В возрасте 75 лет он был убит грабителями в собственном доме, где хранил ценную коллекцию старинных книг.

Кулинария — ремесло и искусство исключительно ручное и требующее композиционного мышления.

Невозможно вернуться в кухне на 100 — 200 лет назад — вся среда другая. Но сохранять верность национальной кухне обязательно, если ты хочешь сохранить национальность.

Главное в национальной кухне — не рецепты, а правила и приемы готовки.

Падение культуры еды прежде всего связано с ленью: стремятся брать готовое.

Самая скверная кухня, считал Похлебкин, выработалась у городских низов: выбравшись из деревни, они отталкивались от всего деревенского и пародировали приготовление еды в городских верхах — в результате получалось что-то дикое. Это какие-то необучаемые люди. Надежда Яковлевна Мандельштам рассказывала о жене НКВДшника, которая упорно клала макароны для варки в холодную воду.

На кухне должны быть шесть — восемь кастрюль (большая эмалированная невысокая — для супа, две алюминиевые широкие и низкие — одна для молока, другая для пельменей; металлическая с толстым дном — для каши; металлическая толсто-

стенная с полукруглым дном — для мяса и другая — для рыбы), три сотейника, восемь сковородок и пять листов-противней, три полукастрюли-полусковородки: одна для того чтобы быстро отварить рыбу, другая — для жаркого в духовке, третья — для желе. Бытовая техника на кухне не обязательна.

Меню должно быть разнообразным. Однажды Похлебкин приехал к кому-то на дачу; когда на второе утро ему подали к завтраку ту же овсяную кашу, что и вчера, он нахмурился, настроение у него явно испортилось; когда это повторилось и на третий день — он тут же уехал, глубоко оскорбленный.

«Самое ошибочное заблуждение, — писал Похлебкин, — что в голодное время надо есть плохую и невкусную пищу. Как раз наоборот, когда еды мало, надо, чтобы вся она была как можно вкуснее и доброкачественнее...

У меня в кармане всего 10-15 рублей. Что можно купить на них сейчас, когда паршивый пирожок на рынке стоит чуть ли не 10 рублей? Но я не покупаю разную гадость. Я подхожу к продавцу красной рыбы и прошу отрезать мне ровно 50 граммов от семги стоимостью 130 рублей за килограмм. Это обходится мне в 6 рублей 50 копеек — ломтик величиной с ладонь, толщиной в 4 миллиметра. Небольшая луковица и пучок петрушки — еще 1 рубль, а 100 граммов сливочного масла — 3 рубля 10 копеек. Итого на суперценную еду я истратил 10 рублей 50 копеек.

От 15 рублей остается еще 4 рубля 50 копеек. Я покупаю хлеб (зерновой) или полбуханки черного (соответственно 1 рубль 80 копеек или 1 рубль 40 копеек) и 100 граммов мармелада фабрики «Ударница» (1 рубль 80 копеек или 2 рубля 10 копеек), то есть трачу еще максимум 3 рубля 90 копеек, а в общей сложности все обходится в 14 рублей 50 копеек. Дома есть еще картошка и чай. Я прихожу и устраиваю себе маленький «пир»: отвариваю картошку, густо слабриваю ее луком, петрушкой и жирно намазываю 5-6 кусочков хлеба сливочным маслом. Все это ем с нежной, вкусной, свежей малосольной семгой, а затем запиваю густым ароматным чаем, сопровождая его мармеладом. Ведь на 100 граммов приходится целых 6 мармеладин.

А мой сосед, не желая возиться и делать какие-либо усилия, покупает на те же самые деньги буханку «черняшки» за 3 рубля и 200-250 граммов самого дешевого сервелата по 46-49 рублей за килограмм и ест их всухомятку. Наедается он «досыта». Потом ищет, у кого бы стрельнуть на бутылку пива. И клянет судьбу, что ему не хватает на пол-литра, а вот «некоторые» хлеб с маслом едят! Каждому, как говорится, свое».

Натура или нуртура?

Джузеппе Арчимбольдо.
«Повар», 1570 г.

Эта дилемма, противопоставляющая нечто, заложенное в нас Природой (читай: гены) и привносимое с питанием нутриентами, мучит пытливые умы на протяжении двух с половиной тысяч лет. И вряд ли есть в мировой мифологии тема, за исключением любви, которая бы обыгрывалась с большим количеством сюжетных поворотов и имела бы больше граней...

Ты куда, Одиссей?

Одиссей в своих странствиях столкнулся с лотофагами, то есть поедателями лотосов. А хищников греки называли «саркофаги», то есть пожиратели плоти. Попал Одиссей со своими спутниками и в плен к коварной Цирцее. Еда, которой она кормила на своем острове несчастных, превращала людей, как известно, в жирных боровов.

Эллины донесли до нас и сведения о богах, которые питались у себя на Олимпе пищей бессмертия — «амброзией», запивая ее напитком вечной юности нектаром.

Умная и прекрасная Клеопатра, пившая для поддержания красоты, согласно древнему восточному рецепту, раствор жемчуга в слабом уксусе, любила вести научные диспуты с мудрыми философами александрийского Музейона. Она первая высказала знаменитый впоследствии принцип гомеопатии, призывая для сохранения вечной жизни и молодости пить отвар хвои вечнозеленых ливанских кедров.

Там же, на Востоке, возникла Тора, или Ветхий Завет, где обжорство называли одним из семи смертных грехов. Лишь Франсуа Рабле, другу Мишеля Нотр-Дам (Нострадамуса), довелось как-то смягчить образ обжоры и выпивохи в лице своего несравненного Гаргантюа. Напомним, что оба друга окончили университет в Монпелье, что неподалеку от Марселя, став дипломированными врачами. А преподавали там еврейские талмудисты из соседней Испании, незадолго до того изгнавшей в ходе Реконкисты арабов из Андалузии...

**Не пей водицы —
козлеиочком станешь!**

Эта сказка, естественно, рассказывает нам об опасностях кишечных инфекций. Но в целом она отражает давно известную истину, согласно которой мы в известной степени есть то, что можем есть.

Даже в современном мире до трех четвертей людей страдают от железо-

Джузеппе Арчимбольдо.
«Огородник», 1590 г.

дефицитной анемии, то есть нехватки в их организме «банального» железа. В трети случаев анемия обусловлена генетическими причинами, остальное же возникает в силу того, что женщинам и девушкам просто никогда не доставалось мяса...

Посмотрите на картину Ван-Гога «Едоки картофеля». В неверном свете масляного светильника мы видим буквально изуродованные лица простых жителей низовьев Рейна. Деформированность лицевого черепа вызвана явными нехватками необходимых нутриентов в «пустой картошке».

Весь XIX и начало XX века ученые потратили на поиски этих самых нутриентов, чтобы наладить нормальное питание населения. Довольно быстро выяснилось, что четырех биополимеров пищи — белков, жиров, нуклеиновых кислот и углеводов — явно не хватает для нормального рационального питания организма.

Сначала французские врачи описали людей, умственное развитие которых отстает при нехватке йода. Так возникло понятие пищевого кретинизма. Можно вспомнить также и базедову болезнь, при которой из-за йодного дефицита страдает щитовидная железа.

Нобелевский комитет назвал лауреатами в 1929 году голландца Х. Эйкмана и англичанина Ф. Хопкинса. Первый доказал необходимость сохранения рисовой шелухи с находившимися в ней витаминами группы В, чтобы не развивалось тяжелейшее поражение нервной системы в виде знаменитой бери-бери. Второй выяснил роль восьми «незаменимых» аминокислот, которые мы получаем только с животными белками. В целом наука о еде оказалась намного сложнее, нежели полагали в начале развития диетологии.

И. П. Павлов

Нобелевскую ему дали за работы по пищеварительной системе, о чем мало кто знает. Лишь много позже, обратив внимание на выделения желудочного сока у собаки при звуке

шагов зрителя, Павлов смог совершить первую революцию в изучении «черного ящика», коим тогда был наш мозг.

Сегодня благодаря успехам молекулярной биологии мы яснее представляем себе то, о чем раньше приходилось только догадываться. В нейронах мозга у нас активны 18 тысяч генов, что составляет половину всего генома. У шимпанзе этот «пул» составляет 16 тысяч. Вполне возможно, что именно эти две тысячи и определяют нас как вид.

Часть генов регулирует такое «простое» чувство, как аппетит. Всем известные булимия и анорексия — процессы Дианы, возникавшие под воздействием стрессов жизни в королевской семье, регулируются на уровне гипоталамуса. Это отдел «древнейшего» мозга, находящийся под зрительным бугром таламусом и регулирующий все «основные инстинкты». Это в общем плане известно из классической неврологии.

Аппетит регулируется особым нейропептидом Y («игрек») — цепочкой из нескольких аминокислот. Его концентрация в норме падает с нарастанием уровня глюкозы и инсулина в крови, что ведет к появлению чувства насыщения, нежелания больше есть. Полное отсутствие аппетита называется «анорексия» («ан» — отрицание, а «ор» — рот; для сравнения можно привести выражение «оральный рефлекс»).

«Пусковой механизм» гена, отвечающего за синтез пептида Y, «закрывает» белковый гормон лептин, название которого образовано от греческого «лептос» — изящный, красивый, тонкий (сравни: лепта, лепота, великолепный). Лептин синтезируется не в мозгу, а в жировой ткани и поступает в гипоталамус с током крови. Там он включает аноректические сигналы. Они в свою очередь подавляют стремление поесть, которое в крайних случаях своего проявления — помните Гаргантюа и библейский смертный грех? — называется «булимия» (от греч. «бу» — бык). При булимии человек готов быка съесть. Ес-

Винсент Ван-Гог.
«Едоки картофеля»,
1885 г.

Весь XIX и начало XX века ученые потратили на поиски этих самых нутриентов, чтобы наладить нормальное питание населения. Довольно быстро выяснилось, что четырех биополимеров пищи — белков, жиров, нуклеиновых кислот и углеводов — явно не хватает для нормального рационального питания организма.

тественно, что булимическим сигналом является нарастание количества пептида Y.

Люди издревле понимали важнейшее значение пищеварения для нормального состояния организма. Недаром в европейских языках печень называется «ливер», что означает «жизнь». Классическая дистология говорила, что в ЖКТ — желудочно-кишечном тракте — идет полное расщепление биополимеров на составляющие их мономеры. Однако открытие прионных нейродегенераций показало, что это далеко не так. В ЖКТ имеется «окно», через которое в селезенку поступают целые молекулы белков, в частности, патологических прионов.

Для чего это делается? Дело в том, что селезенка является важным органом иммунной системы. Именно через нее «прокачиваются» все антигены, поступающие с пищей. Именно таким образом прионы попадают сначала в селезенку, а затем по чувствительным нервам в тела нейронов спинного мозга, после чего «подни-

маются» в мозг головной. Так возникают прионные нейродегенерации, например, семейная форма бессонницы, а также болезнь Крейтцфельда — Якоба, передающаяся с мясом животных, зараженных болезнью бешеных коров.

Через стенку ЖКТ поступают и другие «цельные» протеины, например, те же антитела материнского молока, которые в первые месяцы жизни младенца защищают его от болезней. Для их «переправки» через мембрану слизистой оболочки кишечника в ней имеются специальные белки-транспортеры.

Но есть и не совсем радостная новость. В наш век повсеместного распространения антибиотиков все чаще приходится сталкиваться с проблемой антибиотиковой резистентности (нечувствительности к антибиотикам) самых разных патогенных микроорганизмов — туберкулеза, сифилиса, гноеродных палочек и так далее.

В цитоплазме микроорганизмов имеются специальные кольцевидные

Русский лубок, 1820 г.

молекулы ДНК — плазмиды, где размещены гены самых разных белков, которые «перерабатывают» антибиотики. При оральном приеме антибиотиков многие полезные микроорганизмы того же толстого кишечника, например, кишечная палочка «эшерихия коли», погибают. Остаются те клетки, у которых имеются плазмиды сопротивления антибиотикам.

В целом это почти не сказывается на нашем самочувствии, поскольку кишечная палочка является полезным симбионтом, и без нее, а также и без других полезных микробов у людей наступает дисбактериоз со всеми вытекающими для пищеварения последствиями.

Но вот человек сталкивается с той же сальмонеллой, вызывающей в лучшем случае расстройство кишечника, особенно летом. И тут в действие вступает принцип молекулярной «кооперации» микроорганизмов, в результате чего кишечная палочка пере-

дает плазмиду устойчивости патогенному микробу. Сам процесс такой передачи фрагментов ДНК носит название трансформации и известен очень давно...

Расы и народы — парадокс антропологии

Недавно журнал «Нейчур» подчеркивал, что прочтение генома человека еще больше обострило парадоксальную ситуацию в современной антропологии. Парадокс заключается в относительно близком генетическом родстве трех основных рас человечества и одновременном существовании около семи тысяч народов и их «языцей».

Парадоксальность эта подчеркивается крайне богатой мозаичностью народов и их культур в тропиках и на экваторе и в то же время наличием практически единого этноса, языка и культуры в циркумполярных областях бескрайних просторов севера Канады и Аляски, Чукотки, Таймыра и Ямала, а также Колы, Скандинавии и Грен-

ландии. Вполне вероятно, что этот парадокс объясняется однообразием условий жизни — и питания! — в арктической зоне и их необычайным разнообразием вне этой зоны.

Эта статья посвящена пищеварению, а не этногенезу, поэтому хотелось бы подчеркнуть только один аспект антропогенеза, так или иначе связанный с ее темой. Недавно Ханс Стедман из Пенсильванского университета в Филадельфии опубликовал в «Нейчур» интересную статью, сразу же привлечшую внимание антропологов. Речь идет о выявлении на молекулярном уровне специфически «человеческой» мутации в гене тяжелой цепи одного из миозинов МУН («миозин хэви»), локализующегося в коротком плече 17-й хромосомы человека 17p13.

Известно, что наши предки отличались (а шимпанзе и гориллы отличаются и сейчас) большими надбровными дугами и нижними челюстями, которые крепятся к черепу с помощью мощнейших мускулов. Нагрузку челюстного аппарата приходится компенсировать огромными мышцами свода черепа, для чего был и есть продольный «гребень», идущий от лба к затылку.

И вот где-то 2,5 миллиона лет назад, как показывают молекулярные «часы», произошла мутация в указанном гене. Мутация произошла в результате делеции — выпадения нескольких букв ген-кода. Изменение в гене привело к резкому уменьшению массы и числа мышечных волокон, а также силы жевательной мышцы. Наши предки оказались перед лицом голодной смерти из-за утери способности пережевывать привычную грубую пищу.

При выключении данного гена у мышей у них возникают функциональные дефекты разных лицевых мышц. Наши мышечные волокна в жевательной мышце в восемь раз меньше таковых у макаки.

Ученые давно спорят о причинах резкой смены мощных предков «робустус» значительно более изящными и грациозными «грацилис». Те-

Георг Гросс.
«Перед витриной»,
1924 г.

перь, похоже, все встало на свои места, тем более что показания молекулярных часов совпадают с данными палеоантропологии ископаемых останков. Мутация имеется у представителей всех рас и групп населения всех континентов, что лишний раз подтверждает правильность гипотезы выхода человека из Африки — «аут оф Африка».

Последствия данной мутации на самом входе ЖКТ были если не катастрофичные, то уж судьбоносные точно. Челюстной аппарат стал много меньше, что потребовало перехода на более калорийное питание животными мышечными тканями. Освободившиеся костные ресурсы были использованы на построение черепа с высоким сводом, что позволило расти мозгу. Примерно в это же время началось изготовление каменных орудий.

Рост мозга, обусловленный использованием более калорийной пи-

ши с незаменимыми аминокислотами, резко «продвинул» вперед полюса лобных и височных долей, то есть развитие интеллекта и памяти. Человек окончательно поднялся на две задние конечности, облегчив пальцы рук для более тонких движений. Рука, по выражению Сеченова, стала учить мозг.

Там впереди светлые дни

Так питание и скорее всего каннибализм как самый легкий способ добычи калорийной биомассы повлияли на становление человека. Сейчас мы стоим перед еще одной, не менее значимой в нашей биологии революцией питания. И это изменение в питании современного человека тоже может каким-то неведомым пока способом сказаться на не останавливаемом ни на минуту антропогенезе.

В свое время известный наш генетик В. Эфроимсон попытался увязать гениальность и одаренность человека с подагрой — расстройством обмена нуклеиновых кислот, возникающего при обильном употреблении в пищу жирного мяса. Пока это мнение не получило своего подтверждения на молекулярном уровне. В то же время влияние пищи на человека несомненно, чему в статье приведено немало примеров.

Но сегодня нам грозят иные апокалиптические сценарии дальнейшей жизни. Речь идет о медленном и неуклонном внедрении ГМ-растений и пищевых продуктов, о чем сейчас много говорят и даже трубят «алармистские» СМИ. В чем суть волнений и тревог?

Известно, что 20 процентов урожая тех же зерновых съедается на корню грызунами, бороться с которыми, как показывают те же геномы мыши и крысы, просто невозможно, поскольку у них — и особенно у крыс — детоксификационные способности печени неизмеримо выше, чем у нас. В этом мы далеко отстали от них, хотя наши предки и разошлись всего 80 миллионов лет назад.

Немалую долю подъедают и другие вредители растений, например тот же колорадский жук, из-за которого выращивание картофеля в Подмоскovie практически нерентабельно. Проблемы эти и призвана решить ген-модификация, являющаяся практическим применением принципов биотехнологии.

Надо сказать, что мы на протяжении культурной агротехники постоянно сталкиваемся с естественными ГМ-растениями. Взять ту же черешню или грейпфрут, являющиеся природными гибридами разных видов. А пшеница, которая в исходном виде имеет 14 хромосом, в культурном — 28, а дающая муку для спагетти — 42!

Токсический белок опасного для насекомых микроорганизма «бациллюс тюрингиензис» (Bt) синтезируется лишь в листьях, но не «спускается» в клубни картофеля. Да, в США выявлено несколько случаев аллергии на этот белок в кукурузе, но сорт этот исключили из пищевых цепей человека. Что же до аллергии, то статья была написана накануне 1 мая, то есть начала весеннего и летнего цветения того же тополя и луговых трав, когда миллионы людей будут страдать всем известной сенной лихорадкой без всяких ген-модификаций, а просто из-за своего иммунодефицита.

Хочется надеяться, что ученые и законодатели, а также медицинские работники осознают грандиозность задач по «окормлению» все растущего населения Земли. И эти задачи по наполнению утробы человека не должны противостоять задачам и проблемам, с которыми сталкивается постоянно наш мозг, тесно связанный с пищеварительной трубкой, значение и важность которой надо постоянно прославлять...

Не кормите призраков кашей

У каждого народа есть своя кухня — есть эта коллекция порой полузабытых, порой диких рецептов, которые, например, нам, горожанам средней полосы Европейской части РФ, кажутся чаще всего курьезами.

Своеобразие национальных диет — результат долгого привыкания к окружающей среде. (Об этом подробно рассказывает Андрей Козлов в своей книге «Экология питания», на которой основан дальнейший рассказ.) Питание — важнейший элемент адаптации любого живого существа. Мы обживаем мир, пересоздаем его для себя. Так было с незапамятных времен, в любых условиях, на всех земных широтах. Потомки тех, кто сумел адаптироваться, стали жителями пустынь и высокогорий, ледяных далей и непроходимых лесов. Их меню обеспечило им выживание. Ведь альфа и омега любого организма, его высшая мудрость — усваивать как можно больше энергии и как можно экономнее тратить ее. Источник же энергии — пища.

Невесты туркаиа выбирают молоко

В последние сто лет мир перемещался, как варево в бурлящем котле. На протяжении XIX–XX веков шло постоянное «размывание» традиционных обществ. Миллионы людей покидали родные края и перебирались в города, где обычаи предков забывались. Даже пища стала на вкус другой — «городской». Чтобы выгадать в цене, чаще покупали мясо похуже. Запасались впрок консервами. Подкармливали детей сладкими «гостинцами». Жиры, сахар, соль проникали в организм европейца в немеренном количестве, открывая дорогу неведомым прежде болезням. Потребовался горький опыт поколений, чтобы понять, что многие беды в пище: в несбалан-

сированном меню, в неверных технологиях ее приготовления.

Концепция «сбалансированного» питания сформировалась в конце XIX века. У ее истоков стояли врачи России (В. В. Ковальский, А. П. Доброславин, Ф. Ф. Эрисман, И. П. Павлов) и Германии. Однако со временем она породила ложное представление о том, что весь мир должен питаться по науке — по европейской науке. Соотношение белков, жиров и углеводов,

шившиеся веками: ее кислотность увеличивают — едят пищу «кислую», «квашеную», «гнилую». Это обеспечивает частичную денатурацию белка. Нехватка витамина С — без него наступает цинга — восполняется поеданием растений. Кроме того, ненцы, нгансаны, эвенки, коряки, чукчи используют в пищу по-особому приготовленное содержимое оленьего желудка — «моняло», полупереваренную растительную массу.

Н. Пиросмани.
«Семейная компания»

характерное для рациона среднего европейца, якобы является универсальной величиной. Все «отсталые» народы должны отказаться от своих традиций. А эти традиции подчас удивительны.

Например, у коренного населения Арктики пища необычайно богата белками. В начале XX века взрослый эскимос съедал в день 1,8 — 2,2 килограмма мяса морских млекопитающих. Организм с трудом может усвоить такое количество белка. В Канадской Арктике даже бытует поговорка: «Умер от голода, питаюсь кроликами». Выручают особые методы приготовления пищи, передаю-

Другие проблемы у жителей Анд. Основу их рациона составляют клубневые растения, но больше всего калорий дают зерновые культуры (рис, белый хлеб, мучной пудинг). Зерновые являются и главным источником белка. На долю животной пищи, в основном молока, приходится всего 7,7 процента поступающей энергии и 17,5 процента белка. К тому же бедняки молоко не пьют — торгуют им; для них оно — основной товар, приносящий доход. Так что местные индейцы страдают от нехватки животных белков, хотя потребляют столько же калорий и белков, сколько и жители США. Возможно, из-за почти вегетарианской диеты они очень низкорослы; количество подкожной жировой клетчатки мало.

Советская кухня

Советская кухня начала складываться в России еще в годы Первой мировой и Гражданской войн, которые сопровождались массовыми переселениями людей. Беженцы из Белоруссии и Украины приучили жителей средней полосы России есть свиное сало, борщ, вареники, жареные семечки. Прежде они не употреблялись к северу от линии Смоленск — Тула — Пенза — Самара. В 1920-е годы в русские города проникли куринный суп с лапшой (из Новороссии) и сибирские пельмени. Кроме того, в Гражданскую войну вошло в привычку чаевничать: в ту пору громадные запасы чая были конфискованы, и их начали распределять по продуктовым карточкам. Тогда же стала популярной и манная каша; ее готовили в столовых в счет карточек. После Великой Отечественной войны произошли новые изменения. Морская мороженная рыба малоценных сортов заменила свежую речную и озерную. Из Венгрии и Болгарии был налажен импорт консервированных овощей с уксусом и перцем, не характерных для русской кухни. Популярны стали блюда мусульманской кухни — шашлык и плов. Подробнее об истории советской кухни можно прочитать в книге Е. М. Ковалева «Гуманитарная география России».

У охотников-собирателей, живущих в пустынных районах планеты, растительная пища занимает 70 — 80 процентов меню. Так, индейцы Западного Техаса еще в недавнем прошлом питались обычно опунциями и агавами. В то же время жители пустынь не брезгают любыми животными. Например, аборигены Квинсленда используют в пищу 120 видов животных, а бушмены — даже 144 вида.

У скотоводов-кочевников Африки меню не так разнообразно. В основе его — молоко. Так, члены племени туркана (Кения) в сезон дождей получают до 90 процентов калорий, попивая верблюжье молоко и поедая продукты, приготовленные из него. Особенно много молока пьют «девушки на выданье». Это помогает им накопить запас белков и жиров, без которого трудно выдержать беременность. А вот мясо домашнего скота африканские кочевники употребляют в пищу умеренно, ибо это... наносит ущерб их капиталу. Для них скот — показатель престижа, богатства. Пустить корову на мясо означает понизить свой социальный статус. Этнографы отмечали,

Почему китайцы не пьют молоко

Человеческий организм переваривает молоко благодаря особому ферменту — лактазе, — который расщепляет молочный сахар на отдельные, легко усваиваемые вещества. Кишечник грудных детей выделяет этот фермент, иначе бы они не пили материнское молоко. Однако на протяжении многих тысяч лет организм взрослых людей не способен был вырабатывать лактазу, и потому они не могли пить молоко: оно относилось к числу несъедобных продуктов.

Около 12 тысяч лет назад жители Передней Азии стали приручать копытных животных и даже доить их. Однако их желудок все так же не принимал свежее молоко. Что ж, это не мешало им жить, ведь нужное количество кальция они получали и без молока, питаясь зеленью трав. Витамин D им давала рыба. К тому же этот витамин образуется в организме человека под действием солнечных лучей, а ведь в странах Передней Азии дни стоят в основном теплые, солнечные.

Другое дело — Северная Европа, где погода часто бывает пасмурная, а зелень произрастает лишь в короткие летние месяцы. Людям, жившим здесь, недоставало кальция и витамина D. Чтобы утолить потребность в них, они нуждались в какой-то новой, особенной пище. Вот тут в выигрыше и оказались люди с определенным дефектом — те, чей организм выделял лактазу на протяжении всей их жизни. Ведь они

что «скотоводы, пожалуй, самые скромные потребители мяса, какие только бывают». Лишь в засуху они могут резать ослабевшее животное. Особое меню кочевников сказывается и на их облике. Тело у них легкое, вытянутое, жировой ткани немного. Площадь поверхности тела велика, что повышает теплоотдачу, а это так нужно жителям жарких стран.

Меню современных европейцев любопытно тем, что на 80 процентов

состоит из пищи тропического или субтропического происхождения: риса, кукурузы, сахара, томатов, кофе, какао, чая, а также мяса животных, одомашненных в тропиках или субтропиках.

В самих тропиках выбор пищи чрезвычайно широк — значительно выше, чем у большинства современных горожан. Так, охотники-собиратели тропических районов Северной Австралии употребляют в пищу более 300 видов растений и животных. Им нужно обильно питаться, поскольку они много двигаются. Те же, кто ведет оседлый образ жизни, испытывают недостаток животных белков. В основе их диет — культуры с повышенным содержанием углеводов: маниок, кас-

могли питаться молоком! Избыток кальция благотворно сказывался на их организме: их кости реже ломались, у них реже наблюдались увечья и уродства. Как следствие, их потомство было более многочисленным и стойким.

Постепенно этот ген распространился среди всех жителей Северной Европы. Через 4-5 тысяч лет 90 процентов всего взрослого населения этого региона питалось свежим молоком. А у китайцев этот ген вообще не появился. Нехватку молока они компенсировали другими продуктами. А вот молоко китайцы не пьют! И не только они. У аборигенов Америки, Австралии и Восточной Африки, коренных народов Севера этот ген тоже отсутствует.

И. Билибин. Иллюстрация к «Сказке о царе Салтане» 1905 г.

сава, маис. Все они сравнительно бедны белками. Не случайно многие индейцы Центральной и Южной Америки готовы питаться муравьями, термитами, личинками жуков, употребляя их в сыром или жареном виде. Ведь в насекомых содержится белков и жиров в пересчете на единицу веса больше, чем в свинине и говядине. Кроме того, у жителей тропиков очень богат выбор специй, без которых не сохранить пищу. Так, у мексиканцев имеются десятки сортов одного только перца чили, причем каждый придает кушанью свой вкус. В Мексике говорят: «Мясо может быть с душком, но специи должны быть свежими». Европейская, кавказская или среднеазиатская кухня ограничивается лишь жалким набором из нескольких приправ, которые ей подарили тропики.

Ужин с привидением

У пищи было и есть свое символическое значение. С давних пор выбор пищи не только определял форму тела человека, но и давал представление о его душе. Выбор пищи разделял «своих» и «чужих», дробил социум на лю-

Кулинария сквозь пыль веков

Главными источниками мяса для первобытных людей были мамонты и олени. Мамонт в среднем давал до тонны чистого мяса. Племя из полусотни человек убивало в год 12 — 15 небольших мамонтов.

В верхнем палеолите население Русской равнины и Крыма составляло 10 — 15 тысяч человек. В год им требовалось 4500 мамонтов и 240 тысяч северных оленей. При недостатке пищи не брезговали каннибализмом. Во время военных или поминальных обрядов употребляли в пищу части тела врага или умершего родственника. Но существовал и истинный каннибализм.

В период последнего оледенения (примерно 15 тысяч лет назад) древние европейцы не испытывали недостатка в растительной пище. Благодаря ей они восполняли примерно две трети своей потребности в калориях. Ассортимент пищи был очень широк.

При переходе от охоты и собирательства к земледелию образ питания человека резко изменился. Теперь на одной и той же территории могло прокормиться в десятки, а то и в сотни раз людей больше, чем прежде. Сытость не приносила первым земледельцам здоровья; они страдали от авитаминоза и анемии; процессы роста детей замедлились; распространился кариес (в палеолите сахар попадал в организм лишь с ягодами и фруктами).

Мы все — заложники их опыта. Вопреки видимому изобилию, выбор пищи у нас крайне ограничен. Сейчас 75 процентов потребляемой растительной пищи приходится на долю всего четырех растений: пшеницы, риса, картофеля и кукурузы; 80 процентов животной пищи обеспечивают говядина и свинина.

дей, которые поедали «чистую» и «нечистую» пищу. Одну пищу вкушали боги, другую — люди; одну пищу полагалось есть в обычные дни, другую — в праздники; одну ели живые в кругу живых, другую — живые, прощаясь с мертвыми, тем более что некоторые виды пищи могут изменять сознание, то вовремя перенося человека в искусственный рай, то — съеденные нектати — увлекая в пучину греха (подробнее об этом см. статью К. Ефремова в «ЗС», 2000, № 1). Есть пища-благо и пища-соблазн. Есть пища-знак, которым метят своих, и пища-улика, которой выдают себя чужие. Иных же пища — точнее, ее неприятие — может превратить в призраков.

Эта история произошла в перуанских Андах не так давно. Антрополог, исследовавший в горах стоянки древних индейцев, был застигнут ливнем и зашел в ближайшее индейское селение. Когда он появился среди струй дождя, ему предложили войти в хижину. Смотрели на него косо, но, даже не спрашивая ни о чем, дали сырую воду. Ученый ответил отказом, боясь заболеть. Стараясь не обременять хозяев, он отказался и от их пищи, которая выглядела мало приятно. Сам себе он приготовил на походной газовой горелке обед из пакетика и лег спать. В ту же ночь он был убит.

Завидев странную фигуру под дождем, индейцы догадались, что это демон. Ведь демоны, как знает любой ребенок, всегда спускаются с гор во время дождя. Они приходят, чтобы сеять несчастья среди людей. У индейцев еще оставалась надежда, что гость их — лишь заплутавший путник. И они стали дотошно проверять его свойства, что составило бы честь любому экспериментатору. Сперва они выяснили, пьет ли их гость воду. Он не мог пить воду. Потом предложили пищу, которую едят все люди. Он не ел и ее. По его прихоти в воздухе разгорался огонь и какой-то порошок становился съедобным. Индейцы боялись даже глянуть на него, а когда демон заснул, убили его.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Ольга Балла

Кулинария оперирует исключительно вечными категориями. Ведь что-то, а есть человеку надо каждый день.

П. Вайль, А. Генис

Так соединить вечность и повседневность, тело и дух, как это испокон веку и без всяких специальных усилий удастся еде, не удавалось, похоже, ни одной из форм человеческой жизни. Любовь, включая физическую, которая сразу же приходит в голову как возможная соперница еды в этом смысле, проиграла спор еще до его начала: без этого все-таки можно обойтись, а подите-ка не поешьте денек-другой...

Так соединить вечность и повседневность, тело и дух, как это испокон веку и без всяких специальных усилий удастся еде, не удавалось, похоже, ни одной из форм человеческой жизни. Любовь, включая физическую, которая сразу же приходит в голову как возможная соперница еды в этом смысле, проиграла спор еще до его начала: без этого все-таки можно обойтись, а подите-ка не поешьте денек-другой...

Еда не просто повторяется изо дня в день, нет, именно она прежде всего сопровождает человека — тоже от неисследимых начал истории — в ключевых, пороговых ситуациях его земного существования: рождение — брак — уход в отпуск — смена работы — новоселье — уход на пенсию — похороны... Чуть ли не во всех этих случаях собираются и едят. Ну уж в самых-то важных — просто обязательно. Можно, конечно, не собирать коллег за столом, уходя в отпуск, но не устроить поминок или свадебного пира, хоть самых скромных, попросту немислимо, даже если тебя совсем не волнуют условности: самому пусто будет. Еда как бы переводит человека через эти пороги, связывает разные состояния, даже разные миры: мир живых с миром мертвых. Тем более что в последнем, согласно множеству традиций, ушедшие тоже проводят вечность в пирах. Надо думать, не только потому, что это очень приятно, но и потому, что очень осмысленно: собирает существование в порядок. В Средневековье пир — ритуальное коллективное действие — был не просто живым образом устойчивости миропорядка, гармонии и благополучия, но в своем роде и способом их если и не создать, то, по крайней мере, почувствовать.

Кроме того, еда, как, наверное, то-

рии, о ней и повествует. Но есть и гастрономическая лирика: область прихотливо-приватного гастрономического бытия, закутки личных кулинарных смыслов. Здесь властвует семантика, которую не всегда и передашь — да, как правило, не передашь, даже если будешь вкушать с адресатом одно и то же: одни и те же вкусы разным людям говорят, увы, разное. Но, с другой стороны, значит есть и братья по вкусу!

Вкус, а уж тем более вместе с запахом — единственная машина времени, на которой можно в собственном теле отправиться в заданную точку прошлого: просто стать собой прежним.

же ничто другое, стирает вообще одну из самых фундаментальных границ: между человеком и миром. Вот Бахтин писал — и это не только к раблезианским пиршествам относится, — что в акте еды человек не просто встречается с миром, он над этим миром торжествует. Это он поглощает мир, а не мир, как это случается обыкновенно, поглощает его.

Гастрономический эпос и гастрономическая лирика

Вся моя былая российская жизнь с поездами дальнего следования и пригородными электричками, затяжными дождями и жаркими вспышками лета, с запахами леса и гари, счастьем и бедами, вся она уместилась на тарелке поджарки с двойной порцией гарнира.
А. Окунь

Есть гастрономический эпос — Большие Кулинарные Традиции, широкие истоптанные дороги гастрономической жизни. Кухни народов мира и сообществ разной степени локальности с их вполне отчетливой семантикой, которая четко читается и головой, и обонянием, и зрением, и вкусовыми рецепторами. Как и положено эпосу, он, отпечаток Большой Исто-

В этой лирике тоже, ничуть не менее, чем в эпической кулинарии, есть жанры высокие и низкие. Есть кулинарная декламация и кулинарная скороговорка, кулинарное бормотание, кулинарное косноязычие. Детали здесь приобретают особенное, часто необъяснимое, может быть, даже преувеличенное, но от того не менее действительное значение. Ну как, в самом деле, объяснишь, тем более — докажешь, что из высокого бокала (особенно если он, не дай Бог, синий) пить горько и жестко, а из круглой, низкой, «рассядистой» чашки (особенно если в ней есть хоть что-то оранжевое!) — сладко и мягко, довольно независимо от того, что туда налито? А как отделить от особого, распахнутого волнения дороги вкус чая в железном дребезжащем подстаннике, вкус жестких пирожков лучше не думать с чем в пристанционных буфетах вперемешку с запахами вокзала? Дома пить из такого сооружения никакая сила бы не заставила, и пирожки бы, боюсь, не взволновали: стилистика не та. В восприятии этого рода вкус и форма накрепко связаны не только друг с другом, но и со всей совокупностью неисчислимых подробностей вокруг, и вовсе не только с настроением, но прямо с самой об-

шлого: просто стать собой прежним. Хрестоматийный пример — Пруст с его печеньем «Мадлен» и липовым чаем. Пример менее хрестоматийный, но тоже относящийся к самым основам бытия: ничто так не возвращает в поздние семидесятые годы, в медленный конец детства, в едва брезжащее начало юности, как классичеснейшее сочетание сосисок с рожками, особенно в сопровождении кофе со сгущенкой в граненом стакане.

Э. Гороховский, 2003 г.

шей жизненной диспозицией человека. На то она и лирика. И, как во всякой лирике, в ней в облике сиюминутного и как бы случайного верно и неизменно возвращается вечность.

Невозможность дважды сварить один и тот же борщ классики русской кулинарной мысли Петр Вайль и Александр Генис уподобили некогда гераклитовой невозможности дважды вступить в одну и ту же реку. Однако ж ничуть не менее — если не гораздо более! — верно и обратное. Вкус, а уж тем более вместе с запахом — единственная машина времени, на которой можно в собственном теле отправиться в заданную точку про-

Предвижу упреки в варварстве этих вкусов и нахожу их абсолютно беспочвенными.

Гастрономическая эстетика и гастрономическая этика

Из повседневных искусств кулинария ближе всех к искусству словесному. Законы гармонии, правила композиции, требования суггестивности — все это управляет работой и повара, и поэта (что не так уж редко одно и то же).

Л. Лосев

Вайль с Генисом в незабываемой «Русской кухне в изгнании» справед-

ливо утверждали, что «еда раскрывает в человеке самое потаенное». Но далее, срываясь в узор и консерватизм, совершенно не вяжущиеся с обликом этих достойных авторов, они добавляют следующий комментарий: «Пусть он читает в оригинале Горация, но вы видите его намазывающим икру на черный хлеб — и все тщательно скрываемые плебейские корни рвутся наружу». А вот это уже напрасно. Очевидно же, что перед нами — типичная гастрономическая лирика: своевольная сцепка вкусовых впечатлений с индивидуальными значениями. Хотя, нет сомнений,

своевольничать она может исключительно благодаря тому, что есть вполне жестко заданные рамки: законы гастрономической эстетики и правила гастрономической этики.

Как и положено искусствам, кулинария с гастрономией (а они, несомненно, искусства: первое — изготовления, второе — восприятия-употребления) требуют от исполнителей и реципиентов известной грамотности, хотя и различной в разных культурах, как и положено грамотности, но все-таки с известными общими, культурно независимыми чертами. Ну, например, во всех культурах су-

Еда как поза и (оп)позиция

Свинина... как пылкая юность... надевает на себя всевозможные маски, но и в самом красивом наряде всегда высказывается ее оригинальность, станем ли мы искать ее под покровом кровяной колбасы или под белым кителем колбасы ливерной, в курточке колбасы из рубленого мяса или в мантилье сосиски.

Н. Всеволожский

ществуют продукты — основные носители вкуса, они-то тон и задают. Есть и те, у которых собственного вкуса нет или почти нет, но, поскольку полезные вещества в них все-таки есть, их все равно едят, а вкус им приходится придавать: они работают в гастрономическом впечатлении как более-менее чистый лист бумаги, который держит на себе, собирая воедино, вкусовые краски (так происходит, например, с рисом у японцев). Соответственно, всякая культура обзаводится набором дополнительных вкусов, вкусов-модификаторов: в некоторых они разрастаются в целую сложную культуру соусов. Но этим вкусам, как ни будь они разнообразны, предписано четко знать свое место: не забивать основных вкусов, а дополнять их, давать им выявиться.

То, что устоявшиеся сочетания вкусов — не святое писание, отлично доказывает новомодная кухня «фьюжн», славящаяся немислимыми (с традиционных, разумеется, точек зрения) сочетаниями вкусов и веществ и запросто способная предложить реципиенту что-нибудь вроде мороженого с чесноком или яиц в шоколаде. Впрочем, от анархии это еще дальше, чем привычное соединение вкусов: здесь просто работают с более тонкими соответствиями. Тут своя, очень продуманная и требовательная эстетика, а она, как и в прочих искусствах, предполагает и создает свою этику.

Та, в свою очередь, предоставляет человеку набор сугубо гастрономических средств к тому, чтобы принимать различные позы и занимать различные позиции.

Классический пример такой позиции (легко переходящей и в оппозицию, были бы поводы) — гурманство: вещь, насыщенная этически по крайней мере столько же, сколько чувственно, гедонистически и эстетически. Гурман — денди от кулинарии — повинуетя четко продуманным правилам. Те же совсем не обязательно предполагают излишества или какие-то особенные изыски. Важно одно: чтобы все было стилистически выдержано, вписывалось в некоторую цельность и создавало гурману определенную, узнаваемую социальную «физиономию». И тут, конечно, гурманство вступает во взаимодействие с теми ценностями своей культуры, которые принято считать «большими».

Вот, например, есть свидетельства о том, что в нашем отечестве в пору заката русского классицизма гурманство приняло по меньшей мере два основных направления. Одно из них как раз предписывало своим адептам классическую строгость форм и простоту — до суровости — вкусов. Зато другое требовало стилизовать застолья под Нероновы пиры: одеваться в пурпур, лежать на лебяжьем пуху и есть при этом из золотой посуды. (Попадались, правда, блюда не очень-то римские: в меню графа А.С. Строганова, типичного представителя, упоминаются «щеки селедок», «лосиные губы», «разварная лапа медведя». Но это и неважно: ведь в задачу входила не историческая реконструкция римских пиршеств, а создание сопоставимой атмосферы местными средствами.) Нетрудно догадаться, что в обоих

случаях гурманы следовали как идеалу и образцу для подражания Большой Ценности западной культуры: античности, точнее, как водится, собственным представлениям о ней, только это были разные образы: один — классичной строгости («ничего слишком»), другой — имперской роскоши.

В оппозицию же такая позиция превращается немедленно, как только начинает хоть в каком-то смысле контрастировать с окружающей жизнью, с ее возможностями и общими интонациями, а тем паче, когда всякий пир приобретает отчетливый оттенок пира во время чумы. Вот, например, как — по мысли А. И. Солженицына — в довольно уже суровом «Октябре 1916-го» в Петербурге у Кюба потчевал Гучков полковников Воротынцева и Свечина: «... К их приходу уже расставлены были: осетрина копченая, осетрина вареная, семга розовая в лоске жира, давно не виданная шустовская рябиновка — она существовала, оказывается! Не исчезла вовсе с земли. Да что там, в углу на табуретке стоял... обещающий бочонок со льдом. Весь вид был — нереальный. Они уже вычерпали уху... (Свечин достал) изо льда бутылку водки да прихватил и вазочку зернистой икры... (Гучков же) взял маринованный грибок... Тут внесли бульон и блюдо горячих пирожков. Кажется, только что по ухе съели офицеры, но теперь и по чашке огненного бульона охотно наливали из судка. Да под бульон хватанули еще отличной ледовой водки. Хор-ро-шо!»

То был, помимо снятия напряжения трудного и скудного времени, еще и род бравады: утверждение и собственного аристократизма и достоинства, и просто жизни перед лицом неминуемой, по существу уже идущей, катастрофы. Много позже этот жест, уже без осетрины, семги и икры, совсем другими средствами — старинными тарелками, серебряными приборами, чистой белой скатертью при любых обстоятельствах — будут повторять бывшие аристократы, воспроизводя свое достоинство,

особость, непокоренность советским обстоятельствам с каждым движением серебряной ложки ко рту.

Любовь к простым до грубости вкусам — другая разновидность оппозиции (роскоши, излишеству, общепринятому, развращенности, испорченности нравов, изнеженности...): подчеркивание-усиление своей занятости куда более важными, чем еда, ценностями и целями в жизни. Так Константин Левин, приведенный в изысканный ресторан гурманом Стивой Облонским, набывчивался в ответ на предложения ему разносолов: «Мне все равно. Мне лучше всего щи да каша, но ведь здесь этого нет». Так сама государыня Екатерина, по свидетельству М. Пыляева в «Старом житье», «недолюбливала изысканных блюд и предпочитала всему разварную говядину с соленым огурцом и соус из вяленых оленьих языков». А другой известный герой Большого Исторического Нарратива, когда еще был не вождем мирового пролетариата, а просто Володей Ульяновым, как помнится из детских книжек, всем лакомствам предпочитал самый простой и дешевый сыр (сейчас почему-то вспоминается, будто зеленый). Простота вкуса, значит, призвана не просто быть свидетельством таких добродетелей, как суровость духа, точность ума, дисциплина воли, — она и формировать их должна.

А вот как, вполне в рамках действовавших правил, гурманствовал Евгений Онегин:

*Пред ним roast-beef окровавленный
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.*

Ю. М. Лотман комментирует это следующим образом: «кровавый ростбиф» — блюдо английской кухни, модная новинка в меню конца 1810 — 1820-х: «Страсбурга пирог» — паштет из гусиной печени, «нетленный» не потому, что принадлежал к вечным ценностям, а благодаря тому, что доставлялся из Страсбурга кон-

сервированным, и это тоже было тогда модной новинкой: консервы как раз изобрели во время недавних наполеоновских войн. Употреблявший все это, таким образом, буквально телесно воплощал свою принадлежность не только к аристократии и к «международному сообществу», но и к культурному авангарду.

**Прямая речь,
или Чаша достоверности**

— *Не в пирогах счастье.*

— *Ты что, с ума что ли сошел?*

А в чем же еще?»

А. Линдгрэн. «Карлсон вернулся»

*О народе, культуре, истории
можно спорить до утра. Но разве
присутствует дискуссионный
момент в вобле?*

П. Вайль, А. Генис

Не только теплый, дышащий, еще немного сонный после духовки пирог с мясом, не только истекающая золотистым соком, уютная жареная курятина, но даже простая сосиска — причем как раз общепитовская, серая, измученная, съеденная в дыме и гаме какой-нибудь пельменной (... остались ли сейчас такие?) — ничуть не меньше способна волновать, быть путем к высоким смыслам, способом почувствовать сильную, крупную гармонию мироздания, чем, допустим, наспех, в трясущейся электричке прочитанное и навсегда в нас оставшееся стихотворение Мандельштама. О правильно просоленной, хорошо проявленной вобле я уж и не говорю. Совершенно ясно, что она — точно в той же мере сама интенсивность жизни, что и разговоры под нее и сопутствующее ей пиво. Все это — звуки языка бытия, застигающие нас врасплох и наверняка. Это — его прямая речь к нам. А мы ей внемлем всей собственной цельностью, ибо еда — одна из тех благословенных областей бытия, где разум с чувством образуют редкостное единство, до, наверное, неразличимости.

Подобные вещи хорошо чувствовал и не раз об этом высказывался Вас. Вас. Розанов, у которого вообще было большое чутье на достоверное в этом мире сомнительностей. Самое, наверное, знаменитое его высказывание на сей счет, которое цитируется едва ли не по любому поводу, как только речь пойдет о неразрешимости проклятых мировоззренческих проблем, это когда он в ответ на вопрос, что делать, советовал: если лето — ягоды собирать и варенье варить, а если зима, то пить чай с этим вареньем. В самом деле, естественные структуры бытия подсказывают естественные же пути их устройства. Поэтому ничуть не удивительно, когда человек, опустошенный неудачами, усталый и злой от бесплодности всего, в каком-то очень позднем часу ночи, не смущаясь тем, что завтра сдавать срочную работу, а за окном уже светает, оставляет компьютер, идет на кухню, залезает в холодильник, достает оттуда все то же варенье, намазывает его на хлеб или отрезает кусок благословенно-холодной, бодрой докторской колбасы, принимается жевать — и немедленно чувствует, что жизнь определенно стала налаживаться и вообще в ней есть островки надежности, достовернейших безусловностей, что бы там ни происходило за окном и в так называемой душе. Их можно потрогать губами, за них можно языком, зубами, пищеводом, а вслед за тем и всем существом ухватиться в любом хаосе — и удержаться.

А мыши от спорта глупеют

Излишние занятия бегом, то бишь легкой атлетикой, оглупляют человека? По крайней мере, мышей. Это экспериментально доказал американский биолог Джастин Родс. В его опытах мыши подолгу и, главное, по своей воле бегавшие в колесе, имели явные проблемы с памятью в отличие от тех зверьков, что не любил усердствовать и перегружать себя упражнениями. Специально для этого эксперимента ученый вывел мышей, особенно охочих до бега. Некоторые из них пробегали за ночь более 20 километров, ну прямо как футболисты в «предсезонку». После сорока дней тренировок Родс сравнил память обычных мышей и мышей-спортсменок, заставив их побегать в лабиринте. Столкнувшись с необычной задачей, выходившей за рамки привычных для них «километр, еще один, еще», мышата растерялись. Выход из лабиринта они искали гораздо дольше нетренированных сородичей. Самое любопытное, что у мышей-бегуний наблюдался усиленный рост клеток в области гиппокампа, то есть глупыми их совсем не назовешь. Однако за время своих занятий они привыкли думать только о беге и ни о чем другом. Их умственная деятельность свелась лишь к стремлению ловко переставлять лапки и безоглядно мчаться вперед.

Полдня, и букет вам в руки!

В любое время года в магазинах и киосках нас ждут цветы. Что в этом удивительного? Их поливают, они цветут. В теплицах жарко, светло, и бутоны, само собой, распускаются. Само собой? Многое выясняется лишь сейчас. Цветение — процесс расточительный, требует много энергии, поэтому цветсти нужно в то время, когда есть шанс принести плоды. В наших широтах многие растения ориентируются на длину светового дня. Если день прибавляется, значит зиме конец. Но как растения меряют время?

В поисках ответа на этот вопрос немецкий ботаник Георг Купланд, изучая резуховидку Таля (*Arabidopsis thaliana*), выявил ряд генов, без которых не быть букету в вазе любимой девушки. Один из них — так называемый ген *Constans*. По его команде синтезируется особый протеин; происходит это не сразу, а лишь через 12 часов после начала светового дня. Если сумерки наступят раньше, то протеин сразу после синтеза начнет разрушаться и цветок не распустится. Если на улице все еще светло, то моле-

кула протеина остается стабильной. В таком случае активность проявляет другой ген — *ET*, от которого и зависит появление цветка.

Выше крыши

Париж противился появлению новых архитектурных доминант в своей исторической части: долгое время в городе нельзя было строить здания выше 30 метров. И вот цитадель умеренности пала. Парижские власти сняли ограничения по высотности застройки, которые почти тридцать лет спасали город от небоскребов. Единственный высотный квартал — деловой Дефанс — построили в семи километрах от площади Согласия. Однако острая нехватка квартир в небольшом городе — его территория всего 105 квадратных километров — заставила городскую мэрию решиться на высотную застройку. И это был единственный выход, ведь ограничения по плотности застройки, нормы инсоляции в Париже, как, впрочем, во многих других европейских городах, и вовсе отсутствуют. Чтобы успокоить взволнованную этим решением французскую общественность, власти заверили, что не допустят

появления небоскребов в самом сердце столицы — районах, прилегающих к Сене, на территории Нотр-Дама и Лувра.

Парящий мост

Подобное может привидеться разве что в миражах либо, на худой конец, в галлюцинациях. В самом деле, кто видел в действительности летающий мост? Пожалуй,

никто. А он все-таки существует, однако совсем другого рода, ведь мостом называются и искусно сделанные из металла коронки на зубы. Их сейчас делают в массовом порядке не только населению, но и различным животным, особенно домашним питомцам. Недаром некоторые собачки уже поражают любопытных не столько своими острыми клыками, сколько вставными золотыми зубами.

Случай, о котором хочется рассказать, из ряда вон выходящий, и произошел он в Канаде. Возникает вопрос: кому же потребовался необычный мост и чем он отличается от остальных? Вспомним название: он парит в воздухе. Все дело в том, что «заказчиком» подобного

протеза оказался бело-головый орел. Какой-то браконьер или неудачливый стрелок отсек пулей верхнюю часть клюва, самого рабочего органа любых птиц. Орла отнесли в Центр помощи детищам дикой природы на западе Канады, кормили через трубочку, словом, выходили. Там опытный дантист взялся за особую работу — соединить части разбитого клюва, для чего пришлось придумать и изготовить накладку из пластика и металла с крепежом на винтах. Накладка вернула орлу хватательные навыки.

И смех лечит

Австрийские врачи решили прописывать своим пациентам порцию заразительного смеха. А купить этот смех можно в любой местной аптеке — он записан на ком-

пакт-диске. Идея производить такой «лекарственный препарат» пришла в голову психологам из Национального общества по изучению депрессивных расстройств. Компакт-диск с записью «заразительного смеха» — результат их длительных исследований. Врачи проанализировали сотни клинических случаев и выработали строгие реко-

мендации по определению пациентов, которым может помочь смехотерапия.

Да светится имя твое!

Одна из австрийских архитектурных компаний разработала новую похоронную услугу — светящуюся надгробную плиту с вмонтированным монитором. Для

плиты не нужны электрические батарейки или отдельный генератор. В течение дня солнечная батарея впитывает энергию, а затем в темноте ночи плита начинает излучать нежное голубое свечение. При этом на небольшом дисплее высвечиваются имя усопшего, дата смерти и эпитафия. Несколько таких надгробий уже установлено на кладбищах Вены. Они пользуются невероятной популярностью: в одном бюро клиенты заказали целых двенадцать светящихся плит для семейного склепа. И это несмотря на довольно высокую цену.

Технологическая западня

Продолжаем публикацию эссе известного польского фантаста, мыслителя и публициста Станислава Лема. Эссе эти служат своего рода продолжением всемирно известной книги Лема «Сумма технологий».

Начало публикации см. в №№ 1 и 5 за этот год.

1. Я предлагаю следующее определение технологической западни: это социально-бытовой результат повсеместного внедрения техногенных операций, который в зародышевой фазе был незаметен, социальное зло от которого не было предвидено, а в фазе развития — уже необратим, и предполагаемые выгоды его распространения превращаются в одно- или многообразную катастрофу, все более явно видимую и все труднее сдерживаемую столь же влиятельными решающими факторами, которым он «благодарен» своими широкими размерами и своим огромным вредом.

2. Прототипами «технологической западни» могут послужить следующие, приводимые в качестве «подсказки»:

А) Высвобождение ядерной энергии, осуществленное во время Второй мировой войны для создания оружия массового уничтожения (в результате ошибочного предположения, что американская сторона находится в ситуации вынужденной гонки довооружения ядерным оружием с нацистской стороны). Но после войны, когда была доказана человекоубийственная эффективность атомных бомб, возникли многочисленные способы применения этой энергии в «мирных целях», при котором источник ее рассматривался почти вечным, безопасным и безвредным.

Действительно, атомная энергетика постоянно (хотя и с некоторым замедлением) глобально развивается (и распространяется), угроза биосфере в результате этого нарастает вместо то-

го, чтобы сокращаться (на что надеялись после коллапса Советов, после которого должен был наступить «новый мирный Порядок Мира»). Опасность проявилась в конце XX века, по меньшей мере, двояко: в виде частичной «замены» обменов межконтинентальными ударами (при помощи Intercontinental Ballistic Missiles очередных усовершенствованных поколений, спрятанных в бронированных бункерах) на обмен возможными (хотя еще не осуществленными) трансферами с помощью International Luggage Missiles, сокращенно ILM, в виде «чемоданно-багажных» атомных бомб, образцы которых, пригодные для контрабанды и применения, уже демонстрировались в мировой телевизионной сети.

«Растаскивание» ядерного арсенала, главным образом плутониевого как постсоветского наследия, контрабанда сырья, усилия третьих стран по организации собственного производства плутония и т.п., размножаясь, увеличивают очень трудно измеримую практически способом вероятности «рассеянной» эскалации — в противоположность «централизованной эскалации» времен «холодной войны» обеих супердержав, которые только и принимались в расчет, так как стратегически соперничали на этом поле за победу в *overkill strategy*¹.

Принимая во внимание вышесказанное, редакторы «Bulletin of Atomic Scientist» неосмотрительно поспешили, изобразив после коллапса СССР на обложке своего журнала, что стрелки часов ядерного Апокалипсиса передвинулись значительно назад от отметки «двенадцати часов». Вероятность неотвратимо увеличивается. Говоря проще, первые удары либо как нападения, инспирированные некоторыми государствами, либо как атаки террористических групп наступят в будущем: им, конечно, могут предшествовать различные формы угроз, шантажа, вымогательств в политических или только материальных целях. В любом случае основную схему понятия «технологической западни» по вышеописанному направлению уда-

ется хорошо распознать: после этапа раннего теоретического изучения, после фазы кратковременной военной победной эйфории (благодаря поражению Японии во Второй мировой войне), после этапа ядерной гонки двух супердержав наступает этап «рассеяния опасности», когда любой локальный конфликт может стать фитилем для Третьей мировой войны. Уклониться от опасности путем I) радикального отказа отдельных государств от ядерной энергетики, II) «радикального» заключения договоров о нераспространении ядерных технологий, III) «радикального контроля» благодаря деятельности соответствующих служб ООН (по атомной энергии) нельзя. Примеры можно почерпнуть из множества ежедневных газет. «Клуб ядерных государств» расширяется довольно постоянно. Я не вникаю здесь в самую суть дела (в угрозу биосфере, человечеству, наследственности растений и животных с человеком во главе и т.д.), поскольку все вышесказанное должно было только проиллюстрировать на конкретном примере возможные размеры разрушительной силы, возможные результаты и несомненную уже необратимость названного в начале термина «технологическая западня». Учитывая то, что речь идет только о примере, саму проблему (каким образом и возможно ли минимизировать мирное использование ядерной энергии и т.д.) обсуждать здесь я не намерен.

В) Более однозначный, поскольку «антивоенный» и «неполемологический», то есть не касающийся конфликтов, возникающих между людьми, способ дает пример «технологической западни» в абсолютно другой области — фронте столкновения микроорганизмов и человека, то есть актуальном на пороге третьего тысячелетия состоянии медицины. После первого, будто бы окончательного победного этапа применения антибиотиков против болезнетворных микроорганизмов возникло определяемое как фатальное преимущество именно этих паразитов, поскольку их разнообразности (столь многочисленные, что

и не сосчитать) получили, благодаря своим метаболическим мутационным механизмам, иммунитет против более чем сотни известных в настоящее время фармакологии антибиотиков. Вместе с тем, благодаря «повышению планки» в виде процедур, применяемых при использовании целой гаммы антибиотиков, вирулентность (ядовитость) микробов возросла. Группа жизненно несамостоятельных вирусов и особенно ретровирусов (Human Immunodeficiency Acquired Virus), некоторые из которых называются «медленными вирусами» (с точки зрения исключительно долговременного латентного периода — периода «спячки» в уже зараженном организме, по-английски *slow viruses, dormant viruses*, и т. д.), вышла в первые ряды субмикрорганов, угрожающих человеческому здоровью и жизни. Особенно HIV и HIV2 являются причиной сто-процентной смертности; следует, однако, добавить, что непосредственно для образной демонстрации понятия «технологическая западня» вирусы — не самый лучший пример, ибо антибиотики их с арены битвы практически не вытеснили. Таким образом, выше я предложил только две модели «технологической западни», схожесть которых в том, что после их массового внедрения вместо феноменального и вызывающего удивление аверса проявляется зловещий и угрожающий всем нам реверс. Вместе с тем особенно значимой чертой, исключительно важной и существенной для каждой технологической западни, является то, что она имеет характер *необратимого* процесса. Ведь нельзя ни «отстраниться» от результатов применения антибиотиков путем невозможного на практике «загона» болезнетворных микробов в сторону «антибиотического уменьшения вирулентности», ни «закупорить в бутылке» или отправить в никуда однажды высвобожденную ядерную энергию.

3. То, что было, что прошло, что стало, представляет определенные этапы развития технологии (также и биотехнологии), нас же здесь будет

особенно интересовать, без сомнения, дискуссионная проблема: *можно* ли распознать уже «открытые» или же «открывающиеся» перед нами или вообще «подкарауливающие в будущем» такие технологические западни, наблюдение за которыми помогло бы или их избежать, или некоторым образом усмирить, или, по крайней мере, популярно разъяснить опасность, прежде чем мы попадем под их власть. Естественно, о какой-либо «главной» теории предвосхищения всевозможных технологических ловушек не может быть серьезного разговора. Говоря обобщенно, одной из характерных особенностей такого рода «западни» является такая ее черта, которая, например, присуща мышеловке или ловушке для какого-нибудь насекомого-вредителя, когда угроза для находящегося перед ними не видна. Иначе и короче: эти западни при вступлении в зону их деятельности выглядят многообещающе или, по меньшей мере, «невинно». В скобках добавлю, что было бы некоторым преувеличением и излишним расширением описываемого здесь понятия признать моторизацию (автомобильную) такой западней, какой, например, стала ядерная технология: потому что от моторизации, хотя и с большим трудом, отказаться как-то (значительной ценой и неизвестной технологией) в принципе *можно*.

4. Западню можно продемонстрировать на модели, в действительности не существующей, которой может быть (предположим) так называемая этикосфера, то есть эффект «распространения» нерушимых законов Природы (таких, как гравитация) на область поведения разумных существ путем «насильственной и обязательной» этификации всего их жизненного пространства. Никто там, как в моем «Осмотре на месте», никому ничего плохого сделать не в состоянии, но столь полезный аверс, инструментально реализованный через «вирусы *добра*», имеет фатальный реверс «невидимого заключения» всех и всего в «вирусных коконах». За более подроб-

ным описанием обеих сторон дела я вынужден здесь отослать к книге. Принимая во внимание неустанно и неотвратимо нарастающее чувство неадекватности, вызванное неудовлетворенностью, безрезультативно усиливающейся тенденцией агрессии (не находит выход в каких-либо внедуховных актах), возврат к «Природе» (или к эре пред-этификационной) угрожал бы какой-то безумной, ненормальной, возможно, и человекоубийственной всенесдержанностью. Следует, однако, добавить, что и без «загрузки мозговых аккумуляторов агрессивностью», благодаря неким «вирусам, заставляющим не делать ближним то, что самому немило», мы сейчас ощущаем (особенно среди богатой части человечества, которой присущи «вседозволенность», секуляризация, упоение свободой, растущая преступность, коммерциализация секса, наркотики, распад семей) внедрение всяческих технических новинок в сферу жизнеобеспечения с простеньким вкусом, это же касается и политической жизни (мы уже близки к восхвалению, а не только к отрицанию радостей практикуемого человекоубийства, кровосмешения, произвола массовых «пытток» и подобных вырождающих феноменов, ложно квалифицированных в мире как «проявления озверения»). Человек — это уже звучит как оскорбление, ничего «гордого» в этом на склоне столетия нет. Но возвращаюсь к теме.

5. В широко разрекламированной, с энтузиазмом освещенной, в зародыше уже реализованной *информационной автостраде* (родом из США — Information Highway, Information Autobahn и т. п.) я вижу очередную область приобретений информационного века, которая станет территорией вторжения плохо или вовсе не прогнозируемой преступности в XXI веке. Эта очередная территория будет заминирована «технологическими западнями», а будет ли возможность как-то отделаться от их опасностей, будет ли возможен некий отход, спасающий от информационно усиленного злодея-

ния, проступка, принуждения, «кражечной информации», злобной вездешней назойливости, неизвестных нам форм порномании, превращения биосферы в социосферу с порносферой и т.п., и т.д., — этого предсказать не удастся, поскольку все шансы *зла* сильно зависят от параметров фактического функционирования того кольца спутников-компьютеров, берущих нашу планету в свои невидимые щупальца. Насколько многочисленными, регулярно наделяемыми новыми возможностями окажутся на этой «автострате» целые своры неовирусов, определить еще нельзя. Впрочем, наше упорное причисление к *computer crime* (находящееся, по сути дела, в фазе новорожденного) только групп более или менее преступно действующих «хакеров», свидетельствует прежде всего об инерции нашего мышления. Линейная экстраполяция приводит к наивному, по сути дела, видению «суперхакеров», посылающих целые ватаги «супервирусов» в сеть, чтобы с их помощью влезть в генеральные штабы, в государственную казну, в банки и черт знает в какие еще центры, а самозванные «футурологи» хотят одурманить нас видениями медицины, заботящейся на расстоянии о больных (или хотя бы только об одиноких), и наконец, распространяющейся уже *фантоматики* (она должна увлечь нас с помощью различных вариантов виртуальной предпринимчивости, то есть туризма, электронного онанизма при посредничестве фантомов умерших и известных когда-то женщин, которым не обязательно даже быть красивыми, как Мэрилин Монро, поскольку иначе, но также привлекательной может казаться связь с британской королевой, к тому же информационно омоложенной, или хотя бы с женой соседа, возможно, «ему на зло» — о возможностях этого я писал тридцать лет назад то ли серьезно, то есть дискурсивно, то ли в форме гротеска). Но, повторяю, кроме всего прочего это является экстраполяцией в направлении наименьшего сопротивления и самого слабого воображения. Компьютеры, специ-

ально размещенные на низких орбитах для получения хорошего, почти визуального изображения, смогут наблюдать (и отслеживать) любое передвижение каждого транспортного средства (подобно любой кровинке в реке крови каждого человека), любую сделку, любой взлом, и тем самым также ликвидировать частную жизнь личности и все ценности одиночества; в жизни общества появится новое качество, психо- и социологические последствия которого нелегко будет предвидеть. Независимо от отдельных групп контроля, защиты (скажем, антивирусных фильтров), давления, от групп, живущих на Земле, но действующих уже через сеть или кольцо «внеземной автостраты», в этом самом кольце, будто в гигантском опоясывающем нашу планету дождевом черве с тысячью нервных узлов, могут возникнуть не только нарушения, пожалуй, нежелательные, не только аварии, порождающие хаос, но также возможны как полностью непредвиденный рикошет или эффект своеобразного *дрейфа*, который должен бы эквивалентно служить доказательством того, что я имею в виду, колоссальные последствия прироста массы, вызывающие такие катастрофы на любом транспорте, каких человек, созданный антропогенезом для хождения на двух ногах, еще сто лет тому назад не смог бы себе вообще представить.

Масса обычного автомобиля даже при не слишком высокой скорости может привести к катастрофическим результатам при массовых столкновениях в условиях обыкновенного тумана на автострате, масса же корабля дает уже ужасающие результаты, выходящие за рамки воображения. В свою очередь, возрастание «информационной массы» может ввести ее в «дрейф» — неожиданное нарушение в выполнении последовательности пассивных программ, то есть подвластных исключительно воле земных людей-повелителей. Впрочем, эти повелители уже сейчас, например в США, на страницах прессы выражают все усиливающееся раздражение, поскольку, стремясь воспользоваться связью для коммуникации с

другими людьми в частном или служебном порядке, как правило, попадают на мертвую, от электронного Анна до кибернетического Каифа², отталкивающую компьютерную запрограммированную автоматику-исполнителя, и достижение реального человека уже в этих исключительно земных условиях становится такой проблемой, что многих приводит к неврозам, принципиально отличающимся по причинам и по симптомам от невроза, испытываемого пользователем обычного телефона на польской незаавтоматизированной земле.

Тем более когда к терабайтовой сети будут подключены миллионы людей посредством их будущих супермикролаптопов. Когда компьютеры будут беседовать с компьютерами, а основой станет бит-литература — невинная фантастика, о которой я писал в «Мнимой величине». Итак, наступающий информационный век несет в своих прекрасно организованных внутренностях, в компьютерных телах абсолютно неизвестные нам несчастья, на которые в ожидании стоит осмотрительно обратить внимание, поскольку, как правило (абсолютно беспощадное, просто железное), ожидания визионеров-прогрессистов технократии, различных Бланшаров, Эдисонов, Циолковских, реальность действительно оправдывает, но поставив их совершенно с каким-то непонятным злорадством на голову. Вверх ногами.

Я точно не знаю, почему те, кто первыми после Дедала и Икара мечтали о полете в воздушном пространстве, верили в связь такого полета с усовершенствованием человечества, почему эти циолковские думали в целом похоже о мировом объединении человечества благодаря победе Человека над земным притяжением (воспринимая его как разрыв гравитационных оков), почему затем те, кто обеспечивает оборот информации со скоростью света, также ожидают всяческих совершенств после реализации этого (пожалуй, дорогого) проекта. Иначе говоря, возможно ближе к правде, я думаю, что те усовершенствователи нашей судьбы в технических

измерениях (*techne*) отдают на столько же прекрасной, насколько и фальшивой надежде на существование инструментального элемента, который исправит человеческую Природу и окажется просто благословением для достижения некоего невыразимо прекрасного состояния. Действительность этим мечтам каждый раз и категорически сопротивляется, делая из авиации оружие массового уничтожения, из астронавтики — интерконтинентальные самоуправляемые снаряды всеуничтожения и всеразрушения, из завоеванных территорий переработки информации — область массовых краж, взломов, злоупотреблений, а также суррогатов наркотиков, одурманивающих безгранично и безнаказанно. *Naturam expellas furca, tamen usque recurret*³ — так нужно видеть эту улучшенную суперсвязь XXI века и думать о как бы раскрывающей свою невидимую пасть очередной, может, более удачной, чем предыдущие, технологической западне.

Р. С. Ясное дело, технологическая западня, предполагаемая в «генной инженерии», идущей от «молекулярной биотехники», выведенной из Естественной Эволюции или «техногенеза Жизни», является еще более непредсказуемой, неизмеримой, непостижимой в необычности эффектов, опасной для всего живого (значит, и для нас), случайной, но эта «биотехническая» западня требует особого разговора, еще более неуверенного и туманного, чем открытые нами информационные результаты некоей самоорганизации, мостовые камни которой, быть может, пригодятся для мощения также и земного ада.

Примечания переводчика:

1. Стратегия многократного уничтожения (англ.).
2. Каифа и Анна (тесть Каифа) — первосвященники, по настоянию которых Иисус был приговорен к смерти.
3. Изгоняемая вилами Природа, однако, вновь возвращается (лат.).

Большой обезьяний проект

Не так давно, чтоб не соврать — в самые последние годы, защитники наших ближайших диких родственников, человекообразных обезьян, создали новую организацию под названием «Большой обезьяний проект», которая провозгласила своей задачей защиту юридического и морального статуса приматов.

Ближайшая цель этой организации состоит в том, чтобы покончить с использованием обезьян во всякого рода медицинских экспериментах. Что же до дальней цели, то организаторы проекта намерены добиваться, чтобы ООН приняла Декларацию о правах обезьян, подобную уже принятой ею ранее Декларации о правах человека.

Даже ближайшая цель проекта может возмечь нешуточные последствия. В лабораториях различных стран мира содержится несколько тысяч обезьян, используемых для изучения различных болезней и поиска средств для борьбы с этими болезнями. Многие из этих исследований можно смело отнести к работам огромной, перво-степенной важности для человечества, и в некоторых случаях обезьяны в них

просто незаменимы. Достаточно назвать два примера. Существует такая болезнь — так называемый гепатит В. От него страдают миллионы людей на земном шаре. По надежным оценкам, угроза заражения вирусом этой болезни нависла почти над половиной человечества. При этом, как хорошо известно врачам, люди, заболевшие гепатитом В, имеют в двести раз (!) большую вероятность заболеть раком печени, чем обычные люди. Так вот вакцина против гепатита В (в сущности, первая в истории вакцина против рака) была разработана именно в результате исследований на обезьянах. И на тех же обезьянах шимпанзе ведутся сейчас интенсивные исследования другой разновидности этой болезни — хронического гепатита С, от которой страдают десятки миллионов людей.

Другой, еще более знакомый пример — всем известный СПИД. В настоящее время число зараженных СПИДом людей на земном шаре достигло 36 миллионов, а число уже умерших от него — 22 миллионов. Самой распространенной разновидностью вируса этой страшной болезни является HIV-1. В поисках вакцины против этого вируса ученые должны использовать животных, а единственным видом животных, которых удастся заразить вирусом HIV-1, являются шимпанзе. И это не случайно. Как было установлено несколько лет назад, эпидемия СПИДа началась именно потому, что вирус HIV-1 «перепрыгнул» с шимпанзе на людей в начале XX века. (Долгое время имела хождение версия, будто вспышка СПИДа имела причиной какие-то ошибки при массовом вакцинировании африканцев, но последние исследования полностью исключили эту версию. Вина осталась на шимпанзе. Это, кстати, еще раз показывает, какую огромную опасность представляет собой «перепрыгивание» вируса с животных на людей.)

В свете сказанного выше понятно, что полный отказ от использования обезьян в медицинских исследованиях может нанести непоправимый вред науке. Поэтому нужно внимательно присмотреться к доводам сторонников такого радикального шага — правы ли они?

В обоснование своих требований сторонники проекта выдвигают два научных аргумента. Они ссылаются, во-первых, на исключительную генетическую близость шимпанзе и людей. Как известно, почти 96–98 процентов генов у этих обезьян и человека являются общими. И время, отделяющее шимпанзе и людей от общего предка, 5–6 миллионов лет, также является самым коротким, даже очень коротким, если мерить масштабами эволюции. Во-вторых, эти энтузиасты ссылаются на множество экспериментов, которые, по их утверждению, показали наличие у человекообразных обезьян едва ли не самой характерной человеческой черты — самосо-

знания. Содержать сознательные существа в клетках для медицинских экспериментов, говорят обезьянофилы, все равно, что содержать в таких клетках людей.

Вообще-то говоря, эти энтузиасты могли бы и не обращаться к науке. Содержать животных в клетках и проводить над ними медицинские, то есть сопряженные с болью, эксперименты — плохо в любом случае. Даже если это не обезьяны, а мыши или крысы. Им тоже больно. Но человечество, стиснув зубы и отвернув лицо, поручает своим врачам и ученым резать и потрошить несчастных животных — во имя так называемого блага людей. Разумеется, тут есть широкий простор для пылких моральных дискуссий, но мы не будем сейчас в них вдаваться. Речь идет конкретно об обезьянах, которых сторонники вышеназванного проекта хотят исключить из этого «круга равнодушия». Состоятельны ли их аргументы? Утверждение о почти одинаковом количестве генов у людей и обезьян вполне справедливо, но вряд ли содержательно. Цифры сами по себе не говорят ничего. Разница между человеком и обезьянами могла бы заключаться и в нескольких считанных генах, а то и вообще в одном-единственном. Кстати, многие эволюционные психологи всерьез убеждены, что «очеловечивание» началось именно со случайного появления у протолюдей некоего особого «гена речи». (Такая точка зрения связана с именем известного лингвиста Ноама Хомского.) Но и без того в современной науке сегодня все шире утверждается мысль, что главное различие между людьми и обезьянами вообще не связано с числом, а лишь с характером их регуляции.

Видимо, сознавая слабость своего первого аргумента, организаторы проекта ссылаются на наличие у человекообразных обезьян зародышевого самосознания. В подкрепление этого утверждения они ссылаются на наличие у обезьян начатков языка. Прежде всего упоминаются идущие уже 30 лет исследования по так называемому обезьяньему языку знаков. Шимпанзе и бонобо

(карликовые шимпанзе) действительно способны — под руководством экспериментаторов — выучить определенные жесты, означающие те или иные слова. Однако первое возбуждение, вызванное этим открытием, давно уже улеглось. Выяснилось, что обучение идет мучительно медленно, число усвоенных таким образом знаков никогда не превышает двухсот, а обезьяны «предложения» состоят в лучшем случае из двух последовательных знаков. В свое время большой шум вызва-

нибудь метку на лицо или на руки. Метка эта не имеет ни вкуса, ни запаха, обезьяна может обнаружить ее, только глядя в зеркало, поставленное перед нею. Если разбуженная и поставленная перед зеркалом обезьяна будет чаще касаться этой метки, чем в случае, когда зеркала нет, это можно считать свидетельством того, что она распознает себя. Опыты показали, что шимпанзе, бонобо и отчасти орангутаны на это способны. Гориллы и дельфины — как будто бы нет, хотя

Утверждение о почти одинаковом количестве генов у людей и обезьян вполне справедливо, но вряд ли содержательно. Разница между человеком и обезьянами могла бы заключаться и в нескольких считанных генах, а то и вообще в единственном.

ла обезьяна Кензи, которая якобы проявляла «выдающиеся» грамматические способности. Например, она могла, выслушав предложение: «Пожалуйста, возьми соломинку», поднять с пола клетки соломинку. Но специалисты указали на очевидную двусмысленность этого результата. Возможно, что обезьяна в этом опыте в действительности различала во всем предложении только один (уже известный ей) знак — «соломинка». Та же Кензи, по сообщениям работавших с ней исследователей, могла (нажимая на клавиши специального устройства) производить серию знаков, напоминавших связанные предложения. И опять, как показала проверка, сообщения оказались преувеличенными: среднее число знаков в таких сериях оказалось 1,5, что не дает никаких оснований говорить о наличии у Кензи осмысленной грамматики.

Однако, если верить энтузиастам, существуют и другого типа тесты, убедительно говорящие о высоком (хотя и скрытом) уровне развития сознания у обезьян. Речь идет о так называемых экспериментах с зеркалами. Например, обезьяне во сне наносят какую-

кое-кто еще утверждает обратное. Все другие изученные в таких опытах виды — рыбы, собаки, кошки, слоны и попугаи — либо вообще не реагируют на свое изображение в зеркале, либо реагируют на него как на изображение другого животного.

Таким образом, шимпанзе во всяком случае способны распознавать себя в зеркале. Но что это означает? Можно ли саморазличение интерпретировать как самосознание? Даже среди людей есть случаи, когда индивидуумы с явно недостаточным самосознанием тем не менее различают себя в зеркале — например, аутисты.

Напрашивается вывод, что обезьяны, даже самые близкие к человеку генетически, не обнаруживают самосознания даже в тех опытах, где им предоставляется возможность его обнаружить. Нет у них и зачатков языка. Их мозг в чем-то принципиально устроен и работает как-то иначе, не так, как человеческий. Но как? Этого пока никто не знает. Однако то, что такое незнание вряд ли может служить достаточным основанием для провозглашения Декларации прав обезьяны, — это точно.

Мир

В С Е Т И

В этом году справила 35-летие сеть Интернет, без которой человечество XXI столетия уже не мыслит своего существования. И хотя дата условна (в 1969 году заработал всего лишь прообраз глобальной компьютерной сети), тридцать пять лет — срок немалый, чтобы «остановиться, оглянуться».

Тем более что и по сей день для большинства пользователей Интернета он остается вещью в себе: странная Всемирная Библиотека — без единого каталога, директора, владельца, наконец... Ситуация почти по Борхесу, который, как известно, был не только великим писателем, но и отменным мистификатором. Легенды и мифы сопровождают и обстоятельства рождения Всемирной паутины. Зато очевидно и общепризнанно: в ней можно общаться, в ней можно собирать нужную информацию (а также утонуть в океане всяческого хлама), наконец, в ней можно делать большие деньги!

Если завтра война

Вопросы, которые неизбежно мучают любого думающего неспециалиста-

пользователя, вполне закономерны. Есть ли у Сети центр? Кто ею владеет (а значит, и ее контролирует)? Известен ли полный каталог всех сетевых ресурсов? Кто ее, наконец, создал?

Специалистам ответы известны. На первые три вопроса они отрицательны: нет, никто, неизвестен. А на четвертый — долгий и расплывчатый: как у всякого технологического прорыва, у Интернета много «отцов» в зависимости от того, что считать первым узелком Всемирной паутины и кого — первым «пауком».

Трудно поверить, но началось все еще в «доисторическом» (если мыслить временными масштабами Эры Интернета) 1960 году. Именно тогда Пол Баран, сотрудник американского «мозгового центра» компании Rand Corporation, созданной в 1946-м, за-

интересовался одной прикладной проблемой. Формулировалась задача так: создание универсального способа организации коммуникаций между различными центрами принятия решений на случай ядерной войны. В переводе на человеческий язык это означало следующее. Очевидно, что первый ядерный удар потенциального противника (кто им был тогда для Америки, напоминать не нужно) будет нанесен по центрам принятия решений — правительственным и военным. Поэтому Баран задумался, как соединить их компьютеры, чтобы они не зависели ни от самих «центров», ни от существующих телефонных линий.

Ученому пришла в голову аналогия с пчелиными сотами, которые пчелы достраивают сами, не имея единого «центра принятия решений», но зато обладая информацией о параметрах, позволяющих точно состыковать новые соты с уже построенными. Если заменить соты компьютерами, то, очевидно, такая система с большей вероятностью пережила бы воздушную атаку: информацию можно было бы доставить адресату «окольным» путем — через цепочку других компьютеров, и не всю сразу, а порциями (пакетами). Однако принятая тогда аналоговая запись информации в данном случае не годилась (проходя через многочисленные узлы, она заметно «тускнела»), поэтому Барану пришлось придумать еще и новый способ записи — цифровой.

Свои идеи ученый изложил в 1962 году в служебном издании корпорации RAND, формально открытом, но имевшем узкое хождение. Независимо от Барана подобную теорию развивал и английский физик Дональд Дэвис — он, кстати, первым ввел принцип «пакетной» передачи информации. А также внес предложение возложить на компьютер, кроме «почтальонских» функций, еще и функции «толмача» — все равно разные компьютерные языки и системы потребуют наличия некоего унифицированного Бюро технического перевода.

Наконец, в августе того же года два сотрудника Массачусетского техноло-

гического института (MIT), Джеймс Ликлайдер и Уэсли Кларк, опубликовали статью «Взаимодействие человек-компьютер в режиме on-line». Однако в ней речь шла не только об «интерактивности», но и о будущей Галактической компьютерной сети!

Ликлайдер и дальше продолжал развивать и поддерживать ростки будущей «идеологии Сети». Он, как заботливый садовод, высаживал семена на будущее, и они взошли, но чуть позже. Сам ученый к этому времени перешел в компанию IBM, предварительно разослав (тогда еще по обычным линиям коммуникаций) коллегам памятную записку, адресованную «всем членам и аффилированным структурам Межгалактической компьютерной сети». В записке содержались все основные принципы, структура и задачи будущей сети Интернет. Было это 25 апреля 1963 года, до создания самой Всемирной паутины оставалось почти четверть века.

Баран, Дэвис и Ликлайдер с Кларком, как часто случается с пионерами, намного опередили свое время — их идеи не нашли поддержки и были заморожены почти на добрую пятилетку.

Примета: паучки — к известию

Следующее значительное событие в истории Сети произошло весной 1966 года. Назвать его научным или техническим язык не поворачивается, хотя техника «выбивания фондов» в отдельных случаях может быть приравнена к искусству. Очевидно, этим искусством в совершенстве владел Роберт Тейлор, руководитель Бюро технологий обработки информации в работавшем «под крышей» Пентагона Агентстве перспективных исследовательских проектов (Advanced Research Projects Agency, сокращенно — APRА). Оно было создано в 1958 году как оперативная реакция американской военно-политической верхушки на сенсационный запуск первого советского спутника.

Тейлору приходилось координировать работу четырех крупных иссле-

Слева направо:
Роберт Тейлор,
Джеймс Ликлайдер,
Пол Баран

довательских групп в университетах, разбросанных по всей стране. В каждом стоял мощный по тем временам компьютер, информация от всех них стекалась в «контору», а на Тейлора была возложена обязанность сводить полученные данные воедино и передавать их от одной группы к другой. Учитывая уровень тогдашней техники (все компьютеры имели свои языки и системы ввода команд), можно предположить, что голова Тейлора пухла угрожающими темпами.

Снова подтвердилась пословица «Необходимость — мать изобретения». Тейлор задумался: а почему бы не соединить все это компьютерное хозяйство единой сетью, используя одинаковые терминалы и единое программное обеспечение? Идея в то время была уже не новая, зато воплощение — на грани фантастики. Презрев субординацию и бюрократическую писанину, Тейлор добился приема у директора APRAnet и за двадцать минут убедил его в необходимости постройки «совместной сети компьютеров с разделением времени», выбив на осуществление проекта круглый 1 миллион долларов. По справедливости, официальная история Интернета должна была бы сохранить в своих анналах и имя того удивительного директора!

Сначала предполагалось связать сетью всего четыре компьютера, а в перспективе — двенадцать. Два года

ушло на разработку необходимых спецификаций и составление первых грубых эскизов. Наконец, в августе 1968 года приглашенный Тейлором математик Лоуренс Робертс разослал сотне с лишним фирм предложение принять участие в конкурсе на создание первой экспериментальной компьютерной сети.

Не прошло и месяца, как пришли первые ответы. Любопытно, что все тогдашние компьютерные и коммуникационные «гранды» — IBM, AT&T и другие, самоустранились, сочтя задачу слишком сложной и малоперспективной. А вот небольшая консалтинговая фирма из Бостона — Bolt, Beranek & Newman (BBN), до того занимавшаяся консультациями в области акустики при проведении строительных работ, напротив, сразу же представила детальный проект, который хоть завтра можно было воплощать в чертежи.

В начале следующего года BBN получила заказ вместе с обещанным миллионом, таким образом, полностью оправдав риск — создание спецификаций обошлось фирме в 100 тысяч долларов. И спустя девять месяцев родилось долгожданное «дитя» — на базе компьютера Honeywell DDP-516 была создана сеть APRAnet. Первыми к ней подключились два Калифорнийских университета — в Лос-Анджелесе (UCLA) и Санта-Барбаре, а также Стэнфордский и Университет штата Юта в Солт-Лейк-Сити.

Чтобы представить себе уровень тогдашнего «трафика», стоит вдуматься в технические характеристики техники

образца 1969 года. Массивный «шкаф» Honeywell обладал памятью 12 Кбт (прописью — килобайт!) и не имел ни жесткого диска, ни дисковод, программы считывались с бумажных лент, а для изменения конфигурации компьютера требовалось забраться в его внутренности. Информация из Бостона уходила по кабелю в UCLA, где ее принимал оператор в наушниках и с микрофоном. Каждая буква перепроверялась голосом, да еще и компьютер периодически зависал...

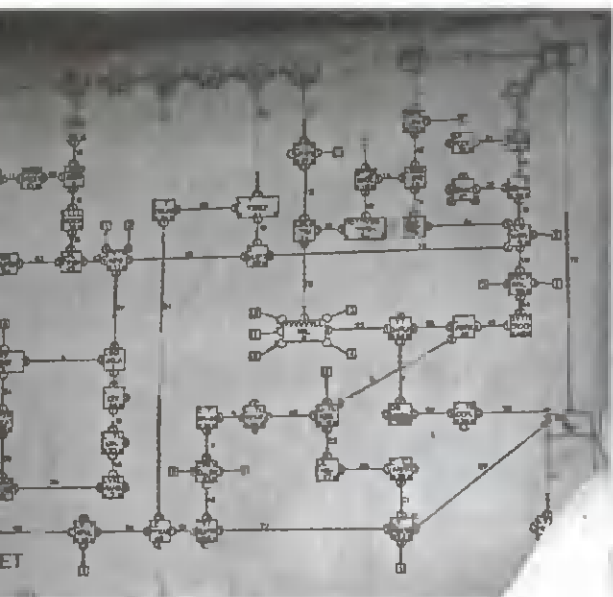

Схема APRAnet — прообраза Интернета

Впрочем, снисходительно ухмыляться тоже не следует. Так обычно и делается История: первые шажки даются с трудом, а затем срывается лавина — только успевай отслеживать. К 1972 году в сети было уже 15 узлов — университетов и научно-исследовательских центров. А спустя четыре года число пользователей сети APRAnet достигло 2 тысяч, еще через десять лет — полумиллиона.

Памятник электронной письменности

В 1971 году был взят следующий принципиальный рубеж — сотрудник VBN Рэймонд Томлинсон написал первые программы для электронной почты. Поначалу таковых было две: одна для отсылки сообщений, другая

— для приема. Спустя год Томлинсон переписал программы специально для сети APRAnet, и за одну неделю их скачало все тогдашнее интернет-сообщество — иначе говоря, сто с лишним пользователей. Обладателям пусть не своих собственных (эра «персоналок» еще не наступила), но хотя бы служебных компьютеров понравилось общаться между собой по E-mail. Хотя справедливости ради нужно отметить: телефон и факс еще долго оставались намного более эффективным средством коммуникации.

Между прочим, Томлинсону нынешние отправители и адресаты электронной почты обязаны и «собачкой» — значком «@», который, кстати, в разных странах величают по-разному: от «уточки» в Греции до «паукообразной обезьяны» в Германии. Символ возник давно, еще в Средневековье, и позже стал использоваться для обозначения латинского предлога *ad* (аналога английского «at» или русского «в»). Потом «собачка» прописалась на клавиатурах пишущих машинок и телетайпов, где служила кратким обозначением выражения «в размере» или «по курсу».

В том же 1972 году прежде засекреченная APRAnet впервые открылась миру — ее официально представили на Международной конференции по компьютерным коммуникациям, состоявшейся в Вашингтоне. В презентации участвовало 40 машин, которые «общались» между собой к немалому удивлению собравшихся.

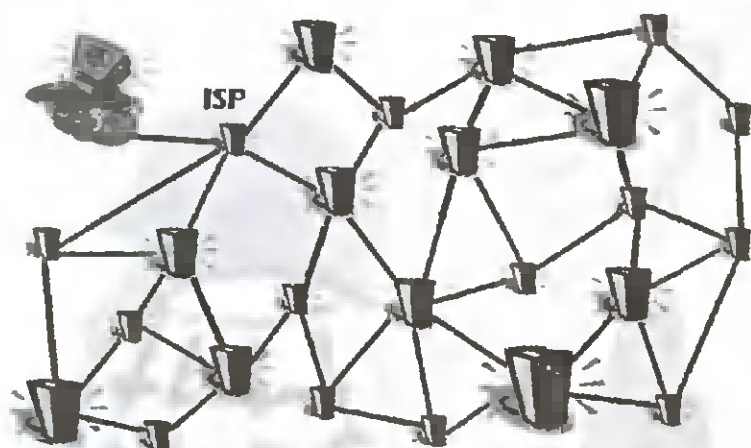
И следующий год ознаменовался двумя этапными событиями. Во-первых, сеть преодолела государственные границы — к APRAnet подключился один из лондонских колледжей (а спустя два года королева Елизавета II отправила первое сообщение электронной почтой из военного пункта связи). Кроме того, в майском номере журнала *Transactions on Communications* появилась статья Роберта Кана и Винсента Серфа под названием «Протокол для пакетных сетевых коммутаторов». В ней авторы впервые сформулировали идею сервера — общего компьютера, который служит отправителем,

получателем и переводчиком данных, пересылаемых локальными и региональными сетями (Серф набросал схему в марте того же года в холле гостиницы на обороте почтового конверта), и разработали так называемые протоколы (TCP/IP) для передачи данных пакетами.

Идея Серфа и Кана была воплощена в жизнь спустя два с половиной года. После этого APRAnet и другие аналогичные сети начали стремительно

*Сотрудники
фирмы BBN —
разработчики
сети APRAnet*

*Наглядная схема
децентрализованной сети
передачи сообщений.
Рисунок сделан
на скорую руку
одним из авторов проекта*

разрастаться — с 1980-х их совокупность все чаще стали называть Интернетом. Процесс ускорил и первый не требующий ручного управления модем, который выпустила компания Hayes. Эти полезные устройства, преобразующие цифровые сигналы компьютера в аналоговые для последующей передачи их по обычным телефонным линиям, свалились на «компьютерное братство» как манна небесная — теперь к его услугам была вся гигантская телефонная и телеграфная сеть, развивавшаяся на протяжении последних полутора столетий!

Но пользоваться ею могли по-прежнему в основном научные и исследовательские центры. Для того чтобы сплести из отдельных фрагментов единую Всемирную паутину, позволявшую общаться миллионам людей, оставался последний шаг — его в 1989 году сделал сотрудник Европейского центра ядерных исследований (CERN) англичанин Тим Бернерс-Ли.

Поначалу он, правда, и не подозревал, какого джина выпускает из бутылки. Перед молодым ученым стояла задача куда более приземленная — навести порядок в том, простите за слово, бардаке, который представляло собой компьютерное хозяйство родной «конторы». Компьютеров в CERN было достаточно, но практически каждый сотрудник пользовался своим машинным языком и своими же программами, понять, кто над чем работает в данный момент и чем может быть полезен коллегам, было невозможно.

Чтобы облегчить пользователю быстрый доступ к любому из ресурсов, содержащихся в локальной сети центра, Бернерс-Ли изобрел универсальную систему ссылок-команд на все известные источники информации. Получившийся «гипертекст», в котором каждая ссылка автоматически выводит ищущего на десятки других, произвел настоящую революцию. Отныне Сеть представляла собой удобную территорию поиска, при том что в этой обшир-

ной библиотеке фактически отсутствовали и библиотечарь, и каталоги.

Автор изобретения предложил начальству запустить разработанную им программу в локальную институтскую сеть, но эта идея поддержки не получила. Тогда вместе с коллегой из Бельгии Робером Кайо Бернерс-Ли предпринял обходной маневр — во время обеденных перерывов попытался заинтересовать своей идеей коллег прямо в кафе, и после нескольких попыток она была принята на ура. Вместо упомянутой аналогии с пчелиными сотами Бернерсу-Ли больше понравилась другая — с паутиной, и он впервые произнес ставшие историческими три латинских слова на букву W — World Wide Web, Всемирная паутина.

В мае 1991 года с гипертекстом познакомился гостивший в центре сотрудник Стэнфордского университета. Он увез «европейскую заразу» с собой в Америку, где она начала распространяться со скоростью массовой эпидемии.

Свободу — информации!

А спустя неполных три месяца изобретатель гипертекста совершил неожиданный поступок, следствием которого стал еще один «августовский переворот 1991-го» — на сей раз переворот в господствовавших тогда представлениях насчет «интеллектуальных прав». Стоило Бернерсу-Ли тогда же, по горячим следам запатентовать свое изобретение — и еще вопрос: кто бы сегодня занимал первую строку в списке супербогачей, регулярно публикуемом журналом *Forbes*? Вместо этого английский ученый просто выложил все свои программы в Сеть бесплатно для всех желающих. Разными бывают поступки, изменяющие Историю, в том числе и такие...

В 1993 году официально отказался от всех прав на изобретение своего сотрудника и CERN. После чего уже в следующем году Всемирная паутина — глобальная информационная и коммуникационная система, не имеющая центра, хозяина, каталога и единого плана, — окончательно пере-

шла в сферу общественного пользования (public domain).

Хотя этой сетью официально никто не владеет, никто ее не контролирует и никому не ведомы все ее ресурсы, тем не менее каждый компьютер в ней должен иметь свой адрес и «имя собственное» — иначе как его отыщет другой пользователь? Аналогия напрашивается сама: тот, кто раздает эти имена, обладает все-таки определенной властью — властью привратника, не знающего в деталях, что находится в охраняемом им заведении, но имеющего полномочия кого-то туда и не пускать. Имя «сетевого привратника» известно — это некоммерческая Международная организация по присвоению доменных имен и номеров (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers — ICANN), расположенная в Лос-Анджелесе. ICANN заботится о том, чтобы ее решения принимались если и не единодушно (вряд ли это возможно в принципе), то хотя бы максимально прозрачно.

Сам того не ведая, Тим Бернерс-Ли открыл эпоху «нового интернет-мышления», суть которого емко выразил один из гуру будущих хакеров Стивен Бранд: «Информация стремится стать свободной» («Information Tends to Be Free»). По-другому ту же мысль выразил герой повести братьев Стругацких: «Счастье каждому, даром, и пусть никто не уйдет обиженным».

Для нового поколения «киберсерферов» счастьем была сама возможность дни и ночи скользить, как на доске, по волнам разлитой в киберпространстве информации. И мысль о том, что и она представляет собой товар, за обладание которым нужно платить, представлялась энтузиастам Интернета нелепой и даже кощунственной. Кое-кто уже решил, что создание Всемирной паутины принесет человечеству долгожданную утопию, основанную на подлинной свободе информации, на которую не смогут наложить лапу никакие правительства, организации и цензоры. Хотя сами слова, записы-

Рой Томлинсон

Интернет (со своей любимой «собачкой») теперь обживает даже столбы

Справа: Тим Бернерс-Ли

ваемые отныне с заглавных букв — Сеть, Паутина, — при трезвом размышлении вроде бы не должны были вызывать каких-то чересчур радужных ассоциаций.

Что и подтвердила дальнейшая эволюция Интернета. Эпоха сетевого романтизма продлилась совсем недолго — дольше создавалась сама Сеть. Иллюзию разрушили не правительства и общественные организации (хотя и те, и другие по сей день не прекращают попыток установить свой контроль над киберпространством), в связи с бурным ростом населения «информационной утопии» на него все чаще с холодным деловым интересом стали посматривать те, для кого человек — это прежде всего потребитель товаров и услуг.

Сразу же после «модемной революции» в конце 1980-х годов были зафиксированы первые случаи полуправильных продаж компьютерных программ через APRAnet, созданную

вообще-то совсем с иными целями. Тогда же появились первые коммерческие информационные службы — CompuServe и другие, и электронные доски объявлений — BBS (Bulletin Board System). А к концу десятилетия американское правительство окончательно прекратило финансирование проекта APRAnet, передав его коммерческим организациям. И в 1990 году сама сеть официально прекратила свое существование.

Нужды в ней уже не было — мир опутала гораздо более мощная и динамично развивающаяся сеть Интернет. Заметил ее и большой бизнес. После того как в 1992 году американский конгрессмен Рик Бучер «продал» федеральный закон, открывший Интернет для коммерческой деятельности, Всемирная библиотека за считанные годы превратилась во Всемирный базар.

Как и в реальном мире, в нем потребителю не просто предлагают това-

ры и услуги, но зачастую и навязывают их, заодно навязывая и новые, специально придуманные потребности, которые рынок тут же охотно предлагает удовлетворить. И точно так же информационно-потребительская цивилизация оставляет после себя прежде всего горы «информационного мусора», вызывая необратимое загрязнение новой среды обитания.

Торговая сеть

В 1994 году в Сети был замечен первый «спам» (так называется рассылаемая по электронной почте информация обычно рекламного характера, которую адресат не запрашивал). После того как некая юридическая фирма в Аризоне разослала рекламу лотереи, в которой разыгрывались «грин-карты» (документы, дающие право на проживание и работу в США), ответом было единодушное возмущение тогдашнего интернет-сообщества. Сегодня это — проблема, с которой вынуждены бороться уже правительства.

А в исследовательском центре компании Хегох в Пало-Альто, Калифорния, разрабатывается уже и вовсе невероятная «электронная экология» — e-cology. Один из основоположников новой науки, физик Бернард Губерман, так определяет ее задачи: «В живой природе существуют взаимосвязи между организмами. И в сети Интернет тоже, но между электронными данными. Всемирная сеть растет и развивается, как экосистема, — динамично и бесконтрольно. Исчезают ссылки, появляются новые страницы, некоторые из них затем «умирают», другие, наоборот, становятся крайне популярными, развиваются и набирают вес в интернет-сообществе». Во что превратила потребительская цивилизация земную природу общеизвестно; очевидно, настала очередь спасать и виртуальную.

Тем не менее процесс не остановить — общеизвестно, что джинны никогда сами в бутылку обратно не лезут. Просто еще один технологиче-

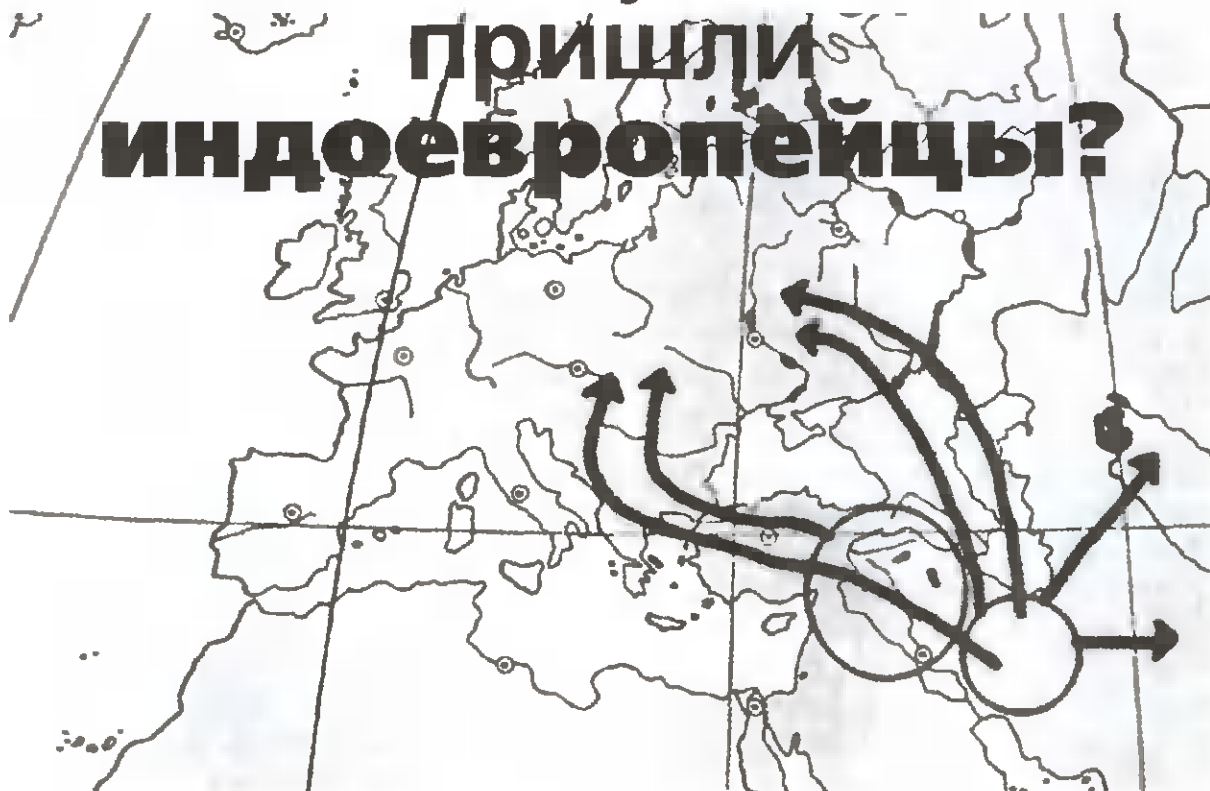
ский прорыв, имевший целью установить всемирное общение и всемирный обмен знаниями, быстро превратился в прорыв коммерческий.

В 2002 году число пользователей сети Интернет превысило 600 миллионов человек — иными словами, сегодня каждый десятый житель планеты «повязан» электронной сетью. И эта тенденция к росту сохраняется. Как следствие, в последние несколько лет в виртуальном мире наблюдается бурное развитие сетевого бизнеса (e-business), сетевой коммерции (e-commerce) и прочих атрибутов мира реального. Только за 2000 год доходы электронной торговли выросли на 65 процентов и составили 600 миллиардов долларов. Прямое сравнение двух показателей приводит к результату, прямо сказать, неожиданному: получается, что в год средний пользователь сети Интернет тратит в ней на покупки 1 тысячу долларов! О «наваре» торгующих в «электронном храме» можно только догадываться.

В этой связи любопытно отметить, что никто из «отцов» Интернета — Пол Баран и Дональд Дэвис, Роберт Тейлор, Винсент Серф и Роберт Кан, Лоуренс Томлинсон и Тим Бернерс-Ли — не только не составил конкуренции Биллу Гейтсу, но и вообще не заработал на своем изобретении ни цента. Не потому, что не смог, а потому, что не хотел — по крайней мере тогда, десятилетия назад; сегодня кто знает — вполне возможно, вся эта «великолепная семерка» локти кусает с досады. Но и мир сегодня не тот, что был в конце шестидесятых.

Кто-то давным-давно сформулировал грустный, но неизменно подтверждавшийся в Истории закон: все революции в мире задумывают идеалисты, воплощают в жизнь прагматики, а наслаждаются ее плодами циники. Интернет-революция исключением не стала.

Откуда пришли индоевропейцы?

Великий остроумец Станислав Ежи Лец однажды угрюмо заметил: «Я знаю, почему считается, что евреи виноваты во всем. Потому что евреи за все расплачиваются».

Мне всегда казалось, что в этой формуле должны быть исключения. Например, евреи заведомо, думал я, не могли быть виноваты в том, что произошло задолго до их появления в истории. Но недавно я убедился, что не прав. Оказалось, что евреи считаются виноватыми и в этом. Послушайте, какую роль приписывают евреям в деле, казалось бы, на миллионы световых лет отдаленном от «трепета забот иудейских», — в появлении индоевропейских языков, которое произошло то ли 6000, то ли 8000 лет тому назад, когда никаких евреев, даже по Библии, не было и в помине. Ну, разве что одна семья — праотец Авраам со родичи.

Все началось со знаменитого британского юриста сэра Вильяма Джонса. Это он в 1786 году первым выска-

зал убеждение в родстве греческого языка с кельтским и санскритом. Это замечание подтолкнуло лингвистов к энергичным сравнительным исследованиям, стали появляться все новые факты того же рода, и по мере их накопления становилось все более очевидным, что огромное число европейских и близких к ним азиатских языков действительно находится в близком родстве, как будто они произошли из единого древнего корня. Процесс таких сравнений продолжался около столетия и завершился созданием теории, которая объединила 144 родственных языка в единое «индоевропейское семейство» и постулировала существование в прошлом их общего предка, которому было дано название протоиндоевропейского языка, или ПИЕ. Именно от него пошли на Земле языки романские, кельтские, германские, балто-славянские, индийские и иранские, албанские, греческие и армянские, а также исчезнувшие тохарианские и хиттитские.

Естественно, встал вопрос: кому принадлежал протоиндоевропейский язык? Кто на нем говорил? Кто его разнес по белу свету? Когда? Было предложено два ответа.

Согласно мнению выдающегося литовского лингвиста и археолога Мэри Джимбутас (начав работать в 40-е годы в Литве и Германии, она закончила свою карьеру профессором Калифорнийского университета), ПИЕ был языком кочевников южно-

украинских степей и начал распространяться в Европе и в Азии около 6 тысяч лет назад. Однако, по мнению выдающегося британского археолога Колина Ренфрю, ПИЕ был языком оседлых сельскохозяйственных племен турецкой Анатолии, которые принесли его в Европу и Азию вместе со своей земледельческой культурой около восьми тысяч лет назад.

Разница в какие-то две тысячи лет — казалось бы, из-за чего спо-

Феминизм сформировал миф о так называемой матриархальной предыстории человечества, и теория происхождения индоевропейских языков, предложенная Джимбутас, является главной опорой этого мифа.

рить, — но копья начали ломаться почти сразу и продолжают трещать до сих пор с самым ожесточенным хрустом. Хорошо хоть копья, а не позвонки.

В чем же состояла причина столь странной ожесточенности? Все дело в том, что в данном случае к чисто научному вопросу примешалась идеология, а идеология, как известно, это род страсти, причем того вида страсти, на которой замешаны многие кровавые преступления. Чисто академический вопрос о происхождении индоевропейских языков стал полем боя, который дала современной западной культуре идеология феминизма. Бой этот идет вокруг толкования предыстории всей европейской (а может быть, и мировой) культуры. Феминизм сформировал миф о так называемой матриархальной предыстории человечества, и теория происхождения индоевропейских языков, предложенная Джимбутас, является главной опорой этого мифа.

Любопытно, что само понятие матриархата как одного из этапов развития человечества первыми сформировали мужчины: Иоганн Банхофер в книге «Das Mutterrecht» («Материнское право», 1861), а за ним Герберт Спенсер, Льюис Генри Морган и дру-

гие. Приложил сюда руку и Энгельс со своим «Происхождением семьи, частной собственности и государства» (Энгельс был куда более пылким сторонником этой идеи, чем более трезвый Маркс).

Одной из составляющих мифа было (основанное на многих археологических находках) утверждение, что в древности люди поклонялись Великой Богине, жрицами которой были исключительно женщины, и никаких мужских богов у них не было вообще (наиболее полно это утверждение было развернуто в книге Мэрилин Стоун «Когда Бог был женщиной», 1976).

Это утверждение, как и весь матриархальный миф в целом, было энергично развернуто против современной («патриархальной», «мужской») культуры Запада со всеми ее «неудовлетворенностями», о которых когда-то писал Фрейд. Культура матриархата, говорил сложившийся в 1970-е годы феминистский миф, была временем гармоничного и мирного единства людей с природой. О роли мужчин в репродукции тогда никто не знал, мужчины были довольны своим второстепенным положением в обществе, насилие и принуждение, конфликты и войны были тогда неизвестны; короче, то была радостная утопия, но, увы, ее единство и гармония были навсегда утрачены в результате «патриархальной революции» (точнее, «контрреволюции»).

Великая заслуга Мэри Джимбутас перед феминизмом (к которому она постепенно примкнула и который ее восторженно принял) состояла в том, что она впервые объяснила, как произошла эта контрреволюция. На основании своих находок, сделанных при раскопках курганных захоронений на Днепре и на Дону, Джимбутас выдвинула предположение, что эти места были родиной воинственных кочевых племен, которые примерно 6,5 — 6 тысяч лет назад вторглись в Европу и Азию, разрушили матриархат и повсюду установили жестокие патриархальные порядки.

Ну и, разумеется, принесли с собой и навязали всем свой язык. Как вы уже наверняка догадались: протоиндоевропейский.

Феминистки почему-то не задаются напрашивающимся вопросом: как случилось, что везде вокруг торжествовал матриархат, а у «курганных всадников» почему-то возник патриархат? Зато они усиленно мусолят другой вопрос: кто помог этим ужасным патриархальным «курганцам» завоевать весь мир («весь мир» для них очевидным этноцентрическим образом сводится к Европе и Ближнему Востоку)? Ведь не могли же эти варвары сами победить великую матриархальную культуру! И хотя история Рима и Византии могла бы чему-то их научить, феминистки урокам истории не внемлют и настойчиво ищут «пособников курганного империализма». Ну, а кто их ищет, тот их всегда найдет, благо давно уже известно, кто во всем виноват (см. высказывание Леца). Пособниками «курганцев», по мнению феминистских историков, были семиты и прежде всего евреи. Как объясняет Элизабет Вэвис, «то были те самые бескультурные и полудивилизованные люди, которые сначала разрушили цивилизацию Древнего Востока, уничтожив ее города-государства, а затем свергли с трона Великую Богиню, посадив вместо нее мужского бога Ягве». Подобно «курганцам», утверждают феминистские историки, евреи несли в себе все пороки, порожденные кочевым образом жизни и тяжелым климатом. Но, в отличие от «курганцев», они проявляли особую жестокость в уничтожении религии Великой Богини. Убежденность в том, что «семитские захватчики» помогли сокрушить матриархальную культуру, и сегодня является важной составной частью феминистского «матриархального мифа». (Забавно, как это перекликается с утверждениями покойного Льва Гумилева о врожденной «антисистемной» природе евреев. У него они тоже повсюду помогают разрушителям этносов!)

Однако чем дальше, тем больше исследователи убеждались в том, что схема «матриархат — патриархат» слишком упрощена и не объясняет многих явлений, следы которых дошли до нас из глубокой древности. И они (в том числе едва ли не первым Анатолий Хазанов) предложили более сложную систему, где сплетались два начала — общественная роль и родство. В этой схеме патриархат имеет место на всех этапах развития. Но на первом этапе наряду с ним была так называемая матрилинейность, то есть счет родства по матери, поскольку отцы часто бывали неизвестны, а к матери ребенок был привязан все детство. Позже, на следующем этапе, когда сформировались определенные социальные отношения и парный брак с четкой фиксацией отцовства, «матрилинейность» была сменена «патрилинейностью» — счетом родства по отцу. И тогда «патрилинейность» была поглощена более широким понятием «патриархата».

Вернемся, однако, к судьбам индоевропейских языков. Как мы уже сказали, Ренфрю выдвигает много более «спокойную» теорию их происхождения. В его схеме ПИЕ поначалу был языком мирных анатолийцев, которые первыми создали основы оседлой сельскохозяйственной культуры, и лишь постепенно, в ходе проникновения этой культуры в Древнюю Грецию, Юго-Восточную Европу и Месопотамию, ПИЕ распространился и в этих ареалах. Исходной точкой этого распространения Ренфрю считает район Чаталгюка в Юго-Восточной Турции (Анатолии), где его раскопки обнаружили многочисленные остатки высокоразвитой оседлой культуры, зародившейся уже около десяти тысяч лет назад. Как лингвистические, так и археологические данные последних лет не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть эту теорию. Впрочем, то же следует сказать и о теории Джимбутас. Показано, например, что слова, означающие «шерсть» и «колесо», появляются в индоевропейских языках не ранее шести тысяч лет назад, и это значит, что

их не могли принести с собой анатолийцы (проникшие в Грецию, если верить Ренфрю, уже 8 тысяч лет назад). С другой стороны, более поздние раскопки в Дереевке на Днепре (которую Джимбутас считала центром «курганной» культуры) не дали однозначных доказательств того, что жившие там 6 тысяч лет назад люди уже сумели приручить лошадь. А без лошади как вторгнешься в Европу?!

Спорящие стороны возлагали большие надежды на генетиков, но и генетические исследования не помогли решить затянувшийся спор. Поначалу, правда, исследования Луиджи Кавалли-Сфорца как будто показали, что примерно 8 тысяч лет назад из Анатолии на запад действительно мигрировали большие группы населения, но в последние годы другие генетики доказали, что гены нынешних европейцев в значительной мере восходят к коренному населению этого материка. В результате сам Ренфрю сегодня признает, что было бы преждевременно искать прямую корреляцию между генетическими свидетельствами о миграции населения и распространением индоевропейских языков.

Тем не менее такие попытки не прекращаются, и в минувшем году две из них привлекли особенно большое внимание специалистов. Сначала американский генетик Форстер и швейцарский лингвист Тот предприняли попытку применить методы математической генетики для решения вопроса о зарождении кельтских языков. По теории Джимбутас, эти языки, зародившиеся на западной окраине Европы, в тысячах километров от Днепра и Дона, могли ответить от ПИЕ лишь самыми последними, то есть как минимум через пару тысяч лет после «вторжения курганцев». Но результаты Форстера и Тота дают куда более давнюю дату — 5200 лет назад.

Второе особенно нашумевшее исследование опубликовали в самом конце минувшего года новозеландские биологи-эволюционисты Аткинсон и Грей.

В своей работе они пользовались методами лексикостатистики, или глоттохронологии, разработанными в середине прошлого века лингвистом Свadeshом. Свадеш выбрал по 100 — 200 слов, отражающих важнейшие концепции любого языка, полагая, что это «языковое ядро» особенно упорно сопротивляется языковым изменениям. Затем он сравнивал, сколько таких слов различается в двух исследуемых языках. Чем больше процент таких различий, тем раньше, по Свадешу, разошлись эти два языка. Метод Свадеша напоминает рассуждения, лежащие в основе генетического анализа двух биологических видов: генетики тоже сравнивают одни и те же гены в обоих видах и считают, что чем больше в них накопилось различных мутаций, тем давнее эти виды разошлись. Приняв определенную скорость таких изменений, можно даже попытаться найти абсолютную разницу в возрасте различных языков.

Грей и Аткинсон дополнили рассуждения Свадеша компьютерным анализом слов «языкового ядра» различных индоевропейских языков и пришли к выводу, что самые ранние из них — вымершие среднеазиатские тохарские и анатолийские хетские — появились примерно 8700 лет тому назад. Для гипотезы Джимбутас это, разумеется, слишком рано, для теории Ренфрю — почти в самый раз. Но вы бы глубоко ошиблись, полагая, что это кладет конец спору. Скептики тотчас заявили, что эти результаты отражают всего лишь «глубокую ошибочность» методов глоттохронологии. В самом деле, говорят скептики, какие есть основания думать, будто слова в языке меняются с постоянной во времени скоростью, и какие есть основания думать, что «языковые ядра» Свадеша правильно отражают эволюцию языка в целом, и какие есть основания пренебрегать возможностью различных перекрестных влияний языков друг на друга?

На все эти разумные вопросы лингвисты не могут пока дать столь же разумных, однозначных и убедительных

ответов, и потому проблема происхождения индоевропейских языков, равно как и других языковых семейств, и языка в целом, по-прежнему остается нерешенной. Острой, важной, увлекательной, но — нерешенной.

Р. С. Нелишне было бы заметить, что в свое время наш журнал рассказывал о гипотезе происхождения индоевропейских языков, разработанных двумя выдающимися лингвистами, — Вячеславом Ивановым и Тамазом Гамкрелидзе. Многолетние исследования привели их к выводу, что индоевропейские языки возникли на территории к югу от Каспийского моря. А дальше их носители двинулись на север и по берегам Каспийского моря вышли в причерноморские степи, откуда распространились по всей Европе. Вместе с тем отдельные группы ушли на восток, в Среднюю Азию и даже еще дальше, и там сохранялись несколько тысячелетий. Другие группы через Анатолию проникли на Балканы и внесли свой вклад в завоевание Европы индоевропейскими языками. Третьи группы остались на месте и осваивали обширные пространства между Анатолией и Индостаном, а часть их — под названием ариев — еще позже вторглась на территорию Индостана. Именно от них до нас дошел санскрит — очень древняя ветвь индоевропейских языков.

Рассказывал журнал и о находках археологов, которые подтвердили происхождение в глубокой древности каких-то индоевропейских групп вдоль Каспия.

Кроме того, известны соображения ряда исследователей, доказывающих, что колесо и часть лошадиной сбруи впервые появляются именно в причерноморских степях. Так что без них ни в одной гипотезе как будто бы не обойтись.

Таким образом, районы к югу от Каспия, Анатолия и причерноморские степи тесно связаны в цепь, хоть и не единую (во времени), но объединенную глубокими внутренними зависимостями.

Искусство памяти: личная версия

Эдгар Энде. «Беспокойный сон». 1958 г.

*Мы из всего делаем себе прошлое.
Из частного разговора*

Из истории неочевидного

Исследователям, в сущности, совсем недавно пришло в голову, что самого себя человек помнит принципиально иначе, чем все остальное. На бытовом уровне это могли предполагать и знать сколько угодно, но факт есть факт: автобиографическую память «открыли» только в 1976 году. Во всяком случае, именно тогда американский психолог Джон Робинсон предложил для памяти этого рода особый термин, и, соответственно, начались исследования.

Правда, психологи до сих пор не пришли к согласию даже относительно того, а существует ли такой вид памяти вообще, как особый тип органи-

зации смыслов? И это при том, что европейский человек собой озабочен едва ли не от начала своей культурной истории, а автобиографические повествования разных жанров — весьма популярный предмет чтения, изучения и рассуждений.

Автобиографическая память отличается от всех известных типов автобиографических текстов — от мемуаров и дневников до анкеты, заполняемой при приеме на службу, хотя бы уже тем простым, зато решающим обстоятельством, что она — не текст. Она слишком неочевидна. Она — условие возможности всех мыслимых текстов «про себя» и по большому счету основа очень многих, коли не всех, действий человека

— скрыта не только от прямого наблюдения, но, по существу, даже и от самого своего «владельца». Человеку обыкновенно и в голову не приходит, что помнит он не столько то, что было, сколько то, что он ПОМНИТ. Она, основа нашей внутренней стабильности, на самом деле изменчива, как, может быть, ничто другое: ее содержания меняются буквально всякий раз, как воспроизводятся, но не замечается, как правило, и это. Автобиографическая память — это в буквальном смысле слова та самая действительность, в которой все было (и более того, остается) не так, как на «самом деле».

Покуда психологи спорят, существует ли предмет исследования, изучение его все-таки идет. У нас этим занимается, по существу, один человек — московский психолог, кандидат психологических наук Вероника Нуркова. Вместе со своими студентами и аспирантами на факультете психологии МГУ и в тесном общении практически со всеми существующими в мире специалистами по предмету Вероника исследует структуру и механизмы автобиографической памяти и разрабатывает «автобиографический» метод в психотерапии, основанный на работе с памятью, на переосмыслении человеком прожитой жизни.

Точность неточного

— Конечно, и философы, и вслед за ними психологи занимаются памятью уже не первое столетие, — говорит Вероника. — Но дело-то в том, что речь все это время шла совсем о другой памяти! Память о собственной жизни — совершенно особая система знаний. Она даже организована принципиально иначе, чем память о мире, так называемая семантическая. Ну, если совсем просто, семантическая память строится по схеме «мир и я». Поэтому что требуется от воспоминаний? Точность, логика, связность, объективность... Здесь память как бы отвечает на вопрос: «Как это устроено на самом деле?» А

в автобиографической — прямо наоборот. Схема здесь вот такая: «Я (с большой буквы) и мир». Значит, главный вопрос, который надо выяснить: «Как мир относится ко МНЕ?» И тут вступают в действие совсем другие закономерности и принципы...

«ЗС»: — *И что, на содержаниях памяти это тоже сказывается?*

В. Н.: — Еще как! И на содержаниях, и на том, как они переживаются. Прежде всего, конечно, это воспоминания очень пристрастные, но иначе и быть не может. И более того, они ко всему прочему кажутся человеку еще и чрезвычайно достоверными. Ну как же, в самом деле, могло этого не быть, как же могло быть иначе, ведь я же ПОМНЮ! Тут-то и начинается парадокс: точность у таких «достоверных» воспоминаний на удивление низкая. Еще в 1935 году, когда ни о какой автобиографической памяти как особом предмете изучения и речи не заходило, американцы провели исследование: 252 женщины должны были рассказать о своей беременности, рождении ребенка и особенностях его раннего развития. Казалось бы, события важные — дальше некуда, и помнить такие вещи они должны были во всех подробностях. Ничуть не бывало. Когда рассказы этих матерей сравнили с медицинскими картами, где все было записано, оказалось: воспоминания крайне недостоверны. Матери занижали или завышали вес собственных детей почти на 20 процентов, не могли точно сказать, сколько времени тратили каждый день на уход за ними, здесь ошибка вообще доходила до 41 процента.

«ЗС»: — *Ну, неспроста, наверное?*

В. Н.: — Именно. Они вспоминали разное и по-разному в зависимости от того, как в момент воспоминания чувствовали себя они сами и их дети. Или вот вам другой пример: шведский психолог Кристиансон просил 36 испытуемых вспомнить убийство Улофа

Пальме — в свое время оно потрясло всю Швецию. Вспоминали они об этом трижды с интервалом в год. Сравнили записи, и что же оказалось? Факты вспоминались более-менее те же самые, но вот детали ситуации и переживания каждый раз получались разными. И менялись они, что характерно, не от политической переоценки события, а опять-таки в зависимости от состояния испытываемого и особенностей его жизни.

нует, как этот мир влияет на его единственную, неповторимую жизнь! Понятно поэтому: как он эту жизнь чувствует сегодня, так он ее и вспоминает. У всех этих «неточностей», на самом деле, есть своя точность и свои задачи.

«ЗС»: — И какие же?

В. Н.: — Множество и внутренних, и внешних. Ну, во-первых, ко-

Человеку обыкновенно и в голову не приходит, что помнит он не столько то, что было, сколько то, что он помнит.

«ЗС»: — Это что же получается: чем более событие важно, тем более искаженным оно потом вспоминается?! Раз воспоминание работает на личные смыслы вспоминающего, оно, выходит, от этих смыслов попросту зависит?

В. Н.: — Автобиографическая память, конечно, эгоцентрична, но вот искаженной ее, на самом деле, я бы не назвала. Скорее напротив — это память в своем роде единственно верная! Человеку ведь по большому счету не то прежде всего важно, как мир «объективно» устроен. Его вол-

Эдгар Энде.
«Под орлом», 1953

нечно, это поддержание связей с другими. Через память человек себя вписывает в общее прошлое семьи, народа и так далее: «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались», и все такое прочее. С другой стороны, с ее помощью он и понимает, и создает самого себя: собственную уникальность, преемственность разных своих образов и состояний... Меняются задачи — разное извлекаем из памяти.

Каждый охотник желает знать

«ЗС»: — Значит, люди с разным душевным устройством тоже помнят себя по-разному?

В. Н.: — Мы выделили в отношении людей к своему прошлому два типа: «беглецов», или «страусов», и «охотников» — кстати, в каждом человеке есть оба в разных пропорциях. «Страусы» используют прошлое как убежище. Они окунаются в него, как в эмоциональный ресурс: «Все было так прекрасно, и я был таким молодым, и деревья были такие зеленые, и колбаса была 2 рубля, и девушки были прекрасны»... Конечно, это, с одной стороны, нормально: это человеку просто жить помогает. Но, с другой стороны, чтобы действительно видеть свое прошлое таким бесконфликтным, нужно на него смотреть через розовые очки, а на самом деле, лучше его вообще не вспоминать: решить один раз, что оно прекрасно, и больше к нему не возвращаться, потому что, если вернуться всерьез, что-то непременно разрушится.

«Охотники», наоборот, относятся к своему прошлому очень аналитично, а к самим себе при этом даже беспощадно. Им непременно нужно точно знать, «как» и «почему» это было «на самом деле». Поэтому они все время переживают заново старые травмы, беды, утраты — они позволяют им возвращаться. Для этого нужна известная смелость. Кроме того, такой тип памяти, безусловно, связан с когнитивной сложностью внутренней жизни, с рациональным, жестким мышлением. В «страусы» часто попадают невротики. Однако «охотников», которые «желают знать», я бы тоже не идеализировала. На почве их вездливого отношения к собственному прошлому могут возникать неврозы, замкнутость на каких-то единичных событиях, которые постоянно «циркулируют» в сознании и не отпускают человека. В конце концов, это тоже несвобода.

«ЗС»: — Разлад отношений с про-

шлым — верный признак душевного неблагополучия, да?

В. Н.: — Ну, разумеется, если человек не ладит со своим личным прошлым, это мешает его нормальному осуществлению. Но и наоборот: когда мы переживаем кризис, связи с прошлым тоже расстраиваются практически всегда. Один из самых распространенных симптомов посттравматического стрессового расстройства, знаете, какой? Прошлое становится как бы недоступным. Травму человек помнит, то, что после, тоже помнит прекрасно, но все, что было до травмы, уходит.

Мы с моей аспиранткой Ксенией Василевской проводили исследование в тюрьме на людях, которые попали туда неожиданно и оказались, таким образом, в психологически совершенно невозможной для себя ситуации. Что с ними происходит в ситуации такого стресса? Ведь у них еще и идентичность при этом подвергается испытанию на прочность...

Оказалось: они теряли связь с собственным детством. Не могли его вспомнить. В среднем человек начинает себя вспоминать лет с четырех-пяти. А у этих людей средний возраст первого воспоминания в жизни — 13-14 лет! То же, что было раньше, — ну, не то чтобы они вообще не могли этого вспомнить. Если им специально говорили: «А ты помнишь, как тебе было три года?», вспоминали, конечно. То есть это не ретроградная амнезия так называемая, когда человек в буквальном смысле теряет память, если его по голове стукнуть чем-нибудь. Нет, факты-то они могли вспомнить, но им казалось, что это им не нужно. Они функционально не могли пользоваться этим ресурсом.

Вот мы и предположили: а не легче ли будет совладать с кризисом, если сделать прошлое доступным? Человек должен быть способен, вернувшись в свое прошлое, «забрать» там силы, которых ему сейчас недостает, смыслы, стратегии поведения, опыт себя, отличный от сегодняшнего, травматичного. Так, для больного важно пом-

нить себя здоровым, для одноногого — помнить себя с двумя ногами, в ситуации неуспеха — помнить ситуацию прошлого успеха. Словом, знать, что ты к этой ситуации беды и поражения не сводишься, что в тебе есть еще много другого. Уметь взять это другое и жить им.

Если говорить о вещах, связанных с идентичностью, это вообще критически важно: для того же человека, внезапно попавшего в тюрьму, как

чтобы оно могло исполнять как можно больше функций.

«ЗС»: — Но как это сделать, если у «внутреннего дома» человека есть, насколько я себе представляю, довольно устойчивая и, более того, традиционная структура? Все-таки, что пережито — то пережито, как ни перетолковывай, разве нет?

В. Н.: — Как ни удивительно, лю-

Автобиографическая память — это в буквальном смысле слова та самая действительность, в которой все было (и более того, остается) не так, как на «самом деле».

важно не превратиться в ээка! А возможно это только одним образом: если он помнит, каким он был до заключения. Когда мы это публиковали, у нас там был даже словарь сленга: как они говорили до психотерапевтических сессий и как начинали говорить после, уже опять нормальными словами называя те же самые вещи.

**Бывшее как несбывшееся:
ресурс себя**

«ЗС»: — Получается, что автобиографическая память у человека, по крайней мере у европейского, остается, по существу, очень мало востребованной как ресурс: «грамотность» в этом отношении еще не выработана как следует. Что бы вы могли назвать основами такой «грамотности»?

В. Н.: — Ну, из сказанного уже кое-что, кажется, ясно. Во-первых, прошлое должно быть как минимум доступно. Не надо от него загораживать; в этом смысле у «охотников» есть, чему поучиться. Во-вторых, оно должно быть увидено как разнообразное, полное множества разных возможностей. Поэтому «гармоничные» отношения с прошлым — это умение извлекать из него конструктивные темы и смыслы. Так его использовать,

ди не так уж хорошо умеют и жить, и работать со своим прошлым. Скорее, напротив. Мне вообще кажется, что в принципе, за исключением разве тех, кто пишет мемуары, вообще как-то специально этим занимается (поэтому у них и структура памяти многоуровневая, сложно организованная), у большинства людей эта самая структура вообще, можно сказать, не складывается, ну нет ее попросту. В самом фундаменте — отдельные эпизоды жизни, их очень много, и из них в принципе все, что угодно, можно сделать именно потому, что они разные и способны уложиться в любые комбинации. А вот то, что дальше, способно выглядеть очень по-разному.

Все это может, как пирамида к своей вершине, сходиться к некоему Самому Главному Событию Жизни. Так очень часто, кстати, бывает, и ничего хорошего в этом, на самом деле, нет: единственный образ, к которому человек все время возвращается, возвращается, возвращается, и вокруг него вращается все остальное; все, что произошло позже, — только из-за этого, а все, что до, — только к этому и шло.

Моя терапевтическая практика направлена на то, чтобы смягчать такую иерархию за счет выделения различных жизненных тем и поиска вер-

Эдгар Энде.
«Золотой дождь», 1947 г.

шинных событий в каждой из них. В таком случае у человека появляется свобода как-то двигаться. Видеть, что, допустим, если там не получилось, зато здесь получилось... И вообще очень важно умение давать событиям расходящиеся оценки. Это, кстати, характерно для «охотников», о которых я говорила, а кроме того, для творческих личностей. То есть человек способен видеть: с одной стороны, да, я пережил горе, но с другой, я могу из него почерпнуть и что-то полезное для себя — для самосовершенствования, для личностного роста...

Значит, свойства оптимальной памяти — ну, если совсем коротко — самые важные, первая тройка: доступность, разнообразие и гибкость в оценках. А терапия и может, и должна эти свойства увеличивать.

Пластика судьбы

«ЗС»: — Но ведь на отношения человека к своему прошлому всегда «давят»

какие-то «сценарии» — типичные, в каждой культуре свои, правда? Предписывают, чего и в каком порядке нужно достигать, как это все надо оценивать, что из случившегося важно, а что нет, какой вообще «должна» быть жизнь, чтобы считаться хорошей, правильной, достойной... И такие сценарии организуют все пережитое человеком, делая из этого «судьбу». И что тут можно человеку посоветовать? Учиться быть свободным от заданных сценариев?

В. Н.: — Ну, что касается культурных аспектов вопроса, здесь я, боюсь, вас не сильно порадуя. По крайней мере, пока — для меня это парадоксально — все межкультурные исследования автобиографической памяти никаких существенных различий не выявляют.

А их было не так уж мало. Сейчас такую серию исследований ведет американский профессор Дэвид Рубин на американцах, на европейцах, в частности, на датчанах; мы только что сделали на наших. Естественно, «культурные сценарии» различаются,

но в европейских культурах все-таки не очень. А вот английский профессор Мартин Конвей исследовал автобиографическую память представителей совершенно несхожих культур в семи странах — США, Испании, Великобритании, в том числе в азиатских — Пакистане, Китае, Японии, Бангладеш. Его интересовала проблема «распределения» воспоминаний по временной оси жизни. Удивительно, но и он не обнаружил существенных различий! Практически везде был интересный эффект: о разных возрастах своей жизни человек вспоминает разное количество событий. Не то, что из каждого года, допустим, по пять или по десять событий, а есть некое типичное распределение с «пиком» на возрасте примерно от 16 до 28 лет. На эти годы приходится просто непропорционально большая часть вспоминаемых событий во всех культурах. А предположения-то были другие: думали, что европейцы с американцами ценят молодость, а в Китае, например, или в Японии, наоборот, — старость, мудрость... Нет, почему-то.

Мы сейчас проводили исследование, скоро оно будет опубликовано в «Психологическом журнале». Оказалось: воспоминания как бы стягиваются к тому, что человек чувствует точками перелома жизни. Такие «сгустки» событий и смыслов получаются. Если взять много-много людей и все это сложить, выйдет вот какое статистическое распределение: у большинства «главные» события происходят именно в молодости. То есть у отдельных людей они могут случаться в любом возрасте, но если мы выведем некую «среднюю температуру по больнице», получится именно так.

А вот если спросить человека, какие, по его мнению, типичные события происходят в жизни «обычно» (тот самый «культурный сценарий»), и сравнить с тем, что он говорит в ответ на вопрос: «Если бы была идеальная жизнь, как бы ты вообще хотел ее прожить?», получается совсем другая конфигурация. Происходит большой сдвиг — даже у молодых людей, даже у

студентов! — в возраст 35 — 45 лет. Именно в этой зоне при попытке построить «идеальную» биографию размещаются такие события, как самореализация, путешествия, еще что-то, что в типичной жизни культурным сценарием еще недавно, во всяком случае, не предписывалось.

И вот если вернуться к оптимальной автобиографической памяти: интересно делать ее более насыщенной своего рода преемственностью, чтобы в разных возрастах мы находили события, к которым мы могли бы и хотели бы обращаться. Ведь люди очень часто считают, что событий у них как будто нет: последние 10 — 20 лет «ничего» не было. Ну просто забавно бывает, когда еще неопытные студенты начинают работать с методикой «Линия жизни», в которой человек рисует линию в виде стрелы и располагает на ней события. Когда собирают бланки, я спрашиваю: «А сколько, допустим, этому испытуемому лет?» Студент смотрит и отвечает: «Двадцать пять» (последнее событие в конце стрелочки). Я говорю: «Переверни листок, человеку-то уже пятьдесят!» Просто ему кажется, что конец наступил уже давно и за все эти годы у него не было в жизни ничего значительного. Значит, работайте с этим человеком! Надо, чтобы он эту четверть века сам для себя смог превратить в жизнь: из пустыни — в плодородное поле. И это вполне можно сделать, не конфликтуя ни с одним из традиционных для данной культуры «сценариев» жизни, а стараясь переоценить то, что с нами уже произошло. Тем более что всякая культура предлагает все-таки известное разнообразие и «сценариев», и ценностей, а значительное событие — это то, в чем увидели и почувствовали значительность мы сами.

Беседовала Ольга Балла

Красные тарелки кратера Аристарха

Тысячелетиями люди придумывали мифы о Луне, воображали ее живым существом. Со временем на смену мифам пришла проза жизни. Когда в июле 1969 года американские астронавты Нил Армстронг и Эдвин Олдрин ступили на поверхность Луны, они увидели перед собой мертвую пустыню. Лишь пыль простиралась кругом, да вмятинами зияли кратеры. Луна была каменным шаром, припорошенным пылью и брошенным в небо. Однако некое подобие жизни странно мелькало в ней. Похожие явления подмечали еще исстари.

Так, 18 июня 1178 года пятеро англичан из Кентербери заметили, что лунный серп, «яко же огонь», воссиял и заискрился: «И зачали раскутаться искры». Монах Гервазий зарисовал увиденное, и потому память об этом зрелище донесена нам сквозь века.

Что это было? Падение огромного метеорита? Возможно, тогда образовался кратер «Джордано Бруно»? Но эта догадка оказалась неверна. Новые расчеты не подтверждали ее. Кроме того, при такой крупной катастрофе на Землю неделями сыпался бы метеорный дождь. Однако хроники того времени не сообщают об этом, хотя к подобным явлениям они внимательны. Так что же привиделось? Быть может, оптический обман? Ведь зрители были дилетантами, далекими от знания небесных миров. Оставалось лишь гадать.

Знаменитый английский астроном Уильям Гершель был вовсе не дилетантом. В апреле 1787 года, наведя телескоп на темную часть лунного диска, он заметил красные пятнышки в одном из кратеров. Их россыпь напоминала извержение вулкана. Три года

спустя Гершель разглядел на Луне более полутора сотен красных искорок.

В 1822 году два английских астронома-любителя вновь заметили в кратере Аристарха — именно с ним были связаны все загадочные явления — некие светящиеся пятнышки. Странные узоры продолжали красить лик Луны и впредь. То по ней пробегали клубы розовой и фиолетовой дымки, то вспыхивали молнии или загорались снопы искр. Эти феномены наблюдались лишь изредка. Вокруг них не возникало истерии, как вокруг НЛО. Уж не потому ли, что эти явления впрямь наблюдались на Луне, а не были выдуманы их зрителями?

В пору «холодной войны» появились и «своевременные» догадки. Если Советская армия обустроивала военные базы в странах народной демократии, а американцы возводили свои базы вдоль границ СССР, то кто-то ведь должен был строить военные базы на Луне. Там давно поселились инопланетяне / марсиане / владельцы летающих тарелок (нужное подчеркнуть). Они готовятся к нападению на СССР / США / КНР / КНДР / страны — члены ООН (лишнее стереть с лица Земли, то бишь подчеркнуть). Неужели нет научного объяснения виденному, или прикажете верить в этот абсурд?

В 1960 году свои доводы предложили советские астрономы Константин Станюкович и Виталий Бронштейн. По их мнению, при падении метеоритов на Луну их удары так мощны, что часть лунного вещества, измельченного в пыль, выбрасывается в небо. Эта пыль, как показывают опыты, несколько светлее твердой породы. Она выделяется на ее фоне. Унесенная взрывом порода — вот что такое вспышки и блики, видимые иногда на Луне.

Эта гипотеза подтвердилась. Еще при появлении астронавтов на Луне был зафиксирован выброс радиоактивного газа (радона) в окрестности все того же кратера Аристарха. Как выяснилось, падая на Луну, метеориты прибивают ее поверхность. Оттуда вырывается поток газов, обволакивая место падения, а еще столб пыли, перемешанной с камнями. Все это крошево пе-

ретируется, дробится, сечется. От бесчисленных ударов возникает триблюминесценция: трение рождает свет. Эти «лунные искры» можно увидеть даже в темной комнате: стоит лишь усердно потереть один кусок сахара о другой.

Иногда метеориты бывают не при чем. Под собственной тяжестью оползает стенка кратера. Над ней опять веет облако пыли; вспыхивает свет. Чаще всего эти явления наблюдаются в кратере Аристарха — там, где Луна ближе всего к земному шару, а значит, сила его притяжения максимальна. Мощная гравитация Земли сминает лунную породу; стены кратера вновь и вновь осыпаются; его впадина растет.

Все следы ведут в Сукре

Кто-то находит кости древних ящеров или даже их скелеты, кто-то лишь мимолетную тень исполина — следы, оставленные им. Особенно много таких следов отыскивалось в Боливии, близ города Сукре. Открыли их случайно. Группа школьных друзей устроила пикник возле живописной, отливавшей зеленью горы, изрытой причудливыми воронками, будто ее таранили самолеты. «Да это же следы динозавров!» — пригляделся кто-то из приятелей.

Динозавры, жившие здесь, оставили более 4500 отпечатков лап — нигде в мире они не наследили так, как в боливийской глуши; точнее, нигде не сохранилось столько следов, как здесь — на горе Каль-Орко и в ее окрестностях. Гора представляет собой почти отвесную стену длиной около 1200 метров и высотой 80 метров. В переводе с испанского ее название означает «известняковая гора».

Только на самой горе нашлось 3128 отдельных следов, оставленных 294 животными. Чаще всего в этой летописи, написанной лапами, говорится о хищных ящерах — тераподах: их побывала здесь 131 особь. На нерукотворных анналах истории нередко оставляли свою метку и зауроподы: их здесь замечено 106 экземпляров — от титанозавров, оставлявших пробоины — не следы! — длиной 70 сантимет-

ров, до мельтешивших у них под ногами мелких хищников (длина следа — 15 сантиметров); здесь выводили лапами записочки о себе также орнитоподы (15–30 сантиметров) и анкилозавры (35 сантиметров).

Особый интерес вызвали следы одиннадцати анкилозавров. Раньше их не встречали в Южной Америке, да и мнение о них сложилось расхожее: это неуклюжие увальни, напоминавшие броненосцев. Следы говорят об обратном. «Судя по ним, анкилозавры были стройными, изящно сложенными и довольно высоконогими, — говорит швейцарский палеонтолог Кристиан Майер, директор Музея естественной истории в Базеле. — Для своих 8 тонн они двигались довольно быстро — со скоростью 11 км/ч».

Такой точный расчет стал возможен благодаря формуле британского ученого Александра: скорость динозавра вычисляют по высоте его бедра и удвоенной длине шага. То проносясь бегом, со скоростью 30 километров в час, то едва волоча ноги и еле одолевая три километра в час, все эти ящеры пришли в Боливию, видимо, с двух сторон. Они могли прибыть сюда из Северной Америки в позднем юрском или раннем меловом периоде — впоследствии перешеек, связавший две Америки, исчез на какое-то время. А, может быть, они пришли сюда в меловом периоде прямо из Африки — такое тоже было тогда возможно, считает Майер.

Семьдесят миллионов лет назад, когда жили динозавры, разгуливавшие по Каль-Орко, на всем протяжении от Северной Аргентины до Перу стали вздыматься складки новых гор — Анд. В районе Сукре тогда лежало несколько озер. К ним и приходили ящеры, прохаживаясь по побережью, «как отпускники по пляжам Мальорки» (Майер). Этих «отпускников» влекла добыча: растительоядные динозавры поедали листву и траву; хищников манили рыбы и черепахи.

Около шестидесяти миллионов лет назад Анды достигли своей нынешней высоты. Именно тогда в районе Каль-Орко дно мелководного озера, покоря-

ясь мощи земного разлома, вздыбилось, став отвесной скалой. Теперь казалось, что древние ящеры умели взбегать вверх по скале.

Следы динозавров могут говорить о многом. Изучая скелеты вымерших животных, мы можем судить лишь об их анатомии или функциональной морфологии — об их образе жизни окаменелые кости ничего не говорят. Глядя на бедренную кость какого-нибудь *Jodaria Tiguidensis*, мы затруднимся сказать, в каких условиях он жил, как вел себя, с какой скоростью передвигался. Зато следы, оставленные животным, могут подчас выдать его с головой («Знание — сила», 2000, № 12). Кроме того, найти их легче, чем целый скелет. «За свою жизнь ученый может отыскать, допустим, всего один скелет, — так очерчивает опыт коллег Кристиан Майер, — зато успевает перевидать тысячи следов».

По следам динозавров можно даже изучать древнюю географию. «Когда я отыскал их следы в Центральной Швейцарии, коллеги смотрели на меня, как на ненормального, — вспоминает Майер. — Считалось, что вся страна лежала тогда под водой. Объяснений могло быть два: либо в ту пору здесь все же была суша, либо у динозавров были ноги длиной полтора-два метра. Что вероятнее? Значит, география Швейцарии была иной».

...Следы динозавров на отвесной скале поначалу тоже вызывали оторопь. Почему древние ящеры бегали по скалам, как мухи по потолку? Если не истолковывать находку, как геологический факт, то повадки местных динозавров покажутся необъяснимыми. К счастью, это странное зрелище не смутило первооткрывателей. Они засняли скалу на видеопленку и через знакомых отправили в Швейцарию, где та попала в руки Кристиана Майера. Сколько еще таких находок может скрываться от взоров ученых? А сколько безвозвратно погибло? Та же гора Каль-Орко лишь по случайности не была скрыта: ее порода содержала слишком много кварца и потому не годилась в качестве сырья для расположенного рядом цементного завода.

«Белый воротничок» ищет товарища

Мы все плачем: почему у нас, «как у людей», нет настоящего среднего класса — фермеров, мелких и средних предпринимателей, ремесленников? Вот там, в Америке... А в Америке, утверждает скандально известный социолог Миллс, его тоже нет. Давно, с пятидесятых годов идет перерождение среднего класса — теперь оно, пожалуй, завершилось...

Высокий, тучный, темпераментный Миллс, трижды женатый, имевший трех детей от разных браков, построивший своими руками собственный дом, был фантастически работоспособен. Этот ученый гонял по всей Америке на мотоцикле BMW и беспрестанно всюду вступал в беседы и дискуссии, публиковал каждый год кучу статей и через год — книгу. Миллс вспыхнул и сгорел бунтарской звездой в плотных слоях самодовольной невозмутимости американского интеллектуализма — он прославился, среди прочего, тем, что бросил вызов американским элитам в спорах о кубинской революции, однако накануне своего участия в национальных теледебатах о Кубе скоропостижно скончался в возрасте 45 лет от разрыва сердца.

Enfant terrible социальной мысли Америки середины XX века, лидер левых интеллектуалов Запада, он пытался создать новое идейное и социальное движение из оригинальной смеси наследия Макса Вебера и Розы Люксембург. Он противостоял ортодоксии как западного либерализма, так и восточного коммунизма, и мо-

жет по праву считаться одним из предтеч университетских революций 1968 года.

В России Миллс успел получить достаточную известность еще при жизни. Советские идеологи постарались оперативно использовать критическую точку зрения американского социолога на западное общество, переведя и опубликовав при жизни автора книгу «Властвующая элита». Миллса дважды приглашали в СССР, но советский образ жизни его не впечатлил, а критических замечаний о коммунистической России Миллс оставил не меньше, чем о капиталистической Америке. Поэтому после смерти Миллса о нем в СССР упоминали не часто, изредка переводя и перепечатывая краткие фрагменты его работ.

Смена героев

Миллс, сам — выходец из среднего класса, вложил в написанную по академическим канонам монографию «Белый воротничок» глубоко личный смысл, тогда почти никем не замеченный. Это о трагедии перехода от старых средних классов к новым.

Вся ранняя история Америки — это хроника восхождения малого предпринимателя, который, упорно работая день и ночь, обороняя свою жизнь от индейцев, британцев, бандитов, создал единый процветающий мир ферм и городов. Этот мир был проникнут идеологией либерального капитализма: от центральной власти требовалось минимальное вмешательство в бизнес, но максимальные меры в охране частной собственности.

Его главный герой — разносторонний экономический тип: купец, ростовщик, мореплаватель, фермер, соиздатель недвижимости и, конечно, ремесленник. Даже рабочий в тогдашней Америке старался не остаться навсегда наемником, но открыть со временем свое дело: магазин, ферму, мастерскую.

Решительная победа крупной собственности оставила в прошлом миф о золотом веке единой нации малых предпринимателей среднего класса. Но традиционный лозунг той поры — «собственность, свобода и безопасность» — вошел в плоть и кровь американской ментальности среднего класса, как и оптимистическая идея, что для абсолютного индивидуалиста все и всегда можно начать сначала в саморегулирующемся обществе себе подобных.

В новом веке главные герои американской социальной жизни XIX века начинают неуклонно отходить на второй план. Независимые ферме-

ры и малые предприниматели растворяются между возникающим «над ними» слоем «капитанов» крупного капиталистического производства и сложившимся «под ними» индустриальным рабочим классом. Если в 1820 году американская нация на три четверти состояла из сельских трудящихся (и в основном из фермеров), то в 1880-м она состояла из селян только на половину, а в 1949-м — лишь на одну восьмую. Уменьшалась и роль мелкого предпринимателя. Разоренный фермер и мелкие торговцы или уходили в слои наемной рабочей силы, или пополняли собой слои «люмпен-буржуазии» с временным неустойчивым доходом в традиционных отраслях экономики. Так старые независимые предприниматели оказались обитателями исчезающих малых островов в гигантски разрастающемся архипелаге большого бизнеса.

Общий вывод Миллса о положении старых средних классов в Америке оказался однозначно категоричен: «Прочной взаимосвязи между предпринимательством и собственностью — этой колыбели классической демократии — в Америке больше не существует. Теперь это не страна малых предпринимателей. Над мелкими предпринимателями — большие деньги, под ними — чужаки, наемные работники, перед ними — удел политически зависимых аутсайдеров, за ними — их мир».

К середине XX века в Америке об-

разовался новый средний класс, численность которого на четверть превзошла долю старого.

Он состоит в основном из менеджеров, высококлассных специалистов, продавцов и офисных работников. Это «белые воротнички» — слой людей, связанных с крупным индустриальным производством. Новые средние классы имеют иерархическую структуру.

Главный двигатель их развития — менеджмент. Он встроен в бюрократические процессы, мобилен сверху донизу. Сила менеджеров на протяжении XX века неуклонно возрастает. Процессы управления становятся все более рациональными и обезличенными, в духе сюжетов Кафки. Сам капиталистический дух бюрократизируется, а предприятие превращается в фетиш. Ультимативный тип власти в нем стремится всеми манипулировать.

Как старым, так и новым профессиям становится необходим навык бюрократической деятельности, в том числе врачам, юристам, ученым, бизнесменам. Даже представители свободных профессий втягиваются в мир бюрократического контекста, идеологического спроса и роста формального техницизма.

Великий аукцион спроса и предложения рыночной экономики формирует различные типы новой торговой профессии «белых воротничков». Торговля централизуется с четкой иерархией от администраторов до продавщиц. Так же, как супермаркеты, разрастаются офисы, где беловоротничковые девушки занимают низовые позиции в иерархии, контролируемой почти исключительно маскулинным верхом.

Стиль жизни нового среднего класса совсем иной, чем класса старого. Протестантское значение работы и идеал мастерства отступают; заданы стандартные рамки принятия решений и мораль жизнерадостных роботов. Конечный смысл работы — удовольствие после работы, омраченные панической озабоченностью престижем. Ничто так не отражает статус «белого воротничка», как место жи-

тельства: маленький городок или мегаполис, район мегаполиса и т. д.

Статусная паника заставляет все время осмыслять критерии успеха. Решающий — престижное образование. Гигантский образовательный элеватор становится еще одной характерной чертой нового мира среднего класса.

«Белые воротнички» в подавляющем большинстве политически безразличны; однако именно им присущ повышенный интерес к массмедиа, особенно к пропаганде стабильности социальной структуры, основанной на ценностях нового среднего класса.

Однажды со свойственной ему самоиронией Миллс пояснил свой пессимизм словами некой дамы, высказанными на одной из академических вечеринок: «Я знаю, Миллс, я читала ваш «Белый воротничок»... Это история одного парня из Техаса, который прибыл в Нью-Йорк». Выдержав паузу, Миллс громогласно захохотал: «Она по-настоящему поняла меня! Мой Бог, как она была права!»

Совершив стремительное академическое восхождение — из провинциального техасского колледжа во всемирно известный Колумбийский университет штата Нью-Йорк, — Миллс был назидательным положительным примером рутинного мира средних классов. Но он грезил об иной социальной организации.

Незадолго до смерти Миллс вел переговоры с Фиделем Кастро о создании на Кубе университетского центра принципиально нового типа: в нем обществоведы и гуманитарии из разных стран мира объединятся в исследовании альтернатив всемирного социального развития. К сожалению, со смертью автора проекта идея необычного университета на Кубе заглохла сама собой.

В поисках Товарища

В самый разгар холодной войны Миллс создает своеобразную книгу-письмо воображаемому русскому другу: «Товарищ, я постоянно слышу, что мы с тобой враги. Хорошо, я готов вступить в контакт с врагом, мы же с

тобой можем заключить наш собственный сепаратный мир. Ведь скоро появятся зоны свободы в СССР. Я хочу, чтобы эти письма дождались тогда тебя, Товарищ».

Письма к Товарищу, создававшиеся во время нескончаемых путешествий Миллса по миру (Сараево, Инсбрук, Рио-де-Жанейро, Москва, Нью-Йорк), — довольно сложный научно-литературный жанр, соединяющий биографически-исповедальный тон, философско-социологическую рефлексию о судьбах мирового сообщества и искреннюю попытку продуктивного диалога с российско-советской культурой. Автор писал, конечно, не только для безымянного советского Товарища, но прежде всего для самопознания, а также для американских и западных интеллектуалов.

Миллс размышляет об особенностях собственной судьбы преимущественно в юности: «Я... сын беловоротничкового отца, зацелованный мамин сыночек...» Он очень сожалеет, что в его окружении в провинциальном Техасе двадцатых годов практически отсутствовали какие-нибудь признаки высокой культуры. С удивлением отмечает, что его первое знакомство с образцами мировой культуры оказалось случайно связано с Россией: «Я учился второй год в колледже, когда впервые услышал классическую музыку, это была Патетическая симфония Чайковского, в то же время я увидел первую в моей жизни театральную пьесу, это был «Вишневый сад» Чехова».

Миллс пишет: «Я был интеллектуально, политически, морально одинок» и подчеркивает, что его взросление всегда было как бы обращено в прошлое: «В 30-е я был юно-молодым. Иногда я думаю, что в течение 30-х я жил в 20-е, а в ранние 40-е я жил в 30-е...» Возможно, поэтому Миллс стал историческим социологом. В любом социальном явлении, которое он исследовал, ученому удавалось чутко чувствовать существование предшествующего исторического этапа. Автобиографические размышления Миллса обрываются на 1940-х годах, времени, когда он становится самостоя-

тельно мыслящим социальным исследователем радикального толка: «В сороковые я стал «вобби» — оппозиционером против бюрократии».

Американца с советским человеком объединяет прежде всего вот что: «Мы с тобой оба отличны от европейцев... (Миллс, действительно, начиная с 1950-х годов, посетил много стран Европы и создал обширную галерею набросков различных социальных типов европейцев: итальянского рабочего, французского полицейского, датского профессора...) Он приводит мнение югославского крестьянина о строительстве социализма: «Они хотят построить социализм, это, похоже, хорошая вещь, но почему же за такое важное строительство они нам так мало платят?» Вновь и вновь Миллс замечает себе и Товарищу: «Наша вина — нам надо общаться с европейцами».

Большие надежды на появление обновленного и эффективного левого движения Миллс связывал прежде всего с Европой. После венгерских событий 1956 года из западноевропейских коммунистических партий в знак протеста вышло много интеллектуалов. В попытке создать новое левое движение они стремились объединиться с радикальными представителями лейбористских и социал-демократических партий, тогда же в знак протеста покинувших свои организации после кризиса вокруг Суэцкого канала. Эпицентром новых левых была Англия (движение и журнал «New Left»); именно там у Миллса было подавляющее число друзей-единомышленников. В Америке левые движения почти полностью контролировала ортодоксальная коммунистическая партия, лояльная СССР. Миллс, апеллируя к Товарищу, искал гуманного левого радикала в советской России.

Миллс призывает уйти из-под власти и влияния нынешних верхов как в Америке, так и в СССР: «Нам следует быть осведомленными в действительных параметрах реальности».

Сама несправедливость судьбы, по Миллсу, есть проблема личной человеческой биографии, прорастающей в обезличенных косных структурах об-

щества, которое неведомо куда и к чему движется. Он напоминает слова своего учителя Мида: «Мы не знаем, где мы находимся, но мы знаем, что мы в пути».

Повседневную жизнь американского интеллектуала Миллс иллюстрирует примерами собственной жизни. Это точные яркие зарисовки из жизни американского домохозяйства, университета, дороги, общения.

Миллс постоянно задавался вопросом: «Какой ты, Товарищ?», заметно, что постижение воображаемого друга дается ему с громадным трудом. «Я прочел 3-4 дюжины книг специалистов по России, я продолжаю чтение этих книг, но я так и не понял, что ты за человек. Я содрогаюсь от мысли, что ты тоже читаешь книжки русских специалистов по Америке и в них нет того же».

Тут Миллс почти по-толстовски призывает к непосредственному опрошающему общению: «Давай забудем специалистов и экспертов... Давай говорить друг с другом наивно...»

В 1960 году — уже прошло три года, как создаются письма к Товарищу, — Миллс совершил первое путешествие по Советскому Союзу. Но и на родине Товарища Миллс его самого не обнаружил. Это было, пожалуй, самой главной загадкой для него, и он не преминул попенять на это воображаемому русскому другу: «Как видишь, я в твоей стране, и я разочарован: я до сих пор оказался не способным найти тебя, а если мы уже и встречались, то я не опознал тебя. Не знаю... В Москве, Ленинграде, Ташкенте, Тбилиси я беседовал с десятками твоих коллег, постоянно пытаюсь найти тебя, часто беседуя с ними о тебе, впрочем, никто из них ничего об этом не знает. У меня уже накопилось интервью с ними на 300 страниц. И что мне теперь со всем этим делать?..» Впоследствии Миллс использовал часть этих интервью для вышедшей уже после его смерти антологии «Марксисты», но ведь в СССР Миллс искал не только марксистов, а прежде всего Товарища. Мы можем наверняка предположить, что автоматически, как любой иностранец в тогдашней

России, окруженный лишь идеологически выверенными и преданными политическому режиму друзьями. Миллс Товарища найти не мог. Ни к чему не приводили его попытки поговорить с окружающими его русскими наивно. Например, без ответа остался тост Миллса, произнесенный им на торжественной встрече в Институте философии Академии наук: «За полную реабилитацию товарища Троцкого как знак обретения политической свободы в СССР».

После обескураживающего посещения Советской России Миллс почти на год отложил сочинение писем Товарищу. Он посетил СССР второй раз в 1961 году, после этого вновь попробовал приступить к продолжению товарищеских писем, но разрыв сердца навсегда прервал его работу.

Социологическое наследие Миллса послужило одним из мощных интеллектуальных источников развития леворадикального движения в Америке 1960 — 1970-х годов. Но наследие Миллса отнюдь не является лишь историей. Мы убеждаемся, что его удивительная способность на основе собственного биографического опыта продуктивно объединять в исследованиях методы эмпирического анализа, освоенные им в сотрудничестве с Полом Лазарсфельдом и Робертом Мертоном, классическую социологическую теорию прежде всего веберианского, но также и марксистского толка, увлекательный стиль изложения, почерпнутый из специальных журналистских и литературных штудий, есть вдохновляющий пример для творческой работы обществоведов разных поколений.

Одна из глав его методологического труда «Социологическое воображение» называется «О пользе истории», где Миллс постулирует: «Вся социология достойна называться исторической социологией».

Относительно самого автора этого высказывания в заключение остается лишь добавить: «А социология Чарлза Райта Миллса достойна называться автобиографической социологией».

САМЫЙ ДЛИННЫЙ туннель в мире — японский туннель Сэйкан, который проходит под проливом Цугару и соединяет японские острова Хоккайдо и Хонсю. Длина туннеля составляет 53,85 километра, что и делает его самым длинным туннелем в мире. На участке под проливом, длина которого 23,3 километра, есть

японский аквариум на острове Окинава. Он занесен в Книгу рекордов Гиннесса. Ничего удивительного: в аквариуме, содержащем более 7500 тонн воды, после реконструкции установили самую большую в мире прозрачную акриловую панель. Через нее посетители наблюдают за представителями фауны Мирового океана. Смот-

жение у зайлона примерно в десять раз больше, чем у стали. Зайлоновая нить толщиной всего лишь в один миллиметр может выдержать предмет весом 450 килограммов. Зайлон обладает отличной жаростойкостью, выдерживая температуру до 650 градусов, а его ударопрочность даже выше, чем у стали или промышленного алмаза.

Зайлон применяют в защитной одежде для пожарников, теплозащитных костюмах и пуленепробиваемых жилетах. Используют его также как жаростойкий промышленный материал, в производстве волоконно-оптических кабелей, как упрочняющий материал для космического наблюдательного зонда.

две станции. Бывший работник железнодорожной компании каждое утро отправляется на работу экскурсоводом, работая на глубине 147 метров под уровнем моря.

Он дает информацию о структуре туннеля и приемах выемки грунта. Например, объясняет, что на такой глубине туннель испытывает давление 100 килограммов на площадь размером с монету в 10 иен, около 4 квадратных сантиметров.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ в Азии и один из самых крупных в мире аквариумов — знаменитый

ровое окно имеет двадцать два с половиной метра в длину, а в высоту достигает восьми метров. Панель толщиной 60 сантиметров способна удерживать мощное давление воды. Преображенный аквариум стал новым домом для четырех гигантских скатов и трех китовых акул. Именно они — главная достопримечательность окинавского океанариума.

САМАЯ ПРОЧНАЯ в мире нить — зайлон. Его получают, примешивая полимер при принудительном пропускании через прядильную машину. Из-за своей химической структуры полимер парафениленбензобисоксазол с трудом поддается обработке. Однако японскому крупному производителю химволокна удалось получить это «суперволокно». Прочность на растя-

САМЫЕ ХОДОВЫЕ почтовые марки придумали японцы. Теперь все желающие смогут за несколько минут получить почтовые марки со своим собственным изображением. Это стало возможным после того, как японские инженеры усовершенствовали обыкновенную видеокамеру. Руководство почтового ведомства позволило официально использовать такие марки как традиционные, наклеивающиеся

на конверт. Идея оказалась выгодной и для создателей видеокамер, и для почтовой службы, которая в последнее время не выдерживает конкуренции с электронной почтой.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ кебаб из курицы приготовили в Лимасоле в закусочной «Сами Эйда» 20 поваров. Высота этого

произведения кулинарного искусства из полу-

тора тысяч цыплят — 2 метра, а ширина — 1 метр. Каждый желающий мог попробовать гигантский кебаб за 3 доллара. Все вырученные деньги были направлены на благотворительные нужды.

САМОЕ ДРЕВНЕЕ украшение из стекла — бусы, возраст которых насчитывает 5500 лет. Эта находка археолога Ф. Пирри хранится в одном из лондонских музеев.

САМЫЕ ЭКОНОМНЫЕ стиральные машины изобрели в Японии. Вместо стирального порошка они используют электричество и ультразвук. Стирка напоминает процесс электролиза — под действием тока грязь извлекается из белья, потом измельчает-

ся ультразвуком и вымывается. Появление новинки вызвало в Токио огромный интерес.

САМЫЙ НЕОБЫЧНЫЙ турнир прошел в шведском городе Кальмаре. Участники соревнований искали иголку в стоге сена. Оказалось, что выполнить эту задачу не так уж и сложно: победитель потратил на поиски иголки всего 20 минут.

«Тигровый глаз» болеть не даст!

ГЕЛЬ ДЛЯ ТЕЛА

ТИГРОВЫЙ ГЛАЗ

ДЛЯ СУСТАВОВ

целобная сила природы

Артрит, артроз,
радикулит, остеохондроз
и отложение солей
больше Вам не страшны
с новыми препаратами
серии
"ТИГРОВЫЙ ГЛАЗ"

"ТИГРОВЫЙ ГЛАЗ" избавит Вас от недуга быстро и надежно:

- устраняет застойные явления в тканях
- нормализует кровообращение
- активизирует обменные процессы
- устраняет отеки и воспаление
- восстанавливает подвижность суставов

КРЕМ ДЛЯ ТЕЛА

ТИГРОВЫЙ ГЛАЗ

ДЛЯ СУСТАВОВ

с сабельником и вешенкой

целобная сила природы

Спрашивайте по телефону в Москве: 105-51-40

«Э-С» Октябрь 2004

Русско-американское

воплощение денди

Нынче в моде повседневность: ткань истории состоит из мелочей и деталей, и будущее делается из забот, надежд, представлений обычных людей. Обычных не потому, что они просты и понятны всем, а потому, что это люди без высоких чинов от них зависит в основном их собственная жизнь, а не судьбы миллионов. На этом — низовом — уровне, где живут обычные странноватые русские и обычные совсем странные американцы, происходит подлинная встреча культур. Происходит примерно так...

1. Русский манеро-стилизация ма

упражнение 28.

2. Ей присуща пе

3. Ей присуща пе

4. Ей присуща пе

5. Ей присуща пе

6. Ей присуща пе

7. Ей присуща пе

8. Ей присуща пе

9. Ей присуща пе

10. Ей присуща пе

11. Ей присуща пе

Есть такое понятие — денди. Так случилось, что после английской выставки «Денди XXI века» ударило мне в голову и ушибло. Известно, в русской голове это понятие пересекается со строкой Пушкина: «Как денди лондонский одет...»

Конечно, денди — лишь страница в истории моды. Но какая! Задавшая тон моде навечно. Ведь стиль денди — не только особенные манжеты или шейный платок узлом, это и поза, и томность, и нарочитая ирония, и демонстрация своей драгоценной персоны. Подвиг незамеченности — не про денди.

Интересно, а что пишет об этом «История моды»? Была у меня такая где-то на полке, между «Историей нравов» и «Образами Италии». Но это казалось, что она там. «История нравов» стояла на месте, «Образы» тоже, а вот «История моды»... Не было ее ни на других полках, ни в других шкафах. Сквозь землю она провалиться не могла, оставалось подумать о посетителях того проходного двора, в который еще недавно превратилась квартира. А превратилась благодаря доброй американке Кэтрин.

Надо знать Кэтрин, чтобы так говорить. От американки в ней был лишь акцент. Остальное же... Например, вечные кеды, джинсы, а также явная склонность к депрессии, а еще невозможность жить без компьютера и ежедневного душа — все это уже вошло в мировой обиход, если не сделалось нормой. Но что важно: она принадлежала к породе вечных студентов, когда-то нашему национальному типу. Она училась в Московском университете, уже имея диплом Калифорнийского, собиралась в Российский гуманитарный тоже на какое-то ускоренное отделение, по возвращении в Америку метила в Йель, а завершить образование желала в Гарварде, не чураясь при этом политологии в Беркли, социологии в Принстоне, культурологии в Стэнфорде, историографии в Хьюстоне. К университетам она относилась, как Дон-Жуан к женщинам: ей хотелось перебывать во всех.

Первое, что она сделала, когда появилась вслед за чемоданом, который катил шофер, — подарила мне коллекционную куклу в клетчатой шотландской юбке, в высокой бархатной шапке с пером и поставила в известность, что предки ее родом из Шотландии и, где бы она ни была, она поддерживает все шотландское. По той же причине для нее неприкосновенны пауки, в Шотландии культ этих животных. Позднее выяснилось, что она симпатизирует не только паукам, но и всему живому, она не ела мяса и не носила ничего из натуральной кожи и натурального меха, даже туфли.

Вообще-то выглядела Кэтрин типичной южанкой: карие глаза, смуглая кожа, было в ней даже что-то от арапчонка, какой-то неуловимый подтекст во всем облике, особенно в кудрявых черных волосах.

Лос-Анджелес, где Кэтрин жила и откуда прилетела, не вызывал у нее прилива восторга, хотя там она родилась, там остался ее друг Макс; наконец, близ этого города был развеян прах ее матери, которая умерла молодой. Об отце она сказала: он сволочь, не то что отчим — музыкант и прекрасный человек, но и он тоже умер.

Такое предисловие как-то не вдохновляло. Жалость — хорошее чувство, но не с него хотелось бы начинать. «Под каждой крышей свои мыши» — сказала я. Мгновенно откуда-то были извлечены карандаш и тетрадь: «Как-как???» Я повторила.

Как в компьютере мышь снует по экрану в поисках нужной строки, так в нашем разговоре... Эта самая мышь обнаружила неожиданное. Оказывается, Кэтрин любила Стейнбека, его повесть «О людях и мышах». Странно, но я тоже любила эту повесть. Таких же героев, которые никому не нужны. Джон Стейнбек, человек из Калифорнии, сначала изгнанник, потом желанный, обласканный и увенчанный, нас и побратал.

На радостях я притащила кучу журналов «Америка» — стойкий дефицит прежних времен, мне перепал от случая к случаю — и открыла первый попавшийся. Черт бы меня

побрал с моим интересом к Америке! Со страницы глазела неприлично расплодившаяся семейка президента Буша-старшего, сплоченная, дружная, сытая и в силу этого слегка туповатая на морды.

— Когда я смотрю на эту фотографию, — сказала Кэтрин, — мне хочется плакать.

И ушла в свою комнату.

На что она жила, где брала деньги, какое-то время оставалось загадкой. Для бедной она слишком много тратила на книги, театры, телефонные переговоры, интернет-клубы, кафе. Для богатой не позволяла себе излишеств вроде казино, ресторанов, драгоценностей. Университет она посещала четыре раза в неделю и скорее записалась бы еще на какие-нибудь курсы, чем пропустила бы хоть одно занятие.

Как-то она пришла домой и швырнула пальто чуть ли не на пол. Из него полетели деньги. А всякие там монеты в рублях ли, копейках она за деньги вообще не считала. Они валялись по всей квартире, так что, будучи совсем на бобах, можно было в любом углу, под диваном или шкафом наскрести на приличный завтрак, обед или ужин. На сей раз она засеяла монетами кухню.

— Хорошо было бы их подобрать, — сказала я. — Пригодятся...

— Знаете, — сказала она, глядя в окно, — зачем нужен ветер?

Я молчала.

— Ветер нужен, — продолжала она мечтательно, — чтобы я бросала на него деньги.

Столь эффектные фразы обычно производят впечатление. Мне тоже было как-то приятно такое услышать. Одно дело читать у Достоевского, как Настасья Филипповна кидает деньги в камин, и совсем другое — видеть российские замашки в американке.

К слову сказать, на ту пору иллюзии относительно американской щед-

рости давно рассеялись, американцы слыли прижимистыми, если не скрягами. И фраза, с которой Россия начала новую жизнь: «Америка нам поможет», была продолжена: «Как веревка повешенному». Откуда взялась эта фраза и с какой стати Америка должна помогать, не известно, но факт остается фактом: тема американской помощи плавно перешла в тему русского иждивенчества. В ход пошло слово «совок», в него вцепились, как некогда в собачью фамилию Шариков, этот булгаковский символ спеси и непонятного самомнения нашей интеллигенции, забыв, что шариковы — мы все.

— А направление ветра имеет значение? — продолжила я тему денег. — Сейчас он дует с запада.

— Мне все равно. Я сама разберусь.

— А кто спорит? Просто где запад, там деньги, а где деньги... В общем, имейте в виду: сорить деньгами у нас рискованно. В лучшем случае скажут, что мы плохо воспитаны.

— Не трогайте мою маму, — предупредила Кэтрин.

— А при чем здесь мама? Вы уже сами можете воспитывать себя.

Она возвела глаза к небу:

— Мама, прости ее.

И, подхватив пальто, замела им пол и разметала монеты.

Скоро жизнь стала напоминать сценку из какой-нибудь пьесы Мольера, когда к герою один за другим следуют учителя. Кэтрин наняла учителя игры на балалайке, учителя дикции и учителя старославянского. С таким же успехом она могла нанять и преподавателя ветеринарии. По крайней мере, был бы прок нашему коту Крузи: от кошачьих «сникерсов» он стал чем-то покрываться под шерстью. Вся эта орава наставников исправно мучила своими предметами, Кэтрин усердно занималась, аккуратно выкладывала денежки, потом приходила

на кухню, где теплее, и начинала мучить меня (а это она умела): «Шестнадцать шли мышей и шесть нашли грошей...» По-моему, мышей и грошей было куда больше, если учесть, что поговорку она талдычила за вечер не считано. На сей раз загнанная мышь не стала ее путеводным животным. Напротив, разлучила с учителями.

В один прекрасный день Кэтрин обнаружила, что денег в обрез. Где-то там, в Америке, «мани-мани» имелись, но друг и доверенное лицо Макс, который следил, чтобы деньги Кэтрин не переводились на банковском счете, замешкался, кого-то где-то не подстегнул, и счет оскудел. В чем дело? Кэтрин запрашивала, Макс отвечал, что у него депрессия и что он хочет покончить с собой. На тот момент, прямо скажем, замысел не слишком удачный. Но Кэтрин, видно, привыкла к таким поворотам и положила на время. А с учителями настроилась на уроки в кредит. Как бы не так! Учителя заартачились. Занятия пришлось отложить. Но вот Макс пришел в норму, и деньги явились, а Кэтрин не торопилась продолжить занятия. Она уклонялась от телефонных

звонков с такой же настойчивостью, с какой учителя напоминали о себе. Чувствовалось, люди кусают себе локти, но что толку?! Кэтрин обиделась, а в предприятиях подобного рода обида — аргумент столь же веский, как и чужая жадность.

Так место учителей в сердце Кэтрин занял Крузи — черный, элегант-

ный и стройный котик на тонких, высоких ножках. Нежнейшее существо, которому не шло постоянно чесаться. Кэтрин взялась за его здоровье с той же дотошностью, с какой предавалась учителям. С котиком она приносила из клиники кучу лекарств и завела специальный журнал процедур. Бедный Крузи чумел от внимания и при виде Кэтрин сбегал как ошпаренный. Он забивался куда-нибудь под диван, извлечь его без помощи было сложно. И Кэтрин повадилась звать меня. Ее голос только и слышался. За вечер раз сто. В конце концов взмолилась и я: хватит!

— Из-за вашего котика я не намерена сидеть за решеткой! — последовал ответ.

Я вытаращила глаза.

— Если хозяин не в состоянии обеспечить животному полноценную жизнь, в Америке полагается штраф или тюрьма. Два года!

— А что полагается, если не можешь обеспечить нормальную жизнь хозяйке?

— У Хемингуэя было шестьдесят кошек, и он не жаловался.

— По-вашему, это единственная разница между мной и Хемингуэем?

— Если бы это было как вы говорите, то я не истратила бы на Крузи мно-о-о-го, о... очень много денег.

Надо было склонить голову, но я полезла в бутылку:

— А кто вас просил?! Тоже мне, благодетельница... Пускай общество защиты животных и ставит вам памятник.

— Вы не смейтесь, потому что в первой клинике предложили его усыпить.

Такие фразы бьют в цель. Они не для тех, кто души не чает в своих питомцах, кто помнит завет Поэта: «Взгляд зверя значит больше груды прочитанных книг».

— Это что? В России так принято — усыпить? — не отставала Кэтрин. — Лучшее средство от перхоти — гильотина, да?

И рассказала, как в центре Москвы, напротив дома Цветаевой, в клинике с приятным названием «Идеал»

и т.д., и т.п. ... Словом, она подыскала настоящего доброго доктора, но он стоит дороже.

Я не просто расстроилась, я готова была усыпить самого доктора Смерть, но это обошлось бы еще дороже. Короче, шестьдесят хемингуэевских кошек призывали сделать хоть одно доброе дело, желательно с последствием для врача. И мы его сделали (а врача сдали без боя).

Вечером позвонил профессор Мак-Дэниэл, автор книги «Агония русской идеи», он же — директор американской студенческой группы, шеф Кэтрин, чтобы узнать, все ли «о'кэй», и проговорился, что Кэтрин имеет привилегии, так как служила в армии. То-то я видела у нее вещевые мешки защитного цвета... Значит, и привилегии ее такого же цвета, да еще шелестят...

— Юджин О'Нил, — объявила Кэтрин однажды, — сказал: «Тот, кто верит в невозможное, ближе всех к подножию радуги». Вы верили в невозможное. Вы были у радуги.

Надо же, а я не заметила. Вот темнота! Правда, имя писателя знала. Еще бы! Нобелевский лауреат, драматург великой депрессии. И видела его пьесы. И знала, что он, между прочим, отец последней жены Чаплина Уны... Но я никогда не думала, что нобелевские лауреаты такие дети: им мало нагородить пышных слов, они желают все напечатать. И в этом качестве участвовать во всеобщем психозе.

— Вы понимаете, — продолжала Кэтрин, — у меня ностальгия по Советскому Союзу! По невозможному! Я — совок. Зовите меня Екатерина Ивановна Пушкина.

Вот что значит переборщить с отрицанием. Начинается жизнь фантомов. Американцам преподносили только одну Россию — террора, жертв, коммуналок и диссидентов в соответствии с фразой «У русских непредсказуемое прошлое».

— Но у нас уже есть один советский человек. Это я. Второй — многовато для совместного проживания. Итак, Екатерина — понятно, почему, Ивановна — потому что ваш отец

Джон, а Пушкина?.. Из уважения к русской литературе?

— Нет! Потому что моя фамилия Ган, а «ган» значит «пушка»!

Так мир подобий дал знать о себе. По принципу бреда. Взял и спутал все карты, да еще задел что-то в душе. Уронил до разменной монеты, которую каждый может поднять и перевернуть как угодно.

— Не обижайтесь, — сказала я, — но «ган» значит «балда». Довольно и того, что дом у нас сталинский.

— Конечно, должны обижаться вы, — рассудила она позднее. — У меня тоже есть любимый поэт, и мне было бы неприятно, если бы его игнорировали.

Но здравый смысл — штука, которая не любит являться все время. Тем более когда один человек — дотошный, а другой — взрывной, один в своем праве, как при допросе, а другой сыт «интересом» по горло. Кэтрин опять привязалась — с вопросом о коммуналах. То есть лучшей темы для пытки не отыскала. Дело даже не в теме, а в предопределенности содержания. Вроде: надо ли наступать на грабли? Ясно — не надо, и спрашивать нечего. Но бывает, что отвязаться труднее, чем объяснить.

Разговор строился так: я пробовала растолковать, она пробовала понять. Я опять объясняла, она на глазах тупела. Я пробовала сохранять спокойствие, она... Конечно, я взъерепенилась.

— Да чего тут неясного? Ежу понятно! Мы же с вами как в коммуналке. Так и раньше жили.

В ее невозможном лице наконец что-то протаяло, какое-то понимание. До центра Земли дошло бы скорее. Она изрекла:

— Так они вам платили?

— Кто?

— Соседи.

Было ясно: предмет безнадежен. Он вне всякого смысла и даже всякого бреда. Но меня уже одолела нечистая сила:

— Мало, что доставали меня котиком Крузи, мучили каждый день, мешали работать, теперь взяли «ком-

муналкой»! Вы — садистка, а никакая не Пушкина, вам все равно, чем изводить. Вы ничего не понимаете в нашей жизни. И дурацкая ностальгия по Советскому Союзу тут ни при чем!

Если бы можно было вернуть эти слова! Но когда один человек въедливый, а другой ошалелый... Если бы сделать их приложением к коммуналке!.. Социалистическая активность из них так и била. Но я уже выдохлась, и все покатилося своим чередом. Во-первых, Кэтрин съехала от меня. Во-вторых, у нее началась депрессия. В-третьих, она пригласила в Москву своего друга Макса, в-четвертых, у нее завелась русская подружка Маруся, в-пятых, спустя два месяца она запросилась обратно. И вместо одной пытливой американки я получила небольшой коллектив: Макса, Марусю и Кэтрин.

Две женщины и один мужчина — это огнеопасно, даже если мужчина напоминает тюфяк. Это выцарапывание глаз, таскание друг друга за волосы, склянки с кислотой, выплеснутые в лицо соперницы. Но скромная русская девушка Маруся из далекого города Пермь нашла путь надежнее. Даже не тот житейский, объединяющий сердце мужчины с желудком. В один прекрасный день я обнаружила, что квартира превратилась в прачечную. Маруся стирала!.. Для Макса. Носки, джинсы, футболки... Если ничего подходящего не имелось, она хватала носовые платки. Если с платками было в порядке, бралась за утюг, чтобы погладить. Кэтрин презрительно усмехалась. Не много же против любовного арсенала в виде бесконечного пара, воды и огня! И продолжала занятия: утром в университете, под вечер в читальном зале. Реферат по истории, реферат по литературе, то есть к одной разлучнице добавила двух посильнее.

В другой прекрасный день (а я появлялась, как красное солнышко, из Подмосковья, сада и лета) обнаружилось, что в коллектив влилась Марусина мамочка — Люба. Мамочка всегда подразумевалась на рынке при пачках конфеток, печенья и чая. Она торговала с утра до вечера. Какая нелегкая

сдернула ее с места и кинула на мою голову? Видно, та же, что подняла из Перми от пьяницы мужа и повела искать счастья в Москве. Как женщина работающая, мамочка и у меня не сидела без дела. Она вязала. А котик Крузи гонял перед ней клубок. Потом, упрямая вязание, взялась окучивать меня тортом и полной кастрюлей супа.

Такое гостеприимство... обязывало. И что-то предполагало в ответ. Определенно не выяснение отношений. Оно щекотало нервы, будило, если угодно, тон, на худой конец — солидарность, уж очень торт был хорош, не кондитерское изделие, а полное обездвижение! По рукам и ногам. Уйти можно было только в депрессию. Настал мой черед. Но нет, эта дама, как роскошь, меня обходила. Я плюнула и сказала:

— Да за эти художества Америка должна платить мне ренту пожизненно. А она даже не знает, скольких ненаписанных страниц стоили мне ее граждане. И это называется мировая держава! В двух шагах от посольства вы буквально открыли в моей квартире новый, пятьдесят первый штат, но кому это известно? Да и посольство само... Захватило треть Конюшковской, а на этом месте, чтоб вы знали, наша школа стояла — № 97, которую я окончила, черт бы вас всех побрал!

И уехала, откуда приехала, к себе в сад, под Москву.

Кажется, я сама не поняла, от чего сбежала. Но, распилив пару бревен, наколов кучу дров, обработав несколько яблонь, наконец догадалась. Многолюдие ни при чем. Разве им на Руси удивишь? Как в иностранных энциклопедиях говорится о водке: смертельная доза — литр, но не для русских. Да это просто смешно! Для бывшего советского человека квадратный метр практически безразмерен. Вот тортик — это серьезнее. Нет, тортина, тортище, всеильные башенки с кремом, оставленные шоколадными бомбами. Кажется, их звали «мадлен». Перед ними нельзя устоять. Они метили в мою талию, а за нее тоже надо бороться, как Маруся — за Макса, а мамочка Люба — за место под солнцем.

Настал и третий прекрасный день, когда покладистую Марусю Макс увез за собой в Америку, к большой растерянности мамочки Любы. По старой памяти она приходила к Кэтрин. но спрашивала почему-то меня:

— Вы не знаете, Макс с дефектом?

— Дальше кота мои интересы по этой части не простираются. А вообще-то я знаю, что ему сорок лет и что он бухгалтер.

Любу мучили угрызения совести. Даже утешить хотелось.

— Да не было у Макса с Кэтрин любви! Она выдала его за Марусю, чтоб действовал на нервы не ей, а Марусе. Понимаете? Специально.

Я действительно спрашивала Кэтрин. не жалеет ли она о приятеле. Какой-никакой, но давний, опять же доверенное лицо, а теперь — отрезанный ломоть. «Наоборот, — говорила она, — я очень рада»...

Это уже третий человек в моей жизни, который радуется счастьем других. Первый — поляк Моравец — твердил: «Доброта — это гениальность» (восемнадцать лет лагерей в два захода). Второй — ростовский интеллигент Рамзесов с присказкой: «Бескорыстие анонимно» (текущая крыша квартиры, рояль напрокат, кусок хлеба на завтрак). Теперь — Кэтрин, русский вариант хеппи-энда, когда счастье конвертируется в страну проживания. Еще пара-тройка людей — и все родное воскреснет.

Но Люба наахивала свое:

— Ах! Нехорошо получилось...

Так было положено основание для пирамиды из вязаных шапочек, шарфиков, носков, варежек, безрукавок... Так рукоделием мамочка Любочка взялась замаливать Маруси-разлучницы грех.

С этим неумным рукоделием, похоже, и связано исчезновение «Истории моды». Скорее всего, Любаша тихо взяла книгу на время — попользоваться и вернуть. Кто знал, что меня вдруг зацепит понятие «денди» и я поведу его искать?

Я опять все перерыла, но нашла лишь стопку тетрадей. На верхней обложке надпись: «Отношения и ценно-

сти. Мысли Кэтрин Ган о России». Ах, даже так... Надо полагать, тот самый реферат, которым она занималась последнее время. Интересно, за что в нашем уважаемом университете получают «отлично»? А Кэтрин окончила его похвальной студенткой.

«Отношением русского народа к жизни правят климат и размер страны, — начала я читать и дочитала до следующего: — В России любят собираться вместе и сидеть за полночь, и рассуждать о великом. Даже в парламенте дебаты продолжаются не просто годы, но целые столетия. Они все спорят, должны ли принять культуру Западной Европы, тогда как она давно у них под носом. Но русские так заняты своей жизнью, что ничего не видят и ничего не слышат. А если слышат, то тайный смысл слов от них уходит. Когда я сказала своей хозяйке, что моя фамилия Ган в переводе значит «Пушкина», она решила, что это абсурд. Она даже обиделась, как будто Пушкин — их монополия, и нечего лезть. Если подходить к этой фамилии со стороны отца поэта Пушкина, то это абсурд. Если подходить со стороны фамилии его матери Ганнибал, то никакого абсурда нет, а есть два слова вместе: «ганнибал» означает «ядро пушки», можно «ружейная пуля».

Их великий царь Петр был, как видно, мистическим человеком, он как будто предвидел, что через несколько поколений родится такой же великий человек, как он, и, предчувствуя его судьбу, заложил в фамилию Ганнибал свое видение. Это он дал ее арапу, которого ему привезли из сераля. И крестил его как Петра Ганнибала. Но арап не хотел быть Петром и сделался Абрамом Ганнибалом. Ганнибал сопровождал царя во всех походах. Потом долгое время жил в Париже, вступил во французскую службу. Там же имел много детей от двух жен и любовниц. Остальное можно додумать и допустить, что за много десятков лет некоторые потомки арапа могли потерять за границей часть фамилии и докатиться до Ган.

Моя хозяйка признает фамилию Пушкин только за одним человеком,

которого они все не читают, но боготворят, как Иисуса, а моя фамилия должна быть «Балда», так, наверно, посчитала хозяйка. Я уехала от нее, чтобы самостоятельно сделать для русских что-то полезное и доказать, что я все-таки в определенном смысле Пушкина. Душа для русских имеет самую большую ценность, если у кого-то или чего-то она есть. Когда я вышла на дорогу души, то вернулась к ней с Марусей и Максом, чтобы хозяйка видела все сама и поняла, кто порочней...»

Кэтрин, наверное, хотела сказать «любвеобильней», но перепутала слово. Но это ведомо только ей. Вот и узнай, что лучше — держать в руках эту тетрадь или жалеть об «Истории моды»! Что нового дала бы «История»? Что первый денди — англичанин Джордж Брайен Бруммель, что время, когда он жил, — время Пушкина. Все известное, оприходованное, пущенное в оборот. А тетрадь?! Я читала и думала: так кто же из нас Балда — Кэтрин Ган или я? Кто острее, проникновенней чувствует слово? Кто, наконец, порочней? Если, конечно, любовь к России — порок. Да и что такое порок? То, что прежде считалось нормой. Определенно американцы нужны, чтоб давать другим по мозгам и показывать перекрученность на свой собственный лад.

А Кэтрин Ган с месяц как была далеко. Ею владел новый университет под названием Йель где-то в Нью-Хевене.

Мода как способ убийства

«История моды» отыскала меня сама. Правда, другая — подаренная свидетельницей моего нытья по пропаже. О денди в этой книге ни слова. Зато шанелей, кристиан-диоров, версачей сколько угодно. Но это же так современно! Лишнее подтверждение того, что мода все-таки сильна, не в смысле покроя одежды, а взгляда на вещи. Она, как политика, способна убить, вывести из игры, особенно тех, кто в нее не входил.

Все начиналось в Анатолии?

Они еще не знали керамической посуды, не выращивали овощи и скот, они собирали ягоды и охотились на медведей. Однако они сооружали великолепные храмы и высекали из камня трехметровые стелы и обелиски с изображением животных — древнейшие в мире культовые постройки, возведенные 11 тысяч лет назад. Их зодчие были охотниками и собирателями каменного века, они жили в Анатолии — местности на юго-востоке Турции. Долгое время их считали «примитивными дикарями», думавшими лишь о скудном куске пищи.

Однако недавние раскопки в Турции полностью переменяли мнение об этих «пасынках Природы», сгинувших в тьме веков. Нет, они не исчезли бесследно — эти дикари породили всю утонченную западную культуру! К такому выводу пришли археологи, изучая предметы, найденные в холме, образовавшемся на месте поселения.

Особенно поразительны были изображения животных. Казалось, утки вот-вот крикнут, лиса бросится на добычу, а вепрь грозно устремится на вас, посверкивая своими клыками. В ту эпоху ничего подобного по красоте и изяществу не было. Уникальна также архитектура зданий и монолитных обелисков.

Сразу же у ученых появились вопросы. Почему древние «охотники и собиратели» выбрали для

поселения эту неудобную местность да еще поднялись на вершину горного хребта? Отчего им не жилось в краю, где ягод, зверья и рыбы вдоволь, стоит лишь шагнуть за порог хижины? Почему они, обладая несравненной сметкой и чувством изящного, потянулись в унылую страну, где не найти ни воды для питья, ни дров для костра? Каким богам они молились среди выжженных скал?

Очевидный ответ таков. Они не жили здесь. В этом краю они лишь молились. По мнению немецких археологов, в доисторическую эпоху Гебекли-тепе был религиозным, а возможно, и

административным центром всей Малой Азии.

Как известно, в позднем каменном веке в человеческом обществе уже начинается расслоение. Повинуясь воле вождей, жрецов и старейшин, люди принимают возводить грандиозные каменные постройки, где почитают понятных им природных богов. Сии столпы и опоры защищают урожаи и скот древних пастухов и пахарей от порчи

и падежа. Однако никогда еще ученые не находили святилища, возведенные в ту эпоху, когда наши предки не знали ни земледелия, ни скотоводства. С последними находками в Анатолии рухнула догма: «Лишь оседлое общество нуждается в архитектуре и создает ее».

Археологи делают еще один небесспорный вывод: наверняка в Гебекли-тепе несколько сот человек жили круглый год. Это были служители культа, строители новых храмов или обелисков, купцы. Всем им надо было чем-то питаться. Возможно, местные жители стали возделывать дикие злаки.

Религиозное сознание заставило древних людей отправиться в глухой, пустынный край не занятый ни одним племенем. Чтобы выжить здесь, пришлось переменить свое бытие и от сбора пищи перейти к ее выращиванию. Так, вопреки лозунгу Маркса, сознание определило бытие.

Уважайте окружающий мир!

«Наверное, нигде, кроме Индии, человек не чувствует себя так тесно связанным с природой, — говорят индийцы. — Это просто образ нашей жизни».

Издrevле они привыкли обращаться к силам природы как к божествам, причем реально существующим. В результате такого к ним подхода и появилось обожествление животных, принявшее форму культов. Вспомним хотя бы священных коров, свободно

Земля дает людям пищу, и, следовательно, о ней нужно заботиться.

Любопытны два обычая, встречающихся во многих районах Индии. Там перед порогом дома и входом в комнату для молений на полу принято создавать линию из рисовой муки, призывающую помнить, что пища нужна не только человеку, но и существам, живущим вне его дома. К тому же эта линия символизирует процветание, считается добрым знаком для обитателей дома и сви-

разгуливающих по улицам их городов. Уважение к окружающему миру вошло у народов Индии в фольклор и ритуальные действия, в связи с чем необходимость заботы об окружающей среде стала одним из составных элементов их жизни.

Если условно поделить мир на две части — пища и ее потребители, — то, чтобы выжить, необходимо заботиться о постоянном наличии пищи.

детельствует о том, что они разделяют радости жизни со всеми животными на Земле. И второй обычай: перед тем как сесть за стол для приема пищи, горстку риса из своей тарелки следует положить на видном месте, доступном для птиц, например, на террасе. В индийской мифологии животные приближены к человеку. В ней каждое божество передвигается только на определенном животном. Все живые су-

щества составляют как бы одно целое, и все они священны. Поэтому во многих местах Индии поклоняются даже деревьям, считая, что в них присутствует какой-то дух. Священными признаются и реки. Особенно высокое положение в индийской мифологии занимает река Ганг, символизирующая взаимосвязь всего существующего на Земле.

Во многих районах страны имена людей являются производными от названий животных или растений, которым они поклоняются. А как вам нравится такая связь? В одной из общин, поклоняющейся тывке, в которой поселилась змея, по этой причине тывку не едят. А вот вагхи, поклоняющиеся тигру, каждый раз, когда слышат о гибели тигра, переживают это событие как большое горе. Поппаты поклоняются попугаю, другие народности обожествляют павлина и так далее.

Единение с природой не ограничивается проведением различных ритуалов. Оно отражено и в искусстве, причем не только в скульптуре, живописи, в современных ювелирных изделиях, но и в простейших украшениях отдельных народностей. Например, кочевники рабари, живущие в пустыне Кача, включают в свои украшения семена растений. Можно было бы напомнить и о множестве других примеров тесной связи индийцев с окружающей средой, но достаточно и приведенных, чтобы понять, какую важную роль играет она в жизни многонационального населения этой страны.

В Индию — марш!

«От нас ходу до Индии месяца три, да от вас туда месяц, а всего месяца четыре. Поручаю всю сию экспедицию вам и войску вашему, Василий Петрович. Соберитесь вы со оным и выступите в поход к Оренбургу, откуда любую из трех дорог или и всеми пойдите, прямо через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения английские на ней лежащие».

Из Рескрипта императора Павла I атаману войска Донского, генералу от кавалерии Орлову-1-му от 12 января 1801 года.

Там же: «...Все богатства Индии будут вам за сию экспедицию наградой».

Приписка: «Карты мои будут только до Хивы и до Амударьи реки, а далее ваше уже дело достать сведения до заведений английских и до народов индийских, им подвластных».

Бурбонские лилии

Поразительный документ! Почти же знаменитого приказа: «Полк! В Сибирь шагом марш!»

Но одно дело исторический полуканекдот, и совсем другое — собственноручно подписанный акт со всеми положенными печатями. Если полк, зашагавший с плац-парада напрямик в Сибирь, дальше Царского Села не довели, то 13 полкам Орлова-первого дорога куда более дальняя предстояла.

Генерал от кавалерии оказался в положении былинного героя. И здесь и там три дороги, чреватые смертельной опасностью. Выбирай любую, хоть все три сразу. А за Хивинским ханством вообще терра инкогнита:

карты нет. Иди туда — не знаю куда. Чем не старая сказка на новый лад? Да и награда обещана под стать: все сокровища Индии.

Но с чего это вдруг царю приспичило Британскую Индию воевать? Тем паче так, с кондачка, не ведая путей-дорог, промежуточных стран и народов, противостоящих, наконец, сил.

Даже если и повезет экспедиционному корпусу добраться до Бухары и Хивы, не погибнуть в песках, то на беспрепятственный проход через территорию эмирата и ханства надеяться не приходилось. А далее, на землях уже вовсе неведомых, ожидало неизбежное столкновение с афганскими племенами. Оттуда и костей не унесешь.

С нынешних позиций трудно даже подыскать подходящее название для царской затеи. Авантюра будет звучать слишком комплементарно, ибо не просматривается ни единого шанса на успех.

Что же подвигло Павла на столь сомнительный шаг? Правда, императора частенько рисуют безумцем, но для подобного диагноза оснований нет.

Многое из того, что представляется неожиданным, таинственным, а то и вовсе противоречащим здравому смыслу, проистекает из подспудных течений исторического процесса, питаемых сугубо прагматическими родниками.

Действия Павла были продиктованы резким поворотом российской политики. До сих пор она носила последовательный антифранцузский характер. Екатерина Великая называла Учредительное собрание «гидрой о 1200 головах», «шайкой безумцев и злодеев». Только войны с Турцией и Швецией не позволяли ей примкнуть к контрреволюционной коалиции. Пришлось ограничиться внутренними мерами: ужесточением полицейского контроля, цензуры, репрессиями против свободомыслящих писателей и масонов. Зато французские эмигранты встречали в России радужный прием. Двор беглого Людовика XVIII со всеми удобствами обосновался в Митаве.

Павел, чьи эмоции зачастую требовали немедленного выхода, со всей решительностью вступил в войну с «французской республикой». Побудительным импульсом послужил захват Бонапартом острова Мальты, где обрел пристанище древний орден Иоанна Иерусалимского.

Мальтийский маскарал

Симпатии Павла к мальтийцам, помимо личной склонности государя к романтическим ритуалам, тоже во многом были продиктованы чисто политическими причинами. Французская революция, изгнавшая орден из страны, вновь сделала его естествен-

ным союзником самодержавия. На сей раз против врагов внутренних.

«Павел, — отмечал проницательный шведский дипломат Г.М. Армфельд, — с нетерпимостью и жестокостью армейского деспота соединял известную справедливость и рыцарство в то время шаткости, переворотов и интриг».

Когда троны шатаются, монархи готовы ухватиться за любую соломинку. Иерархическая дисциплина феодального ордена и его очевидный консерватизм не могли не привлечь монарха, мечтавшего о «рыцарской» верности подданных.

Действия Павла теряют мистичность и становятся до предела понятными в общеполитическом контексте.

Конвент конфискует мальтийские владения во Франции? Царь, защищая возвышенные идеи рыцарства от разнузданной черни, от якобинства, тотчас же подписывает Конвенцию об учреждении в России ордена Иоанна, в которой, в частности, «подтверждает и ратифицирует за себя и преемников своих на вечные времена, во всем пространстве и торжественнейшим образом заведение помянутого ордена в своих владениях». Стоит обратить внимание на этот вселенский размах: «во всем пространстве», «на вечные времена»...

Политический акт обретал черты волшебной мистерии. Осевшие в России мальтийцы с чисто иезуитской сметкой поспешили воспользоваться благоприятной конъюнктурой. Павлу был поднесен странноватый для России титул «протектора религии мальтийских рыцарей», то есть католической, и православный государь принял его. Великий магистр Гомпеш тут же отблагодарил ценнейшими, в символическом смысле, дарами: крестом Ла Валет и мощами святого Иоанна.

После того как по пути в Египет Бонапарт взял Мальту, без боя сданную предводителем военного ордена, капитул, собравшийся в России, вынес решение сместить злополучного Гомпеша. Тем более что кандидатура

его вероятного преемника была оценена со всех сторон. И здесь история вновь обретает почти анекдотические черты. Граф Лита, великий приор, точно знал, с кем ему предстоит иметь дело. Несмотря на то, что уже несколько лет он жил в Петербурге, явился ко двору в запыленной карете, словно паломник из дальних стран. Та же печать странствий лежала и на экипажах свиты, въехавших в гостеприимно распахнутые ворота Гатчинского дворца.

Преклонив колени, кавалеры в черных иоаннитских плащах смиренно попросили приюта у владельца «замка». «Владелец», превосходно осведомленный обо всех тонкостях ритуала, повелел препроводить депутацию в парадные покои.

В записках Н. К. Шильдера сей трогательный эпизод передан следующим образом: Павел, «увидев измученных лошадей в каретах, послал узнать, кто приехал; флигель-адъютант доложил, что рыцари ордена св. Иоанна Иерусалимского просят гостеприимства. «Пустить их!» Лита вошел и сказал, что «странствуя по Аравийской пустыне и увидя замок, узнали, кто тут живет...»

Приятно взволнованный император, всласть поигравший в молодости в масонские тайны, растрогался и принял предложенный ему почти опереточный титул.

— Русский Дон Кихот! — воскликнул Наполеон, узнав, кто стал великим магистром.

Поддержав гонимых, буквально подвешенных в воздухе рыцарей, Павел и вправду продемонстрировал классический донкихотский комплекс. Благородно, трогательно, но ведь и смешно.

Высадившись на острове, Наполеон едва ли надеялся удержать его надолго. Англичане, чей перевес на море был очевиден, вскоре отвоевали Мальту, бросив тем самым вызов новоиспеченному гроссмейстеру.

Действо коронавания было совершено с подобающей пышностью в тронной зале Зимнего дворца, где собрались сенат, синод и вся придвор-

ная камарилья. Мальтийский крест осенил двуглавого императорского орла. Салютовали пушки. Парадировали войска, ночные небеса полыхали фейерверком.

Число командорств в империи разрослось чуть ли не до сотни, появилось ни с чем не сообразное «российско-православное» приорство, кавалергарды надели малиновые суперверсы с восьмиконечным крестом, на дверцы императорского экипажа спешно наляпали тот же роковой знак.

Бывший дворец графа Воронцова на Садовой, где разместился капитул, переименовали в «замок», на Каменном острове построили странноприимный дом с церковью Иоанна Крестителя, где всеми цветами радуги заблистали торжественные одеяния католического духовенства. Дальше — больше. Зашевелились иезуиты, открыли монастыри трапписты, прибыл папский нунций, и сам великий понтифик получил приглашение посетить Петербург. Невольно создавалось впечатление, что гигантская держава стала заморской территорией маленького островка, занятого к тому же чужеземным войском, и готовится переменить веру. Злые языки даже уверяли, будто сам Павел нацелился на ватиканский престол и только ждет удобного момента, чтобы сменить Пия Седьмого.

В атмосфере недоброго экзальтированного ожидания растворились границы возможного. Разве не сам папа освятил избрание в католические магистры православного государя? Суть в том, что одна мысль о Бонапарте вгоняла понтифика в дрожь.

Ирония судьбы: насквозь прогнившая, развращенная беззаконием верхушка провоцировала политическое мельтешение, в равной мере циничное и слепое.

Павел, которому оставалось менее двух лет жизни, предчувствуя, как сожмется роковое кольцо заговоров, вдруг истово поверил, что восьмиконечный крест защитит от измены и злонамеренных умыслов. Он слепо бил наотмашь, сражался с духами, не

Карта Российской империи
1739 – 1740 гг.

отличая преданности от измены.

Новый 1798 год ознаменовался великими событиями. «Вождю вождей» Суворову разрешено было покинуть Кончанское имение и прибыть в столицу.

«Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоящем желании Венского двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мои корпуса идут», — последовало высочайшее повеление.

Император возложил на Суворова большой крест ордена святого Иоанна, а малые кресты посыпались как из рога изобилия.

Изумленная Европа взирала на этот мальтийский апофеоз. Но еще большее удивление вызвал скоропалительный союзный и оборонительный договор с недавним противником

— турецкой Портой. Корабли черноморского флота вошли в Босфор.

В императорском манифесте от 16 июня 1799 года значится: «Восприняв с союзниками нашими намерение искоренить незаконное правление, во Франции существующее, восстали на оное всеми силами».

Силы поначалу складывались могучие: Англия с ее лучшим в мире флотом, Австрия, именуемая Священной Римской империей, Османская порта.

Пока Наполеон одерживал победы в Египте и Сирии, Суворов вытеснил французские войска из Италии. Австрия готовилась к походу на Рейн, но прусский король в любой момент готов был нарушить нейтралитет.

По сути, каждая держава преследовала свои узкие интересы. Естественно изменить сложившуюся на европейском театре ситуацию не смогли ни британский флот, ни стойкость русских солдат, ни воен-

Аллегорическая фигура,
составленная
из инструментов
каменщика

ный гений главнокомандующего союзными силами генералиссимуса Суворова. Александр Васильевич откровенно высказал убеждение, что французы возвращаться к старой монархии не хотят. Павел тут же отправил его назад в родовое имение, затерявшееся среди новгородских лесов и болот.

Недвусмысленное замечание Суворова о «разглагольствовании эмигрантов-проходимцев» и политических «мечтателей» больно задело государя. Он и сам питал рыцарские мечты о восстановлении в легитимной Франции белых бурбонских лилий.

Но все почти в одночасье переменялось. В битве при Маренго Австрия потерпела поражение. Бегство «цесарцев» поставило в безвыходное положение корпус генерала Корса-

кова. Шесть тысяч русских оказались в плену. Однако большее всего ударила по самолюбию Павла оккупация англичанами Мальты. Это и привело к окончательному разрыву коалиции.

Крутые перемены

Одержав микроскопическую победу в тактике, Англия совершила стратегический просчет, разом утратив сильнейшего из союзников.

Французская дипломатия отреагировала молниеносно. Гениальный циник князь Талейран-Перигор получил великолепный повод диаметрально изменить ситуацию.

Одаренный ясным умом и выдающимся дипломатическим талантом, наполеоновский министр иностран-

ных дел отличался величайшим презрением к людям и полным равнодушием к моральным ценностям. Карьерист, корыстолюбец, беззастенчивый лжец и лицемер, он при любых обстоятельствах умел выступить в роли величественного сеньора. Сиятельный взяточник, значившийся в русской разведке под псевдонимом «Анны Ивановны», он продавал тайны сначала своего короля, затем директории и, наконец, первого консула. Это не мешало ему снабжать той же информацией Берлин и Вену. Добытые французскими шпионами секреты России, Австрии и Пруссии тоже шли в финансовый оборот.

«Талейран самый умный из министров, каких я имел», — говорил к концу жизни Наполеон.

Друзья и враги, войны и союзы — все переменчиво в мировом муравейнике. Отсутствие каких бы то ни было принципов дает свободу маневра.

«До сих пор еще не рассматривалась возможность вступить в прямые переговоры с Россией» — зная о намерениях первого консула, поспешил воспользоваться благоприятным моментом министр. С присутствием ему стилизованным блеском, он обратился с письмом к графу Никите Петровичу Панину — самому яростному ненавистнику Наполеона: «Граф, первый консул знает, что англичане и австрийцы обязаны всеми своими успехами содействию русских войск...»

Лестные пассажи, разумеется, предназначались Павлу.

Во втором письме, написанном под диктовку Бонапарта, содержалось недвусмысленное предложение «подарить» русскому царю временно занятую англичанами Мальту.

21 декабря 1800 года последовало прямое обращение Наполеона: «Через двадцать четыре часа после того, как Ваше императорское величество наделит какое-либо лицо, пользующееся Вашим доверием и знающее Ваши желания, особыми и неограниченными полномочиями, на суше и на море водворится спокойствие».

Павлу дали знать, что Франция готова вернуть всех русских пленных, причем не требуя обмена. Благо, захваченных французов можно было сосчитать по пальцам.

Чаши мировых весов сместились в новое положение. И без того склонный к шараханью из крайности в крайность Павел направил в Париж личное послание: «Господин первый Консул. Те, кому Бог вручил власть управлять народами, должны думать и заботиться об их благе... постараясь возвратить миру спокойствие и тишину, в которых он так нуждается».

Русский император почти в восторге от вчерашнего узурпатора. Недавний враг превращается в друга, а друг, соответственно, в ненавистного захватчика. О борьбе с «революционной заразой» и бурбонских лилиях уже нет и речи. Зато накопившееся против «двора Людовика XVIII» раздражение требует выхода. Бесконечные просьбы о новых субсидиях и наградах вызывают гнев. Личному посланнику Луи XVIII в аудиенции отказали.

Далее пошло крещендо — по нарастающей. Вести переговоры о мире, а далее и о военном союзе в Париж направлен генерал Спренгпортен, а затем и посол Колычев.

«Ваш государь и я — мы призваны изменить лицо земли» — заявил Наполеон. Он готов во всем пойти навстречу благородному императору великой России.

Русских пленных не только отпустили с оружием и почетом, но и каждому за счет казны сшили новый мундир соответственно званию и полку. Требования Павла гарантировать неприкосновенность королям Обеих Сицилий, Баварии и Вюртемберга были с готовностью удовлетворены. Ко всему прочему Наполеон дал обещание освободить Мальту от английского десанта. Островное государство, с XVI века управляемое суверенным орденом, стало разменной монетой на игорном столе.

Петербург не замедлил откликнуться ответной любезностью. Людо-

вика XVIII из России выдворили, лишив пенсион в 200 тысяч рублей; Панина, выступавшего за союз с Англией, сместили с поста вице-канцлера, а на английские суда наложили арест.

Поход в Индию знаменовал начало необъявленной войны.

Экспедиция в никуда

Весть об отправке экспедиции Орлова Талейран воспринял с тонкой усмешкой. Изысканная лесть и куртуазные жесты покорили царя-рыцаря.

В Санкт-Петербурге и Париже лилось шампанское, а бедному Орлову-первому предстояло как можно скорее выцарапать из Петропавловской крепости казачьего атамана Матвея Платова. Будущий герой Отечественной войны 1812 года пострадал за неведомые ему самому прегрешения. При Павле это было куда как легко.

Скажите в полку, бросил царь верному до тех пор Аракчееву, а там скажут дальше, что я из вас потемкинский дух вышибу, а вас туда зашлю, куда ворон костей ваших не занесет.

За разносом могла последовать награда, взлет сменялся ссылкой. Это успели испытать будущие заговорщики, включая Палена — фактического их главаря.

Из каземата, где Платов маялся уже полгода, его внезапно доставили прямо в Зимний, к царю.

— Знаешь ли дорогу в Индию? — с ходу огорошил вопросом Павел. Хитрый казак сразу сообразил, что скажи он «нет», тут же отправят обратно в узилище.

— Знаю, ваше величество.

— Вот и отлично. Назначаю тебя командовать первым эшелоном донцов.

Не успел Платов прибыть к месту назначения, как вслед за ним полетели фельдъегери с новыми рескриптами в адрес Орлова.

«Индия, куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения... Цели все сие разорить и угнетенных владельцев ос-

вободить и ласкою привести России в ту же зависимость, в какой они у англичан...»

Увлеченный новым предприятием император спешно наверстывал сведения по части политической географии.

Все казалось легкодостижимым. Уже на другой день новый курьер мчался с засургученным пакетом.

«Посылаю вам подробную и новую карту всей Индии... и идите от Инда на Гангес и там на англичан. Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась. В Хиве столько-то тысяч наших подданных».

Изумительно это царское: «мимоходом». Почти век пройдет, прежде чем ценой кровопролитных боев Россия приобретет эмират в вассальное владение.

Жить Павлу оставалось считанные дни, но 7 февраля 1801 года Орлову отправлено новое предписание: «Сим маршрутом я вам рук не связываю, однако же».

Полный генерал знает, что кроется за такой оговоркой. Но до Инда и Ганга еще ой как далеко!

Предполагалось, что сам Наполеон прибудет на юг России, чтобы возглавить объединенные силы. Только царь спешил опередить нового союзника. Он все более предчувствовал стремительно приближающуюся развязку.

С Дона экспедиционный корпус в составе 22507 человек, при 12 единокорах и 12 пушках, выступил в конце февраля. Худшего времени трудно было выбрать. Морозы сменялись внезапной оттепелью, метели, гололедица, бездорожье. Раннее вскрытие рек создавало подчас почти непреодолимые трудности. Ко всему прочему несколько дней не подвозили продовольствие и фураж. Словом, дела известные. Как в царском манифесте: «На все времена».

Про маршрут и говорить нечего. Шли четверьмя эшелонами, как Бог на душу положит. Тревог хватало и без «однако же...» Теряя людей и лошадей на пути вверх по реке Ирғиз, Орлов рапортовал: «Из числа войска, в похо-

де следующего, одни, имея деньги, издержали оные на продовольствие; другие, заимствуя друг у друга, задолжались; прочие, не имея денег, и не могли занять, уделяли продовольствие подъемным от строевых, чем одних привели в усталь, а других и вовсе лишились упалыми и брошенными».

Стиль генерала от кавалерии оставляет желать лучшего, но картина опять-таки до боли знакома. «На все времена».

В первые дни из 41424 коней пали 886. Людей не считали. Но судьба экспедиции решилась не в песках Туркестана, а в Северной Пальмире. И не без деятельного посредства туманного Альбиона.

Сцена убийства Павла известна достаточно хорошо, имена и роли заговорщиков — тоже. Куда большего внимания заслуживает подковерная дипломатия.

В Европе с возрастающим беспокойством следили за сближением сильнейших держав континента. Австрийский император не только устно, но и письменно заявлял, что возлагает все упования на возможную «недолговечность» Павла и Бонапарта. Еще сильнее тревожился Лондон. Первым из английских дипломатов об устранении русского царя задумался посол Уитворт.

Покушения на Бонапарта потерпели крах. Адская машина взорвалась с запозданием, когда карета первого консула уже проехала по улице Сен-Некез. Жорж Кадуль, которому поручили подстеречь и убить Наполеона во время верховой прогулки в загородном дворце Мальмезон, с заданием не справился. «Разобраться» с Павлом, вокруг которого сжималось кольцо заговора, казалось много проще.

Уитворт установил связь с графом Платоном Зубовым через его сестру Ольгу Александровну Жеребцову, хорошо известную в высшем свете.

1 февраля 1801 года, в пятницу, Павел вместе с семьей окончательно перебрался в Михайловский замок. Из-за густого тумана пришлось даже отменить вахтпарад. Но влажная пелена плавала и внутри дворца. Печи

не могли нагреть и осушить воздух. Фрески покрыла плесень. На бал-маскарад из 3100 приглашенных явились только 2837 гостей. Танцевали в душном полумраке.

В роковой день 11 марта стол для последнего ужина был накрыт на 19 человек. Император был нервозен, но пытался шутить.

— Посмотрите, какое смешное зеркало, я вижу себя в нем с шеей на сторону.

Он вышел, ни с кем не простившись.

Ключевая фраза в устах посла прозвучала корректно: «Предложить Павлу отречься». Но, как говаривал британский премьер Питт-младший, «от слова не станется».

Что случилось от слова, памятно хотя бы по циничной шутке: «Император скончался от апоплексического удара... табакеркой в висок». Зеркало не обмануло. Сдавленную офицерским шарфом шею и впрямь перекосило.

О прискорбном случае Букингемский дворец оповестил русский посол Воронцов. Англичане выразили глубокое сочувствие. В свое время тот же Питт наставлял Уитворта: «Тихонько помогать, чтобы потом выразить соотвествующее соболезнование».

Узнав о смерти Павла, Наполеон в гневе вскричал: «Англичане промахнулись по мне третьего нивоза, но они не промахнулись по мне в Петербурге».

Не ведая о кончине государя, казаки продолжали брести в бесконечных степях Казахстана. Петербургу было не до них. Приказ о возвращении, подписанный Александром I, поступил с большим запозданием.

Генерал-майор Матвей Иванович Платов встретил в дороге полувековой юбилей. Далеко впереди ожидало Бородино, графский титул и эполеты полного генерала. Сколько солдат сгнуло в заледенелых степях Тургая, до точности не сосчитано.

Проклятая Китайская стена

Великая Китайская стена — самое длинное и грандиозное строение, когда-либо сооруженное людьми. В эпоху династии Мин (1368 — 1644) ее длина достигла 6000 километров. До нашего времени сохранилась лишь часть стены; длина самого протяженного ее участка — 2450 километров.

Стена была сложена из каменных блоков и обожженных кирпичей. Ее возводили на фундаменте из каменных квадров. Зазор между наружной и внутренней стенами засыпали каменной крошкой, битым кирпичом и утрамбованной землей. Поразительная твердость раствора достигалась за счет того, что в него подмешивали рисовую муку, содержащую много крахмала.

Высота стены достигала 16 метров на равнине и 5 метров — в горах; ширина составляла от 5 до 8 метров. Верхняя часть стены была уже, чем основание.

«Дракон, — как подытожил Борхес, — обладает способностью принимать различные облики, которые, однако, для нас непостижимы». Покрытый чешуйками кирпичного цвета дракон присел на берегу Желтого моря, и вдруг змеиное тело его вытянулось и полетело вдаль, пока не замерло где-то в пустынях Центральной Азии. Тело вилось среди гор, скатывалось в долины, перелетало через реки. В III веке до новой эры сотни тысяч людей были согнаны почтить его. Служа дракону, обвинившему собой Китай, они возводили стену там, где промелькнуло тело его. Крестьяне и ремесленники без счета гибли на этой службе. А когда стена вознеслась, огородив страну, и по ее камням — один на один с неуютной северной далью — стали прохаживаться солдаты, многие из них, глядя в тоске на мутное небо, замечали среди облаков тень грозного дракона.

Смерть в Маньчжурии — станция наша,

Логово наше последнее.

Как путешествие это ужасно!

Блэз Сандрар

(пер. М. Кудинова)

С Севера на Юг перебираются письма и донесения. в далекие деревни и города, покинутые по повелению императора. Письма разыскивают родных, а когда находят, им верят, в то время как человека, их приславшего, может, давно уже схоронили у Проклятой китайской стены.

Теперь историки перечитывают эти документы, и за их строками видят, как, повинувшись безумной воле императоров, жили и умирали строители Великой стены.

Как Мэн Цзин встретил свою жену

Жена чиновника Мэн Цзина много печалилась. Несколько месяцев назад ее муж впал в немилость у Сына Неба и был сослан на север — туда, где строят Стену на пути варваров. Император не стал казнить его, но велел носить камни к стене. Хватит ли ему сил на эту работу?

Завывают ветра,

и клубятся, летят облака.

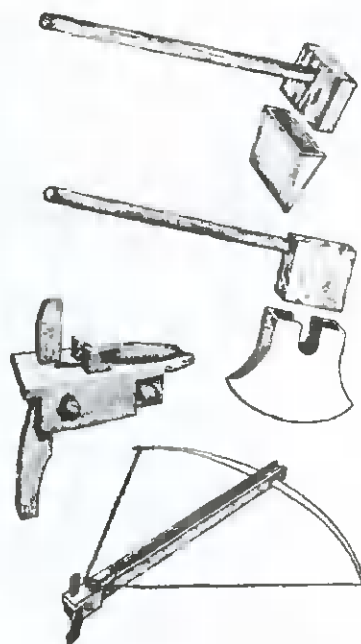
из небесных глубин

ниспадают

густые снега.

(Пер. С. Торопцева)

Близилась зима. Жена Мэн Цзина знала, что у ее мужа нет с собой даже теплой одежды. Зимы же в северной степи были так холодны, что каждый третий рабочий, строивший великое укрепление, отмораживал себе пальцы ног. Тогда госпожа решила отправиться в путь, чтобы разыскать мужа и, как подобает достойной жене, снабдить его всем необходимым и утешить его. Однако путь принес только горечь. Муж умер, пока длилось ее странствие. «Ему не хватило сил» — равнодушно сказали стражники. Тогда госпожа опустилась на землю и плакала много дней, глядя на Стену, что пресекла ее счастливую жизнь. Куда ей теперь идти?

*Колокол дальний звучит в опустелом доме;
Грустные мысли печальной текут чередой.*
(Пер. И. Смирнова)

Эту историю долго пересказывали — кто скажет, был это или небыль? — добавляя к ней следующее. Слезы вдовы все лились, и звуки стенаний все доносились, и тогда не выдержала Стена. Участок ее рухнул, а когда разгребли камни, под ними увидели тело Мэн Цзина. Вдова взяла его на руки и, отправившись к берегам Желтой реки, скрылась в ее волнах, вновь обручившись ее с возлюбленным.

*Украшение дышла колесницы. Позолоченная бронза с серебром.
Из раскопок в Хэнане.
V—III века до новой эры*

Хозяин человеческой машины

По преданию, эта история случилась в 220 году до новой эры, когда Китаем правил свирепый император Цинь Шихуанди, объединивший под своей властью все мелкие китайские царства и ставший первым правителем династии Цинь. Северные границы своих владений он решил огородить — подобно тому, как начальник города обносит его стеной. Это защитит страну от вторжения варваров — хуннов.

Поначалу на границу отправились 30 тысяч солдат. Вслед им побрели сотни тысяч людей, согнанных со всей страны. Немного среди них было добровольцев. Кто оставит дом ради неведомой земли, где камень ляжет к камню, а прах — к праху?

*Из родимого края
В чуждальные страны
Вдоль реки потянулись,
Чтобы вечно скитаться.*
(Пер. Л. Эйлина)

В большинстве своем это были крестьяне, призван-

*Отряд пехотинцев
и всадников.
Крашеная глина.
Шэньси.
Первая половина
II века до новой эры*

ные трудиться, пока их тела не оросит смертный пот. Немало было и преступников; впрочем, во времена Шихуанди преступником мог быть объявлен любой человек за самый безобидный пустяк. На северную «перековку» (эта массовая депортация, пожалуй, как никакое другое событие, напоминает «великие стройки коммунизма») император отправил также множество ученых — из тех, что не были еще казнены, — и проштрафившихся чем-то («репрессированных») чиновников, а еще «дал повторные срока» тем, кто уже освободился. По сообщениям хронистов, каждый третий житель Китая работал тогда на этой стройке.

Кстати, охотники порассуждать на газетных страницах о том, что Сталин был строг, но справедлив, любят помянуть анекдот о том, как он отказался выволить из плена собственного сына, но и здесь Иосиф Первый пребывает в тени Шихуанди, который, прогневавшись на одного из сыновей, отправил его на «великую стройку», то есть на верную смерть. В империи Цинь все люди были винтиками, и вот теперь составленная из них машина рассекала пространство надвое. По одну сторону этого каменного занавеса суждено было остаться счастливому Китаю, по другую простиралась скверна — весь остальной мир.

Жизнь строителей Великой Китайской стены была сплошной мукой. Их поселили в глинобитных хижинах, крытых тростником. Летом они задыхались от пыли и изнемогали от жары, зимой замерзали. Снабжение всем необходимым было налажено катастрофически плохо. В одном из донесений говорится, что «было отправлено 182 транспорта с хлебом, но доставлен только один». Остальные пропали в пути. По преданию, надзиратели все время добавляли в пищу — обычно это была каша —

*Бронзовая колесница.
Из Ву-Взя, Китай*

*Лошадь в галопе.
Бронза.
Из погребения
полководца. Ганьсу,
эпоха Хань*

известку, чтобы умерить аппетит работников. Трудиться же предстояло по двенадцать часов в день.

Сотни тысяч рабочих умерли от голода и изнеможения. В одной из народных песен того времени говорится: «Разве ты не видишь, что Великая стена стоит на людских костях?»

Покойников бросали в канаву и засыпали землей. Никаких ритуалов, которыми так дорожат китайцы, не выполнялось; людей хоронили, как скот. Считалось, что их обозленные, неупокоенные души будут бродить вдоль Стены и пугать кочевников, если те подступятся к ней. По словам некоторых хронистов, чтобы поселить у Стены еще более страшных призраков, немало людей здесь похоронили заживо.

Любовный тупик Шихуанди

Легенда гласит, что Цинь Шихуанди, рассердившись на то, как медленно продвигается строительство, призвал к себе предсказателя. Его ответ был таков: «Стена не будет готова до тех пор, пока под ней не погребут заживо десять тысяч человек».

*Лошадиная голова,
династия Хань*

От города к городу летела страшная весть. Народ пришел в волнение, ожидая казней. И тогда другой толкователь разъяснил Шихуанди, что казнить надо лишь одного человека по имени Ван — по-китайски Wan означает «десять тысяч». Император немедленно послал солдат разыскать его.

Ван уже прознал о приговоре и, бежав, скрылся в чужом саду. Ночью в сад вышла девушка; она была нага. Прячась среди ветвей, Ван услышал ее голос: «Ах, кто меня увидит сейчас, того я полюблю навек». Ван тотчас воскликнул: «Я! Я тебя увидел!» Их женитьба была делом решенным.

В день свадьбы явились солдаты и увели Вана, вырвав его из объятий жены. Когда его привели к императору, тот распорядился закопать его у стены заживо, и тогда работа стала продвигаться быстрее.

В отчаянии юная вдова отправилась к месту строительства Стены и стала жаловаться на судьбу. Тогда Стена разверзлась и отдала ей тело мужа.

Император прослышал о случившемся и велел привести ее. Пораженный ее красотой, он решил взять ее в жены. Та согласилась, но просила императора сделать несколько одолжений: «Пусть тело моего мужа будет торжественно погребено! Пусть поминки продлятся 49 дней и в них примет участие император! Пусть на берегу реки вознесется огромный алтарь, возведенный в честь мужа».

Шихуанди выполнил все. Когда алтарь был построен, вдова поднялась на него и, прокляв императора за жестокость, бросилась в воды реки. Разъяренный император велел солдатам выловить тело красавицы, рассечь его на четыре части, а затем истолочь в пыль.

«Десять тысяч ли за спиной»

Когда в 210 году до новой эры умер Первый император Цинь, Стена протянулась уже на 800 с лишним километров. Оставшиеся в живых острословы прозвали ее «самым длинным кладбищем в мире».

*Плачут души погибших недавно,
Плачут души погибших когда-то.
И в ночи боевой и бесславной*

Их отчетливо слышат солдаты.

(Пер. А. Питовича)

Империя, основанная Шихуанди, распалась вскоре после его смерти. Началось правление династии Хань, продлившееся почти четыре столетия.

Главный зодчий Стены был брошен в темницу и принужден совершить самоубийство. Один из обвинителей сказал ему: «Ты заслуживаешь смерти. Стена, возведенная тобой, протянулась на 10 тысяч ли. Так что ты не мог не перерезать жилы Земли, а это — преступление».

После смерти императора разбежались и строители Стены, набранные из крестьян, и многие солдаты. Охранять Стену стало некому. Часть чиновников, военных и купцов переметнулись к хуннам, боясь новых потрясений в Китае. Так что смена династии в Поднебесной привела к заметному усилению кочевых племен. У них появились свои собственные чиновники и своя армия. Расцвела меновая торговля хуннов с Китаем. «Все хуннские воины, — писал Л. Н. Гумилев, — стремились иметь шелковые халаты для своих жен, просо для печенья, рис и другие китайские лакомства».

Через несколько десятилетий хунны открыто вторглись в Китай и, не встречая особого сопротивления, захватили приграничные области. Лишь в 129 году до новой эры император Уди, разбив хуннов, решил подновить Стену и продолжить ее строительство.

Будни пограничника Сю

В эти годы на стройке уже не царили драконовские порядки. Это был скучный долгострой, которому не видать ни конца ни края. Казалось, сколько длится земля, столько и бежать Стене по ней.

Тем временем по ее периметру застыли солдаты, вооруженные луками. Они несли свой дозор на башнях, подолгу вглядываясь в степь и в случае опасности немедленно разводя костер. Так они подавали знак соседнему дозору. Башни вдоль Стены были расставлены на таком расстоянии, чтобы солдаты могли видеть своих соседей.

Стены башен были сложены из полуметровых квадратных кирпичей. Башни достигали семи метров в высоту и шести — в ширину. Между башнями пролегал земляной вал, «облицованный» кирпичами. Промежуток между наружной и внутренней стеной заполняли каркасом, сплетенным из ветвей тамариска, а потом засыпали лёссом и гравием, утрамбовывая их смесь. С внешней стороны Стены пограничники рассыпали песок, чтобы заметить следы вражеских лазутчиков.

Уже в наши дни был проведен забавный эксперимент. Вдоль участка стены длиной 85 километров по всем башням расставили добровольцев. На первой из башен развели костер: «Опасность». Тут же стартовали всадник и джип. Когда автомобиль, двигавшийся по пе-

Бронзовая статуэтка женщины с птицами на высоких подставках

ресеченной местности, прибыл к цели, его поджидал всадник. Но и тот был не первым; он подъехал к башне, на которой уже горел костер: известие долетело быстрее гонца.

В старинном документе говорится: «На дозорной башне находятся десять человек: один для несения караульной службы; один — повар, он же отвечает за коров и лошадей; остальные занимаются заготовкой дров и травы, а также поддерживают порядок в башне».

В минувшем столетии археологи нашли несколько тысяч подобных сообщений — коротких надписей на бамбуковых дощечках. Все они относятся к эпохе династии Хань и потому получили название «ханьских табличек». Эти тексты содержат любопытные сведения о жизни на Великой Китайской стене.

Среди них немало просьб или донесений, адресованных начальству. Они, как то водилось в старинном Китае, были написаны раболепным, заискивающим тоном. «Исполненный самой безумной глупости, преклоняю голову к земле и, помутившись в мыслях и словах, обращаюсь с просьбой об отпуске, поелику намереваюсь посетить могилу своих родителей», — с такими словами взывал к своему начальству некий офицер.

Неизвестно, побывал ли этот «безумец» на родине или все так же тянул гарнизонную лямку. Весь день, пока дозорный всматривался вдаль, гарнизон занимался «хозяйственной канителью». Одни солдаты возделывали огороды и поля, где подрастали овощи, просо и ячмень — главная пища пограничников (рис приходилось ввозить из южных районов страны). Другие ухаживали за домашним скотом — коровами, овцами, козами и лошадьми. Так что жили солдаты почти «на подножном корму».

Нередко рацион был очень скудным. Археологи нашли немало табличек с жалобами на плохое питание. Вот один из примеров: «Солдат Ху Чао жалуется от имени двадцати товарищей, что они не получали соли». Жалоба была обоснованной: офицерам и солдатам полагалось получать одну и ту же пищу, только офицерские порции были побольше, да еще им не требовалось самим готовить себе обед.

Если офицеры или солдаты жили в башне с семьями, то их домочадцам полагалась та же самая пища. Одна из табличек озаглавлена, например, так: «Рацион для солдата Сю И, его жены Чжи (35 лет), его дочери Ши (9 лет) и его сына Ю (3 года)».

Присутствие семьи позволяло скрашивать скуку и тяготы службы. Под серым, унылым небом солдаты часами простаивали, глядя вдаль, напряженно изучая камни, ложбины, редкий кустарник, тянувшийся в стороне, и не видя ничего нового. Ни пятнышка не появлялось на горизонте. Прогнознув, они спускались к себе отдохнуть, и счастье тем, кого ожидали близкие.

Если же тучи сгушались и в семье, следовало наказание провинившихся. «Солдат Фэн совершил прелюбо-

*Дух — хранитель
могилы.
Из раскопок в Хэнани.
V—III века до новой эры*

деяние с женой солдата Чу. В наказание ему отрезали бороду, а женщине — нос».

Порой скуку буден скрашивали нежданные гости — женщины, торговавшие своим телом. Начальство относилось к их появлению снисходительно, если только солдаты, увлеченные «внезапным подарком», не забывали о службе. Обычно же скуку гарнизонной службы рассеивали настольные игры, а также алкогольные возлияния. Впрочем, если солдат спьяну допускал упущение по службе, его жестоко наказывали.

Перечень наказаний включал в себя отрезание бороды, клеймение лица, денежный штраф, палочные удары по ступням ног, отрезание носа, отсечение рук и ног, кастрацию, обезглавливание, утопление. Сообщения, оставленные на табличках, дают понять, за что могли наказывать солдат и офицеров. «Чэнь побит палками за то, что вола, находившиеся под его присмотром, исхудали». Или: «Хуэй уплатил штраф за то, что из десяти его коров у шести не уродилось телят». Или: «Офицер У отдан в рабство за то, что его солдаты плохо стреляют из арбалета».

Некоторые законы того времени звучат весьма современно. Так, солдат карали за неоказание помощи. «Если кто-то видит, что человек ранен или убит и находится от пострадавшего ближе чем в ста шагах, должно его наказывать, если он не придет на помощь». А следующий закон отчасти удовлетворил бы современных феминисток: «Если мужчина ударит свою жену за то, что она громко кричит, если разорвет ей ухо, сломает палец или вывернет сустав, ему следует отрезать бороду».

Между расправами вновь воцарялась повседневная рутина. Солдаты пасли скот, пололи траву и все так же всматривались в пустой простор северного края. С замиранием в сердце они боялись увидеть, как черная полоса — лава кочевников — заливает пейзаж, как кишащая масса людей и повозок спускается с севера в сторону пограничной заставы, но чаще они не видели ничего. Дни сменялись днями. Осенью раскидывался шатер туч. Зимой шел густой снег, выбеливая засохшие деревья. Весной сильно пахла трава, пробившаяся у ступеней башни. Летом южный ветер чаще заставлял оборачиваться назад, где остался брошенный дом.

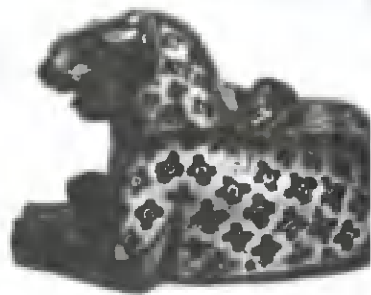
*Как ступени у башни круты,
высоки!*

Напеваю

и тихие слезы роняю.

(Пер. С. Торопцева)

Болезни совершали свой набег, пожалуй, чаще, чем враги. В память о поединках с хворобой оставались таблички; на них две тысячи лет назад кто-то писал рецепты, призванные победить недуг. Одну такую табличку с рецептом нашли археологи. На ней приведено средство от лихорадки. Его приготавливали из листьев различных растений, например, аконита. Часто солдаты страдали также от простуд, головных болей и радикулита. В

*Легендарный леопард
из Ман-чэнга,
Китай*

*Циньский знак
военной власти.
Бронза с золотой
инкрустацией.
V—III века до нашей эры*

каждой башне имелся ящик со снадобьями и тканью для перевязок.

В погожие дни у солдат появлялось развлечение — смотреть, кого еще нелегкая принесла из дальнего края к воротам башни. Обычно это были разъезжие торговцы, от каждой беды прибавлявшие по барышу. Покидая Китай, они бросали в Стену камень. Если он отскакивал к ним в руки, значит им было суждено вернуться целыми и невредимыми. Если камень пролетал мимо рук, быть беде.

Солдаты с любопытством расспрашивали гостей: вдруг под личиной купца из страны убежит дезертир или преступник? Проверяли их вещи, ведь не все же товары дозволено вывозить из страны на радость диким кочевникам! Так, запрещалось продавать им железо: из него хунны делали мечи, чтобы побить китайцев. По сообщению хрониста, ханьский император Уди распорядился однажды подвергнуть экзекуции сразу полтысячи купцов за то, что они везли с собой контрабанду.

Нередко купцы не спешили выезжать за ворота. Оживленная торговля шла прямо возле Стены. Кочевники пригоняли лошадей, коров и овец, приносили шкуры и меха, а сами покупали шелк и другие предметы роскоши. Порой коммерция перерастала в драку. Офицеры обязаны были тут же пресекать стычки, чтобы обиженные кочевники не вздумали, гонимые чувством мести, двинуться на Китай. Если же офицер не справлялся с замирением врагов, его наказывали.

Бессмертие без императора

Честь кочевника — храбрость; она одна — богатство его. Часто отряды варваров, приближаясь к неприступной Стене, лишь изображали нападение — мчались, грозили, готовились к штурму, а потом — видя, как суетятся встревоженные китайцы, как, пригибаясь, прячутся за выступы, — с хохотом уносились прочь, рассеивались, как пыль, взвихренная ветром. Они возвращались не с добычей в руках — с отвагой в сердце.

Нередко китайские офицеры, не выдержав этих странных передвижений чужеземцев, организовывали погоню. Ведь крепость, где они жили годами, давно казалась им уже не надежным укрытием, а тюрьмой. Одержат победу над варварами, разбить их — вот что было единственным шансом получить продвижение по службе. Подобаает ли офицерам крепости предаваться столь глупым мечтаниям?

Люди на этой чуждой стороне

Плохи — я с ними ужиться не мог!

(Пер. А. Штукина)

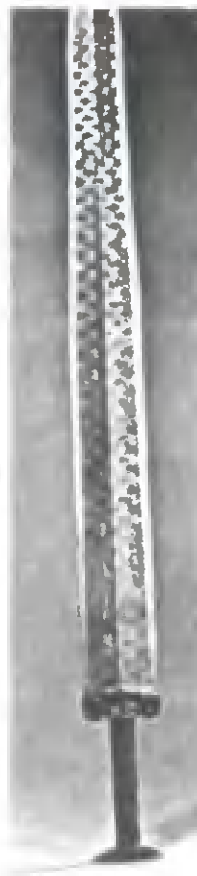
Первыми, кого приходилось побеждать в таком случае, часто были собственные солдаты. Мало кому хотелось покидать крепость и мчаться в степь ради битвы с дразнившими их варварами. «Всеим солдатам заставы обрезаны бороды за то, что они вздумали прекосло-

Боевая секира. Бронза. Из раскопок столицы царства Чжуншань, IV век до новой эры

Бронзовый шлем. Из раскопок в Ляонине, середина I тысячелетия до новой эры

Меч. Бронза. Из раскопок в Ху-бэе. V век до новой эры

вить», — говорится в одном из донесений. «Что ж, борода не голова» — наверное, думалось солдатам.

Нету пресной воды — только снег у холодного моря.

На могильных курганах ночуем, сметая песок.

О, когда ж наконец разобьем мы врага на просторе,

Чтобы каждый из воинов лег бы — и выспаться мог!

(Пер. А. Гитовича)

Иногда дело все-таки доходило до крупных столкновений. Так, в середине XV века правитель Минской империи Инцзун приказал напасть на Монголию, объединенную к тому времени под властью племени ойратов. Так он надеялся упредить вторжение ойратов в Китай. Однако Инцзун был плохим полководцем, а его войска были скверно вооружены.

Встреча. Удар. Кровь. Крики. Когда китайское войско было рассеяно и всадники варваров равнодушно принялись убивать одного солдата за другим, император спешил и встал на колени. Он ждал смерти. Его спокойствие поразило врагов. Окружив его, они смотрели на преклоненного перед ними человека, как смотрят на изваяния чужих богов. Они как будто молчаливо спрашивали друг друга: «Кто первым совершит святотатство? Кто отсечет голову живому богу?» Наконец, они пригласили его встать и, окружив почетным эскортом, повели прочь. Плененный император удалялся на север. Его войско лежало на земле.

Великая Китайская стена стала грандиозным символом имперской мощи — знаком величия Китая. Она призвана была внушать страх и трепет. Когда же в середине XVII века на Китай вновь двинулись северные варвары — маньчжуры, империю не спасла Стена. На четверть тысячелетия Китай оказался под властью чужеземных захватчиков.

(В тексте использованы фрагменты из стихотворений древних и средневековых китайских поэтов Чжан Кэцзю, Гао Ци, Цюй Юаня, Ду Фу, Ли Бо, а также из книги «Шицзин».)

Адрес в Интернете

Изображения Великой Китайской стены:

www.geocities.com/Tokyo/Fuji/6895/html/beijing/great_wall_d.html

Запрещенные люди

*Единственный выход для человечества —
придумать безопасный радикализм*

Удивительно, какие изменения претерпели книжная серия «ЖЗЛ» и само понятие «замечательный человек» за последние десять — пятнадцать лет. Первый клон «ЖЗЛ» появился в середине девяностых в Минске. Привычную уху аббревиатуру минские издатели расшифровали тогда по-новому — «Жизнь знаменитых людей». Изменились и персонажи. Заслуженных деятелей прошлого (писателей, художников, композиторов плюс неизбежный процент борцов за светлое будущее) сменили люди успешные и известные. Поп-звезды, политики, бизнесмены... На второй план отошли заслуги и масштаб личности. На первый вышли слава и популярность.

Так книги просигнализировали нам, что меняется тренд. А по большому счету — приоритеты в обществе. Успешность взамен значительности еще не успела стать общим местом, банальными ценностями под массивным давлением рекламы и глянцевого журнализма. Это произойдет позже, ближе к концу девяностых. А тогда стремление понять «знаменитых», разобраться в механизме успеха выглядело вполне прогрессивно.

В недрах общества, по американскому образцу обожествившего prosperity (процветание), стала зарождаться новая мода: на протест и радикализм. Разумеется, это была реакция на политическое давление и жесткое структурирование интеллектуального пространства страны. И, разумеется, эта мода могла появиться лишь тогда, когда старые ценности более или менее устоялись. А либеральная оппозиция, подавленная или ушедшая в истеблишмент, перестала выполнять свои протестные функции, начав выполнять охранительные.

Как раз в это время, буквально три-четыре года назад, и стал оформляться новый радикализм. Новый по отношению к радикализму Запада, имеющему давнюю и богатую традицию. В России же этой традиции с начала прошлого века можно считать, что и не было. Радикальными долгое время считались любые шаги в сторону от советского идеологического центра. На поверку же оказалось, что эти шаги были, мягко говоря, не очень широкими. Так что традиции нет.

Немудрено поэтому, что ассортимент чуть ли не единственного по-настоящему радикального книжного издательства в стране, «Ультра.Культуры», на 90% состоит из переводов культовой западной литературы. Основные темы: наркотики, насилие, национализм, террор и прочие маргиналии. Все то, чем когда-то пугали обывателя советские пропагандисты, ловко выдавая западный радикализм за мейнстрим.

Вождей новой идеологии «Ультра.Культура» представляет в своей серии «Жизнь запрещенных людей». Тоже, кстати, на 90% состоящей из «их» героев и антигероев. Как раз на это указывает заграничная буква «Z». Любопытная трансформация: замечательные — знаменитые — запрещенные. А еще любопытнее, чем продолжится этот ряд.

По версии «Ультра.Культуры» список выглядит так: Эдуард Лимонов, Чарльз Мэнсон, Антон Шандор Лавэй, Александр Шульгин, Луи Фердинанд Селин, Тимоти Лири, Хьюи Ньютон, Алистер Кроули, Джохар Дудаев. Что общего между этими персонажами?

Среди них три политика (Лимонов, Ньютон, Дудаев), два исследова-

теля наркотиков (Шульгин и Лири), два писателя (Лимонов и Селин), два сатаниста (Кроули и ЛаВэй), один убийца (Мэнсон) и один генерал (Дудаев). Большинства уже нету в живых. У большинства (за исключением, может быть, только Мэнсона) существует политическая или иная идеология.

Для Лимонова это национал-большевизм. Для Кроули и ЛаВэя — сатанизм. Для Селина и Ньютона — национализм в чистом виде. Для Лири и Шульгина — расширение сознания с помощью психоделиков. Для генерала Дудаева — независимая Ичкерия.

С кем и за что борются эти люди? Начнем с Лимонова. Ему, как следует из лимоновской же публицистики, не нравится решительно все. Им движет инстинкт бунтовщика, и при любом строе, при любом состоянии дел он будет категорически против. Против коммунистов и демократов, КГБ и ЦРУ, чеченцев и античеченцев. Его, кажется, не устраивает сам способ существования белковых тел. Конtradикция моря и суши. Всех, кто против или, по крайней мере, не за существующее положение вещей, он тут же зачисляет к себе в соратники.

С Ньютоном тоже понятно. Он боролся против белой Америки, истеблишмента и дискриминации. Дудаев — против России. Селином двигала плохо формулируемая злоба человека дна против буржуазного общества. Плюс антисемитизм и ксенофобия. Кроули и ЛаВею не нравились позитивные ценности ортодоксального христианства. Лири и Шульгину — ограничения духовной свободы. Мэнсону — люди как таковые.

Гораздо трудней сформулировать позитивную программу запрещенных. Да и есть ли она вообще? Лимонов, человек сложный, противоречивый, как и его партия (лево-правая, национально-интернациональная), часто теоретизирует на тему «что будет, когда мы победим». Но это рассуждения писателя, а не политика. Его взгляд на будущее сводится к туманному образу национал-большевистской Валгаллы с солдатами и голыми девками.

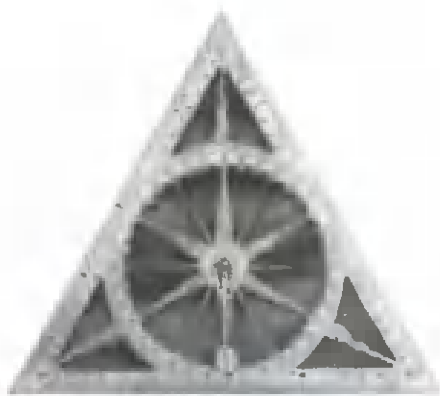
Концепция Ньютона — «револю-

ционное самоубийство». О каком позитиве, о каком будущем может идти речь, если главное — достойная смерть? Будущее для Лири — люди, обладающие «космическим сознанием», ежесекундно испытывающие мистическое откровение. Что касается Дудаева, то у него была возможность воплотить свою позитивную программу, и мы знаем, чем это кончилось. Грудами трупов и беззаконием.

Что останется от этих людей, если вычесть радикализм? С точки зрения здравого смысла — довольно много. С их собственной точки зрения — ничего выдающегося. Лимонов, например, если бы не политика, сочинял бы свои романы, издавался и продавался. Не такой уж он экстремальный писатель по сегодняшним временам, чтоб его запрещать. Дудаев остался бы тем, кем и был: блестящим генералом, одним из лучших военных в российской армии. Лири спокойно занимался бы академическими исследованиями психоделиков, запрет которых он, собственно, и спровоцировал своей бурной публичной деятельностью. И так далее. Разве что Мэнсон пошел бы тем же путем — путем маньяка-убийцы. Если вычесть безумие, от него ничего не останется.

Если не было бы запретов, ни один из них не стал бы культовым персонажем, антиобразцом, жупелом. И спокойно канул бы в вечность. Именно радикализм делает их одновременно опасными и привлекательными для разрешенных людей, ставит в зависимость от запрета. Еще Гурджиев писал: чтобы совершить высокий подвиг побега, необходима тюрьма.

Понятно, что радикализм — реакция на запрет. На запреты, которых с каждым годом становится больше и больше. И если всерьез задуматься о будущем человечества (Россия тут не исключение, а часть общей картины), то становятся видны два пути развития событий. Или запрещенные люди становятся последними людьми на Земле. Или мы находим способ направить их отрицательную энергию если не в позитивное, то, по крайней мере, в безопасное русло.

Календарь **ЗС**: октябрь

250 лет назад, 1 октября 1754 года, родился российский император Павел I, взошедший на престол после смерти Екатерины II в 1796 году и убитый в 1802.

350 лет назад, 3 октября 1654 года, в ходе русско-польской войны войском царя Алексея Михайловича после месячной осады был взят Смоленск, захваченный поляками сорока пятью годами ранее, во времена великой смуты на Руси.

75 лет назад, 5 октября 1929 года, в Ленинграде, в доме 72 по Невскому проспекту открылся первый в стране звуковой кинотеатр, оснащенный аппаратурой системы А.Ф. Шорина. В программе были концерт, киножурнал о праздновании Международного юношеского дня и съемки работ в лаборатории Шорина.

300 лет назад, 9 октября 1704 года, родился Янош Андрош Сегнер (ум. 1777), венгерский математик и физик, иностранный член Петербургской академии наук, изобретатель одного из первых конструктивных вариантов гидравлической реактивной турбины, известной под названием «сегнерова колеса».

5 лет назад, 10 октября 1999 года, в рамках международного проекта «Си Лонч» («Морской старт») был осуществлен первый ракетный запуск с космодрома в Тихом океане (к югу от Гавайских островов). Его бли-

зость к экватору в соответствии с законами физики позволяет намного увеличить полезную массу, отправляемую в космос, а безлюдность окрестных мест до минимума снижает опасность возможных неприятностей при авариях. В проекте участвуют Украина, Россия, Норвегия и США.

800 лет назад, 12 октября 1204 года, папа римский Иннокентий III своей буллой по типу ордена тамплиеров (храмовников) официально учредил духовно-рыцарский орден меченосцев, созданный епископом Рижским Альбертом фон Буксгевде-ном и первоначально носивший название «Братья воинства Христового» («Fratres militiae Christi»). Вместе с уставом ордену был присвоен и отличительный знак — белый плащ с красным крестом и мечом, отсюда и традиционное название. После полного разгрома ордена в 1236 году объединенными силами литовцев и земгалов его остатки слились с Тевтонским орденом, прибалтийское ответвление которого получило название Ливонского ордена.

1950 лет назад, 13 октября 54 года, 64-летнего римского императора Клавдия отравила грибами его четвертая жена Агриппина младшая. С детства болезненный и считавшийся родственниками физически и умственно неполноценным, Клавдий сумел много сделать для империи. Гораздо менее удачлив он был в личной жизни. Его третья жена, властная и

коварная Мессалина, вошла в историю как символ распутства. Агриппина устранила мужа, чтобы открыть путь к трону своему сыну от первого брака. Став императором под именем Нерон, он прославился чудовищной жестокостью, в числе его жертв оказалась и мать — она была по его приказу убита.

Год назад, 15 октября 2003 года, китайцы впервые отправили в космос своего соотечественника. В 9 часов утра по пекинскому времени с космодрома в пустыне Гоби стартовала ракета-носитель «Чанжень» («Великий поход»), доставившая на околоземную орбиту с перигеем 200 километров и апогеем 343 километра космический корабль «Шэньчжоу-5» («Священная ладья» — модернизированный советский «Союз»), в котором находился 38-летний подполковник НОАК (Народно-освободительная армия Китая) Ян Ливей. За 21 час космический корабль сделал 14 оборотов вокруг Земли и благополучно приземлился в заданном районе на территории КНР.

150 лет назад, 17 октября 1854 года, в ходе катастрофической для России Крымской войны 1853 — 1856 годов англичане и французы начали одновременную бомбардировку севастопольских позиций русских войск с моря и суши. При обстреле был смертельно ранен командовавший обороной города вице-адмирал В.А. Корнилов, на смену которому пришел вице-адмирал П.С. Нахимов. Однако к реальным успехам массированная бомбардировка не привела, и, натолкнувшись на умелое и упорное сопротивление, англо-франко-турецкие войска вынуждены были перейти к длительной осаде. Героическая оборона Севастополя продолжалась почти год, город пал только 9 сентября 1855 года.

550 лет назад, 22 октября 1454 года, была сделана первая (из точно датированных) покупка печатной продукции. В Майнце некая Маргаре-

та Кремер и ее сын Иоганн приобрели индульгенцию, отпечатанную там же великим изобретателем книгопечатания Иоганном Гутенбергом, первые опыты печати которого исследователи относят к 1440 году. Продажа грамот об отпущении грехов, индульгенций, практиковалась с XI века и к XIII веку приобрела огромные масштабы. Индульгенции размножали вручную, и на изготовление одного экземпляра искусный каллиграф затрачивал чуть ли не целый рабочий день. С появлением печатного станка бланки тиражировались десятками тысяч экземпляров по бросовой себестоимости. Фактически эти шарлатанские «квитанции» стали первым массовым заказом для типографов.

50 лет назад, 22 октября 1954 года, была организована Лаборатория физики сверхвысоких давлений АН СССР (с 1958 — Институт физики высоких давлений АН СССР), один из ведущих мировых исследовательских центров, особенно прославившийся разработкой технологии получения синтетических алмазов.

100 лет назад, 23 октября 1904 года, в ходе русско-японской войны при обороне Порт-Артура русскими войсками были впервые в мировой военной практике использованы минометы (термин появился в Первую мировую войну). Миномет был сконструирован командиром артиллерийской батареи Леонидом Николаевичем Гобято.

20 лет назад, 27 октября 1984 года, было открыто сквозное движение поездов по Байкало-Амурской магистрали (БАМ) протяженностью 3145 километров, строительство которой началось в 1938 году силами заключенных, прервалось с началом войны и возобновилось в 1974 году. Вдоль магистрали пришлось соорудить более 3900 железнодорожных мостов.

*Календарь подготовил
Борис Явелов.*

**Как известно,
Леонардо да Винчи знал все.
Но даже он сегодня подписался бы
на журнал «Знание – сила».
мы знаем больше...**

**Подписная цена на I полугодие 2005 года
по каталогу агентства «Роспечать» для
индивидуальных подписчиков
(индекс издания 70332)
без учета почтовой доставки:**

**на 1 месяц – 50 рублей,
на 3 месяца – 150 рублей,
на полугодие – 300 рублей.**

Ф.С.И.	АБОНЕМЕНТ		70332 (индекс издания)																								
	на <u>госету</u> журнал		Количество комплектов																								
	"Знание – сила" (наименование издания)																										
	на <u>2005</u> год по месяцам:																										
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <th>1</th><th>2</th><th>3</th><th>4</th><th>5</th><th>6</th><th>7</th><th>8</th><th>9</th><th>10</th><th>11</th><th>12</th> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда		(почтовый индекс) (адрес)																									
Кому		(фамилия, имя, отчество)																									
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td style="width: 33%;">ПВ</td> <td style="width: 33%;">место</td> <td style="width: 33%;">ли-тер</td> </tr> </table>		ПВ	место	ли-тер	ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА 70332 (индекс издания)																					
	ПВ	место	ли-тер																								
	на <u>госету</u> журнал		Количество комплектов																								
	"Знание – сила" (наименование издания)																										
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td rowspan="2" style="width: 15%; text-align: center; vertical-align: middle;">Стои-мость</td> <td style="width: 20%; text-align: center;">подписки</td> <td style="width: 20%;">_____ руб. _____ коп.</td> <td rowspan="2" style="width: 45%;"></td> </tr> <tr> <td style="text-align: center;">пере-адресовки</td> <td>_____ руб. _____ коп.</td> </tr> </table>		Стои-мость	подписки	_____ руб. _____ коп.		пере-адресовки	_____ руб. _____ коп.																			
	Стои-мость	подписки		_____ руб. _____ коп.																							
		пере-адресовки	_____ руб. _____ коп.																								
	на <u>2005</u> год по месяцам:																										
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <th>1</th><th>2</th><th>3</th><th>4</th><th>5</th><th>6</th><th>7</th><th>8</th><th>9</th><th>10</th><th>11</th><th>12</th> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12															
Куда		(адрес)																									
Кому		(фамилия, имя, отчество)																									

Логика и груши

Один американский ученый, исследуя воздействие растительной пищи на организм человека, обнаружил, что зеленый салат развивает музыкальные способности, а спелые груши — склонность к логическому мышлению. Морковка и шпинат делают человека меланхоличным, а картофель действует очень успокаивающе.

Откуда взялись макаронеры?

Можно отшутиться: из меню, если они там есть, или с полки в бакалейном магазине, с макаронной фабрики, наконец. Но это сам продукт, а слово? Одни утверждают, что название этому блюду дал какой-то кардинал, увидев их впервые на своем обеденном столе и воскликнув: «О, ма карони!», что значит: «Как это мило!». Другие возражают и вполне резонно: не все языковые находки принадлежат отцам церкви. Вспоминают при этом, что древние греки, посещая Апеннинский полуостров и видя там что-то особенное, характеризовали это однозначно: «Маккероне».

Однако географически просвещенные гастрономы ссылаются на Марко Поло, привезшего с

собой из Китая в качестве сувенира тонкие трубочки из теста. Правда, китайцы изготавливали их из невиданной в Европе рисовой муки, и многим это могло показаться и впрямь диковинкой. Но вот что еще интересно: макароны упоминаются в «Декамероне». Скорее всего, это слово действительно родилось в итальянской глубинке, ибо сам Боккаччо был немало удивлен тем, что уже в четырнадцатом веке там в южных поселениях и городках варили макароны. А заморские деликатесы только закрепили это словупотребление в итальянском языке. Возникло даже такое понятие — «макаронический стиль», шуточный литературный стиль, где речь персонажей или описание от автора пересыпаны искаженными иностранными словечками или измененными на иноземный лад словами родного языка. Иначе говоря, те же макароны, но под чужеземным соусом — ешьте на здоровье, читайте или слушайте — на любой вкус. Кстати, наш Пушкин в стихах писал: «макарони».

Мешки для рук

Первые известные науке перчатки найдены в гробнице Тутанхамона. Конечно, им было далеко до современных. Сначала перчатки шили в виде мешков, потом наподобие варежек, и, наконец, появились перчатки с пальцами. Жители Древнего Египта ими не пользовались, хотя и получали в дар от покоренных народов как знак

вассальной зависимости. В Афинах же аристократы надевали перчатки, дабы не запачкать рук во время еды.

Трудно поверить

Представьте себе гостиницу с просторным вестибюлем, комфортабельными номерами, ресторанами, кинотеатром и баром, но целиком построенную из снега и льда.

Трудно поверить, но такой отель существует уже пять лет недалеко от Квебека. Здесь есть все удобства, даже джакузи. Ледяные стены толщиной в 120 сантиметров позволяют поддерживать внутри температуру на уровне 25 градусов выше нуля при минус 5 — 18 градусах снаружи. Конечно, ледяная гостиница недолговечна. В конце марта все тает, а в следующий зимний сезон ее вновь отстраивают. На строительство уходит 11 тысяч тонн снега и 350 тонн льда. Но затраченные усилия и средства окупаются с лихвой. Только за три месяца здесь остановились хотя бы на одну ночь около трех тысяч человек, а просто любопытных побывало 50 тысяч!

О Шерлоке Холмсе
читайте
в **с л е д у ю щ е м**
номере